

ДНЕВНИКЪ

Барона Алексѣя Будберга *

1917 годъ

7 Октября. Бѣдилъ въ штабъ арміи на освидѣтельствованіе для того, чтобы получить право на причисленіе къ Александровскому Комитету о раненыхъ; послѣдствія двухъ тяжелыхъ контузій даютъ себя знать все сильнѣе и сильнѣе; надо подумывать о будущемъ, такъ какъ дальше служить уже невыносимо, и вопросъ объ обезпеченіи оставшейся жизни дѣлается сейчасъ страшно серьезнымъ. По дорогѣ, какъ всегда, масса расхлястанныхъ солдатъ. При освидѣтельствovanіи нашли волосную трещину черепа — воспоминаніе о той нѣмецкой шестидюймовой бомбѣ, съ которой пришлось познакомиться на позиціи первой батареи около фольварка Леоново; признали право причисленія къ третьему классу о раненыхъ, а временно даже ко второму. Сейчасъ всѣ мои мечты сводятся къ тому, чтобы попасть въ члены военнаго Совѣта; думаю, что имѣю на это право и принесу туда очень солидный военный опытъ и строевой, и административный, и военнаго, и мирнаго времени.

Здѣсь на фронтѣ я, какъ и множество насъ начальниковъ, совершенно бесполезенъ, и это-то больше всего меня терзаетъ и разстраиваетъ; работа всегда меня удовлетворяла только тогда, когда приходилось видѣть, чувствовать или сознавать, что она приносила полезные результаты, а не была простымъ толченьемъ воды въ ступѣ; сейчасъ же всѣ мы, несчастные уговаривающіе разныхъ ранговъ, продолжающіе судорожную работу и пытающіеся что-то спасти и что-то предотвратить, напоминаемъ какихъ-то фанатиковъ, которые своими тѣлами хотятъ остановить сорвавшуюся огромную колесницу, летящую съ крутого откоса въ глубокую пропасть; мы судорожно цѣпляемся за что-то, молимъ о какомъ-то чудѣ, но большинство понимаетъ, что спасенія уже нѣтъ; армія, у которой выбили ея душу — дисциплину, давно уже перестала существовать; осталась одна видимость, полная уже внутри такого гноя и разложенія, что только одно великое чудо могло бы насъ спасти; ну, а чудеса встрѣчаются только въ преданіяхъ, да въ книжкахъ, а въ реальной дѣйствительности царятъ непреложные законы природы; разъ нѣтъ средства для остановки начавшагося разложенія, будь то физическое или нравственное, значитъ крышка! и весь вопросъ только въ температурѣ и сырости, которыя могутъ задержать или ускорить разложеніе; сейчасъ температура лѣзетъ вверхъ не по днямъ, а по минутамъ, и трупныя пятна расползаются все гуще и гуще.

Въ Двинскѣ узналъ отъ одного изъ офицеровъ оперативнаго отдѣла штаба арміи о томъ, что штабъ Главнокомандующаго фронтомъ разрабатываетъ какой то проектъ о новомъ наступленіи. Это при теперешнемъ то настроеніи нашихъ товарищей, думающихъ только о безопасности своей шкуры и о томъ, какъ бы побольше сорвать съ казны! и при теперешней непролазной грязи, сдѣлавшей почти невозможнымъ дальнѣйшій подвозъ дневного продовольствія, и при современномъ состояніи лошадей, которыя дохнутъ какъ мухи! Вѣдь со всѣмъ этимъ не справиться никакими завываніями совѣтовъ и комитетовъ, никакими митингами и резолюціями.

* Баронъ Алексѣй Будбергъ командовалъ осенью 1917 г. корпусомъ, стоявшимъ около Двинска. Въ серединѣ ноября 1917 г., оставивъ командованіе корпуса, переѣхалъ въ Петербургъ. Въ концѣ января 1918 г. выѣхалъ на Дальній Востокъ, гдѣ оставался, преимущественно въ Харбинѣ, до весны 1919 г. 26 марта 1919 г. былъ назначенъ Главнымъ Начальникомъ Снабженія при Ставкѣ адм. Колчака и въ концѣ апрѣля того-же года выѣхалъ въ Омскъ, гдѣ оставался въ указанной должности, а потомъ и въ должности Управляющаго Военнымъ Министерствомъ до октября 1919 г. Дневникъ барона Будберга, первая часть котораго печатается въ настоящемъ томѣ «АРХИВА», обнимаетъ собою время отъ 7 октября 1917 г. до 31 октября 1919 г.

Уже іюньское наступленіе достаточно ярко показало, что по боевой части мы безнадежно больны и что никакія наступленія для насъ уже немислимы; нѣмцы съ искусствомъ Мефистофеля использовали свое знаніе современной русской души и при помощи Ленинской компаніи вспрыснули намъ ядъ, растворившій послѣднія жалкія корочки, въ которыхъ еще наружно держалась русская армія; уничтоженіе дисциплины, проклятый принципъ «постолько-посколько» и пораженческая пропаганда обратила насъ въ опасныя для всякаго порядка вооруженныя толпы, которыя пойдутъ за тѣмъ, кто посулитъ имъ побольше вкуснаго и давно уже вождедѣмаго, побольше правъ и наслажденій при минимумѣ обязанностей, работы и непріятностей. Тотъ же, кто только заикнется о боѣ, съ коимъ связаны такіе жупелы, какъ усиленныя работы и возможность страданій, ранъ и смерти, будетъ самымъ ненавистнымъ врагомъ. Ну а съ врагами, несмотря на ихъ положеніе, уже перестали считаться. Сейчасъ брошенный на фронтъ лозунгъ «долой войну» привлекъ къ себѣ сердца и симпатіи всѣхъ шкурятниковъ (а ихъ, съ приходомъ послѣднихъ укомплектованій, у насъ стало больше 80%) и сорвалъ послѣднія удерживающія крѣпи съ тѣхъ, у которыхъ шкурятническія побужденія сдерживались когда то дисциплиной, боязнью суда и разстрѣла, а отчасти старой рутинной повиновенія и обрывками втолканнаго когда-то сознанія обязанности защищать родину. Нѣмцы, видимо, хорошо знали, какими подпорками внутри держится грандіозное снаружи зданіе русской военной мощи; они знали, насколько уже подгнили эти подпорки, и какой смертельный ударъ былъ нанесенъ имъ всѣми этими господами Гучковыми и Керенскими, съ великой развязностью и самомиѣніемъ продѣлавшими надъ русской арміей свои диллетантскіе эксперименты; нѣмцы нашли зловѣщее средство повалить все это окончательно и сдѣлать это русскими же руками подъ руководствомъ подготовленныхъ quasi русскихъ инструкторовъ; для этого противъ насъ и было пущено то средство, которое оказалось гибельнѣе всякихъ ціанистыхъ ядовитыхъ газовъ — пораженческая пропаганда и большевизмъ.

Я плохо знаю теперешнее состояніе Германіи, но мнѣ кажется, что нѣмцы должны были быть очень увѣрены въ патріотизмъ и разумъ своего народа и въ его иммунитетъ отъ выбрасываемой на нашу гибель заразы, когда рѣшались на такое исключительное средство, видимо послѣднее, что у нихъ оставалось, чтобы вывести изъ строя своего наиболѣе опаснаго по естественнымъ ресурсамъ врага. Еще въ 1905 году юмористическій журналъ князя Волконскаго «Плювіумъ» доказывалъ, что наиболѣе распространенной въ Россіи партіей являлись С. С. (сукины сыны) съ девизомъ «поменьше работы, побольше денегъ». Теперь этотъ девизъ пущенъ въ самое широкое обращеніе и перевернулъ все вверхъ тормашками, ибо, неперевариваемый и въ мирное время, онъ во время войны, да еще такой, какъ настоящая, хуже самой смерти. Онъ насъ быстро и безповоротно слопалъ, ибо не было у насъ противъ него противоядій: здороваго, сердцемъ и головой рожденнаго патріотизма, разума и просвѣщенія народныхъ массъ и дѣльныхъ и прозорливыхъ политическихъ вождей; не было и необходимыхъ при такой заразѣ дезинфекціонныхъ и асептическихъ средствъ: силы и желѣза власти.

Іюньско-іюльскіе опыты главковерха изъ адвокатовъ помогли нѣмцамъ не меньше, чѣмъ Ленинъ со «товарищи»; шкурниковъ силой погнали на бойню и реально показали всю колючую сторону войны и всѣ ея ужасы; шкурники воочію увидали, что можетъ случиться съ ихъ шкурой, если слушаться самага даже наидемократичнѣйшаго и сладкоглаголиваго начальства; они поняли, что при такихъ наступательныхъ непріятностяхъ можно и шкуру продырявить и не получить своей доли въ сладкихъ пріобрѣтеніяхъ російской революціи, каковыхъ они съ большимъ нетерпѣніемъ и не меньшей жадностью ожидали.

Товарищъ Керенскій вообразилъ, что арміи можно поднять на подвигъ истерическими визгами и навинчиваніемъ толпы пустопорожними резолюціями; онъ такъ привыкъ къ словеснымъ побѣдамъ надъ слабыми головами русскихъ судей, надъ настроеніемъ публики большихъ политическихъ процессовъ путемъ многоглаголанія и сбиванія въ смятку мозговъ у слушающихъ, что считалъ, что эти методы примѣнимы и при вождѣйствіи на тѣ вооруженныя толпы-массы, которыя именовались арміей. Штатскій

Главковерхъ, вѣроятно, искренно и убѣжденно думалъ, что обладаетъ такой силой глагола, которая способна произвести тотъ же, какъ и на митингахъ и словопреніяхъ, эффектъ въ примѣненіи къ тому Великому Ужасу, который именуется войной, да еще и въ современномъ ея воплощеніи съ ея невѣроятно грандіозными и цѣпящими даже и неробкія души средствами истребленія и великаго душевнаго потрясенія. Я до сихъ поръ помню тѣхъ сошедшихъ съ ума солдатъ-нѣмцевъ, которыхъ мы взяли въ плѣнъ послѣ 48 часового обстрѣла нѣмецкихъ окоповъ; а, вѣдь, у насъ былъ только 6-дюймовый калибръ. Я помню присланныя намъ выписки изъ дневника убитаго при обратномъ взятіи Вердена нѣмецкаго капитана, отмѣтившаго, что расположеніе его сосѣда уже седьмой день обстрѣливается непрекращающимся ни на минуту огнемъ 28-сантиметровыхъ орудій, и что почти всѣ защитники этого участка сошли съ ума.

Быть можетъ, въ окопахъ мы еще какъ нибудь отсидимся, но мечтать сейчасъ о наступленіи могутъ только совершенно безумные люди. Четыре мѣсяца тому назадъ моя 70 дивизія была еще способна на порывъ и на наступленіе, а теперь нельзя объ этомъ и заикнуться; о такихъ же отбросахъ, какъ 120 и 121 дивизіи, и говорить нечего. Малѣйшій разговоръ даже о подготовкѣ къ какимъ нибудь наступательнымъ дѣйствіямъ сразу швырнетъ войска въ руки тѣхъ, которые имъ говорятъ, что продолженіе войны нужно начальству, чтобы получать побольше денегъ и побольше наградъ, и сдѣлаетъ насъ для нашихъ солдатъ врагомъ безконечно болѣе опаснымъ и ненавистнымъ, чѣмъ сидящіе въ окопахъ нѣмцы; послѣдніе очень умѣло бубнятъ въ ежедневно намъ бросаемыхъ «Товарищахъ» и «Русскихъ Вѣстникахъ», что они друзья русскаго народа и совершенно не хотятъ съ нимъ воевать; если же нѣтъ мира, то вся задержка только въ русскомъ начальствѣ и въ русскихъ офицерахъ.

Неужели же Псковъ не знаетъ и не понимаетъ всего этого, особенно послѣ уже бывшаго печальнаго опыта іюньскаго наступленія, которое самымъ кричащимъ образомъ доказало, что даже тогда, при несравненно болѣе разумномъ настроеніи частей фронта, онѣ оказались неспособными даже на небольшой порывъ, необходимый для того, чтобы наступленіемъ пѣхоты закрѣпить результаты, добытые двухдневной и очень продуктивной работой огромной артиллеріи, въ небывалыхъ еще здѣсь на фронтѣ размѣрахъ. И это было четыре мѣсяца тому назадъ, состояніе частей было безконечно лучше, стояла чудная лѣтняя погода, дороги были въ отличномъ состояніи, въ порядкѣ были и лошади. Теперь три недѣли сплошныхъ дождей обратили дороги Двинскаго района въ непролазные топи (сегодня по дорогѣ въ Двинскъ, на главной магистрالی я видѣлъ нѣсколько парныхъ экипажей, затонувшихъ въ грязи и такъ и брошенныхъ; выпряженные лошади отдыхали на ближайшихъ пригоркахъ). Весь конскій составъ отъ тяжелой работы и плохого подвоза фуража, а также отъ «революціонной» халатности товарищей доведенъ до отчаяннаго состоянія; обозные и парковые смотрятъ только за тѣми лошадьми, которыхъ они рѣшили взять съ собой при ожидаемомъ ими концѣ войны домой (это они считаютъ своимъ законнымъ не подлежащимъ никакому оспариванію правомъ).

Всѣ эти условія относятъ всѣ мечты о наступленіи въ разрядъ совершенно несбыточныхъ и въ то же время очень опасныхъ утопій, въ которыхъ намъ очень легко «утонуть». Но наши Ставки и Главкоштабы живутъ на лунѣ, въ полномъ забвеніи дѣйствительности, съ мѣстомъ и временемъ не считаются, войскъ, ихъ состоянія и условій ихъ жизни и службы совершенно не знаютъ; очевидно, что при такой обстановкѣ возможны идиотизмы и нелѣпости всякаго сорта или калибра.

Какія либо возраженія или убѣжденія тутъ безсильны; въ этомъ отношеніи революція ничего не измѣнила и Главкоштабы по прежнему гордо возсѣдаютъ на старыхъ тронахъ, окруженные атмосферой непрекословнаго послушанія и воспрещенія «смѣть свое сужденіе имѣть». Мы обязаны по рабски все принимать; намъ только приказываютъ и приказываютъ къ исполненію то, что сами приказывающіе осуществить не въ состояніи, причемъ они не могутъ не знать, что войска этихъ распоряженій все равно не выполнятъ и что ни комитеты, ни начальники не располагаютъ уже теперь средствами для того, чтобы заставить неповинующіяся части выполнить отдаваемые имъ приказанія. И вѣдь

чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, пбо по той дорожкѣ, по которой мы катимся внизъ, уже нѣтъ возврата.

Получается идиотская, невыразимо мрачная и безконечно опасная нелѣпица; мы продолжаемъ думать или притворяемся, что представляемъ изъ себя еще что-то въ то время, когда мы уже ничто и безповоротно ничто, или во всякомъ случаѣ очень близки къ этому предѣлу. Уже поздно; поздно и позорно становится теперь въ грозныя позы и гремѣть громами, болѣе смѣшными и бутафорскими, чѣмъ громы Калхаса; никто уже не вѣритъ въ поверженныхъ и развѣнчанныхъ боговъ и въ ихъ силу, никто уже не боится ихъ громовъ; а если и продолжаютъ иногда еще слушаться, то это «послѣднія тучки разсѣянной бури». Все же хочется думать, а временами даже и вѣрится, что несмотря на всю мрачность нашего положенія, не все еще окончательно потеряно, и что, принявъ немедленно самыя исключительныя и не останавливающіяся ни передъ какими экстравагантностями мѣры, можно было бы продолжать вести оборонительную войну; эти мѣры — отказъ отъ наступленія, переходъ на добровольную службу за большое вознагражденіе, а главное прекращеніе той подозрительности, съ которой относятся къ намъ строевымъ начальникамъ правительство и разные комитеты, особенно послѣ Корниловской исторіи. Всѣ мы, сидящіе на самомъ фронтѣ, у самого солдата, безконечно далеки отъ тѣхъ заоблачныхъ фантазій, отъ которыхъ пухла голова ставочныхъ возстановителей, и въ этомъ отношеніи насъ бояться нечего, а намъ надо повѣрить и намъ помочь; какъ бы ни далеки были мы отъ согласія съ тѣмъ, что установилось сейчасъ на Руси, но мы думаемъ только о фронтѣ, о возможности продолжать войну и побѣдить врага; потому мы уйдемъ или будемъ, можетъ быть, бороться противъ того, чего не сможемъ признать, но сейчасъ для даннаго порядка вещей нѣтъ никого болѣе ему лояльнаго, чѣмъ огромное количество строевого команднаго состава.

Бояться насъ глупо; подозрѣвать въ желаніи взорвать существующій порядокъ нелѣпо; вѣдь это такъ ярко доказано нами и въ мартѣ, и въ августѣ, когда чувство ответственности за фронтъ властно заглушило въ насъ все остальное.

Но для спасенія вверху нужны иныя лица, иныя рѣшенія, иныя методы, а имъ, видимо, уже не бывать. Въ тылу опустошительнымъ пожаромъ разливается пораженческая волна; нѣмецкій ядъ проникаетъ все глубже. Все чаще и чаще случаи рѣшительнаго отказа частей идти на смѣну стоящихъ въ окопахъ; отказаться въ открытую еще зазрять послѣдніе, еще не разсоставшіеся остатки старой совѣсти, и поэтому выдумываютъ самыя пестрыя, подчасъ, невѣроятно нелѣпыя причины своего отказа; члены армейскаго комитета посягаютъ какъ угорѣлые, уговаривая, усовѣщивая, убѣждая и иногда даже грозя, и съ великими усиліями вытаскиваютъ упирающихся на фронтъ. За полдня, что я провѣлъ сегодня въ Двинскѣ въ штабѣ арміи и въ армейскомъ комитетѣ было получено три донесенія объ отказѣ частей идти на смѣну, причемъ въ 19 корпусѣ одинъ изъ полковъ 38 дивизіи заявилъ, что онъ вообще больше въ окопы не пойдетъ.

Во всѣхъ резервахъ идетъ сейчасъ безконечное митингованіе съ выносомъ резолюцій, требующихъ «мира во что бы то ни стало»; старые разумные комитеты уже развалились; и вожаками частей и комитетовъ сдѣлались ораторы изъ послѣдне прибывшихъ маршевыхъ ротъ, отборные экземпляры шкурниковъ, умѣло замазывающіе разными выкриками и революціонной макулатурой истинныя основанія своей нехитрой идеологіи: во что бы то ни стало спасти отъ гибели и непріятностей свою шкуру и, пользуясь благоприятной обстановкой, получить максимумъ плюсовъ и минимумъ минусовъ.

Всѣ мы начальники — безсильные и жалкіе манекены, шестеренки разрушенной машины, продолжающіе еще вертѣться, но уже неспособные повернуть своими зубцами когда то послушные намъ валы и валики. Ужасъ отдачи приказа безъ увѣренности, а часто и безъ малѣйшей надежды на его исполненіе, кошмаромъ повисъ надъ русской арміей и ея стратотерпцами начальниками и зловѣщей тучей закрылъ послѣдніе просвѣты голубого неба надежды. Штатскіе господа, быть можетъ и очень искренніе, взявшіе въ свои руки судьбы Россіи и ея арміи, неумолимо гонятъ насъ къ роковому концу.

Что могу сдѣлать я, номинальный начальникъ, всѣми подозрѣваемый, связанный по рукамъ разными революціонными и яко бы демократическими лозунгами и нелѣпо-

стями, рожденными петроградскими шкурниками такъ называемыхъ медовыхъ дней революціи; никому нѣтъ дѣла до того, что всѣ эти явные или замаскированные пораженческіе и антимилитаристическіе лозунги недопустимы во время такой страшной войны; но ихъ бросили массамъ и они стали имъ дороги, и въ нихъ массы увидѣли свое счастье, избавленіе отъ многихъ великихъ и страшныхъ золъ, и удовлетвореніе многихъ вожделѣній, — жадныхъ, давно лелѣянныхъ, всегда далекихъ и недоступныхъ, и вдругъ сразу сдѣлавшихся и близкими, и доступными. Горе тому, кто покусится или даже будетъ только заподозрѣнъ въ покушеніи на цѣлость и сохранность всѣхъ животныхъ благъ, принесенныхъ этими лозунгами и сопровождавшимъ ихъ общимъ разваломъ. И всѣ эти лозунги и патентованныя непогрѣшимости направлены противъ войны, противъ дисциплины, противъ обязанностей и всякаго принужденія. Какъ же начальники могутъ существовать при такой обстановкѣ, тѣ самые начальники, отъ которыхъ смыслъ ихъ бытія требуетъ какъ разъ обратнаго, то-есть напряженнаго веденія войны, поддержанія строгой дисциплины, надзора за добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей и примѣненія самыхъ суровыхъ и доходящихъ до смертной казни принужденій. Я уже не разъ говорилъ объ этомъ предсѣдателю нашего армискома, но онъ увѣряетъ, что все пройдетъ, и что вскорѣ долженъ появиться въ арміи новый здоровый революціонный духъ и новая революціонная дисциплина. Это у нашихъ то — товарищей!

Верхи требуютъ отъ насъ рѣшительныхъ мѣръ и поднятія дисциплины, а рядомъ терроризированные вооруженными толпами суды оправдываютъ вдохновителя и руководителя бунта, Лейбъ Гренадера Штабсъ Капитана Дзевалтовскаго и его товарищей героевъ Тарнопольскаго погрома и Тарнопольскаго позора.

Въ тылу начался грабежъ уходящими съ фронта дезертирами товарныхъ поѣздовъ съ продовольствіемъ, идущимъ въ арміи; получено распоряженіе армискома отправить въ тылъ вооруженные конвои для сопровожденія нашихъ поѣздовъ; дезертирство разливается повсюду; только у меня еще держатся 18 и 70 дивизіи, въ которыхъ, если и есть дезертиры, то только изъ недавно пришедшихъ пополненій самаго гнуснаго состава, и безъ того растерявшихъ въ пути отъ 50 до 90%.

Разстройство подвоза грозитъ самыми неприятными послѣдствіями, такъ какъ теперь не 1915 годъ и «товарищи» не примирятся съ тѣми недостатками въ довольствіи, которые такъ молчаливо и терпѣливо переносили «солдаты». Мрачно, тяжело и безнадежно; продолжаю наружно бодриться, бурно работаю и тащу за собой другихъ, глубоко запрятывая отъ подчиненныхъ то, что сидитъ въ головѣ и грызетъ сердце, такъ какъ не имѣю права никого заражать своимъ пессимизмомъ.

Кошмарно работать, не вѣря уже въ успѣхъ, и не имѣя надеждъ на будущее; сколько работы, энергіи и нервовъ я вложилъ въ подготовку и исполненіе іюньскаго наступленія, а чѣмъ все это кончилось! всѣ успѣхи 70 дивизіи были уничтожены трусостью и разваломъ сосѣдей.

Ничего не понимаю въ поведеніи союзниковъ; говорилъ по этому поводу въ штабѣ арміи, но и тамъ ничего не знаютъ. Неужели же союзниковъ не тревожитъ то, что съ нами происходитъ; не знаютъ они не могутъ, ибо весь фронтъ набитъ тысячами ихъ представителей, долженствующихъ видѣть и понимать, что дѣлается сейчасъ съ русской арміей и чѣмъ все это можетъ для нихъ кончиться. Неужели они не видятъ, на какіе подводные камни несется русскій корабль подъ руководствомъ присланныхъ изъ Германіи лодмановъ и ихъ вольныхъ и невольныхъ, явныхъ и тайныхъ помощниковъ, со-трудниковъ и приспѣшниковъ.

Вѣдь союзники должны понимать, что то, что у насъ происходитъ, постепенно выводитъ насъ изъ игры и снимаетъ насъ съ боевыхъ счетовъ; должны же они наконецъ понимать, что Россія гниетъ, а историческое и социальное гниеніе также опасно и заразительно, какъ и всякій гнойный процессъ. Сейчасъ намъ нужны во что бы то ни стало иностранные ледники для пониженія температуры и остановки гнилостнаго процесса. Нѣсколько хорошихъ дивизій, во время намъ присланныхъ, явились бы тѣми крѣпями, которыя остановили бы происходящее крушеніе русской военной храмины, особенно, если это были бы американскія войска, по сущности своей безопасныя отъ какихъ либо

реакціонныхъ подозрѣній. Они дали бы устойчивость фронту и явились бы нравственной, а когда понадобилось бы, то и матерьяльной поддержкой того правительства и той военной власти, которыя, не будучи одурманенными туманами революціонной белиберды, понимали, что демократія, реформы и отказъ отъ старыя скверны это одно, а общій развалъ, гной и самыя грозныя перспективы для всего будущаго Россіи это нѣчто совсѣмъ иное, порядка уже анархично-разбойничьяго, а никакъ не революціоннаго.

Комитеты болтаютъ и резолируютъ; лучшіе изъ нихъ пытаются что то дѣлать. Россійское пустобрехство расцвѣло во всю; одинъ изъ полковыхъ комитетовъ вынесъ резолюцію не ходить на занятія, такъ какъ отъ этого портится обувь; въ другомъ тоже потребовали отмѣны занятій, но уже по другой причинѣ, ссылаясь на то, чтобы воины не уставали и сохраняли всегда свѣжія силы на случай внезапнаго нападенія непріятели; дивизионные комитеты не осмѣлились сами отмѣнить эти постановленія и передали ихъ въ корпусный комитетъ; послѣдній ихъ отмѣнилъ, но вѣдь никто съ его рѣшеніемъ не станетъ считаться, предпочитая занятіямъ игру въ 66.

Разложеніе распространилось и на державшуюся такъ долго въ полномъ порядкѣ 70 дивизію, которую подскѣкъ переводъ ея за Двинскъ; она впервые попросила пока отсрочить заступленіе ея въ окопы на смѣну 18 дивизіи, измысливъ въ качествѣ предлога необходимость переизбрать всѣ комитеты. Красная черта всѣхъ постановленій это отмѣна какихъ либо обязанностей, при соотвѣтственномъ оправдательномъ или объяснительномъ соусѣ только что указанныхъ рецептовъ.

Все болѣе и болѣе углубляюсь въ свое убѣжденіе, родившееся у меня впервые въ маѣ, что единственная лазейка изъ создавшейся разрухи это немедленный, какъ говорятъ — въ пожарномъ порядкѣ, переходъ къ добровольческой арміи и разрѣшеніе всѣмъ нежелающимъ воевать вернуться домой. Всѣ не уйдутъ, а если бы ушли, то это было бы яркимъ показателемъ того, что дальнѣйшее продолженіе войны невозможно. А то, что уйдутъ не всѣ, показали опросъ произведенный недавно дивизионными комитетами 18 и 70 дивизіи, причемъ готовность остаться заявили въ первой около 1000 ч., а во второй около 1400; въ 120 и 121 дивизіяхъ не опрашивали, ибо тамъ навѣрно всѣ захотятъ домой, и я былъ бы счастливъ, если бы судьба меня избавила отъ этихъ навозныхъ кучъ, составленныхъ изъ собранныхъ отовсюду отбросовъ, обильно залитыхъ самымъ большевистскимъ жидкимъ удобреніемъ; 120 дивизія уже и такъ выдѣлила въ батальонъ смерти все, что въ ней было порядочнаго, и этотъ батальонъ несетъ всякую службу въ десять разъ эффективнѣе всей дивизіи.

Лучше имѣть 4000 отборныхъ людей, чѣмъ 40 тысячъ отборной шкурятины; нужно только установить, чтобы оставшіеся на фронтѣ получали двойное натуральное довольствіе плюсъ все причитающееся на полный штатный составъ части денежное; я говорилъ по этому поводу съ двумя командармами и двумя главкосѣвами, писалъ въ главное управленіе генеральнаго штаба, но всюду мое предложеніе сочли черезчуръ экстравагантнымъ, послѣднее время эта мысль получила широкое между строевыми начальниками распространеніе, но, какъ говорятъ, противъ нея стоятъ всѣ комитеты и всѣ петроградскіе Цики; считается, что останутся только самыя реакціонныя элементы, которые и повернуть все направо кругомъ.

У Ревеля совсѣмъ плохо; повидимому, архипелагъ острововъ потерявъ; изъ сообщаемыхъ оттуда свѣдѣній не извѣстна судьба нашихъ судовъ.

8 Октября. Ночью получилъ чрезвычайно непріятное донесеніе начальника 70 дивизіи, что 277 Переяславскій полкъ отказался идти изъ резерва на смѣну частей 18 дивизіи; такимъ образомъ завершился весь циклъ разложенія корпуса и перестала существовать, какъ настоящая боевая единица, еще одна часть несчастной русской арміи; очевидно, порядокъ въ дивизіи доживалъ свои послѣдніе остатки, и стояніе въ резервѣ за Двинскомъ и вся гнилая атмосфера Двинскаго района ее доконали. Какъ ни умолялъ штабъ не трогать дивизію, Двинскъ настоялъ на своемъ, и вотъ каковы результаты; если бы мнѣ разрѣшили сдѣлать по моему, то-есть поставить всѣ три дивизіи въ линію и установить такой порядокъ смѣны, чтобы по одному полку отъ дивизіи стояло въ окопахъ, а остальные въ резервахъ разной очереди, то я увѣренъ, что дивизіи не только

бы не разложились, а получилась бы даже возможность попробовать начать их втягивать понемногу въ службу и порядокъ, и тогда все зависѣло бы только отъ того, не развалятся ли сосѣди и не вспыхнетъ ли сразу весь тылъ. Съ такимъ порядкомъ смѣны согласились даже большевистскіе комитеты 120 дивизіи, но все пошло на смарку благодаря упрямству штаба арміи, или вѣрнѣе, начальника штаба генерала Свѣчина, измыслившаго какую-то невѣроятно сложную операцію-маневръ, на случай наступленія нѣмцевъ съвернѣе Двинска и вытащившаго туда части моего корпуса въ армейскій резервъ.

Въ вынесенной Переяславскимъ полкомъ резолюціи причиной отказа идти на смѣну частей, стоящихъ уже мѣсяць въ окопахъ, выставляются отсутствіе полныхъ комплектовъ теплой одежды и требованіе немедленно заключить миръ. Очень характерна смѣсь этихъ требованій: первое пущено для увлеченія инертныхъ массъ, и какъ упрекъ незаботливому начальству, а второе сейчасъ является разливающимся по всему фронту лозунгомъ.

И въ такое время главкоштабные младенцы мечтаютъ о какихъ то наступленіяхъ и стратегическихъ маневрахъ «съ внутренними осями захожденія» и «вливаніемъ кавалерійскихъ массъ въ произведенные прорывы фронта». Прочитали бы лучше помѣщаемый ежедневно въ «Русскомъ Словѣ» отдѣлъ телеграфныхъ сообщеній со всѣхъ концовъ Россіи, очень красочно передающихъ, что тамъ дѣлается. Картина потрясающая, но заставляетъ ли она «бдѣть нашихъ консуловъ?» Имѣется тамъ же донесеніе комиссара съ южнаго фронта о томъ, что какой то корпусъ прошелъ черезъ Сорокскій уѣздъ и оставилъ за собою пустыню: все разграблено, все жилое сожжено, женщины изнасилованы; по даннымъ армейскаго комитета эти свѣдѣнія составляютъ только часть донесенія комиссара объ отводѣ въ резервъ 2 гвардейскаго корпуса, продѣлавшаго такую операцію не въ одномъ, а въ одиннадцати уѣздахъ, гдѣ на несчастіе всюду были мѣстные запасы вина.

Неужели же намъ суждено дойти до средневѣковаго: *Morte nihil melius, vita nihil rejus!* Вотъ когда показались спѣлые плоды «безкровной» русской революціи.

Газеты принесли намъ манифесты Стокгольмскаго сборища и нашихъ совѣтовъ по части окончанія войны; какое надруганіе надъ Россіей! всѣ заботы сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы не пострадали интересы Германіи. Монархическіе Метернихи, Нессельроды и Ко. черезъ сто лѣтъ обрѣли достойныхъ, хотя и революціонныхъ преемниковъ по части утопленія русскихъ интересовъ; это у насъ должно быть въ крови съ тѣхъ поръ, какъ послѣ Петра насъ нѣмецкая нянька по темячку ушибла. Давно Россія не читала такихъ откровенныхъ и циничныхъ документовъ; авторамъ стѣсняться нечего, такъ какъ по части этическихъ задержекъ они химически чисты, что при надлежащей оплатѣ золотымъ эквивалентомъ ихъ старательности снимаетъ съ нихъ всякую удержку. Кухари германскаго происхожденія или германской подготовки работаютъ умѣло, поднося все гибельное и смертельное для Россіи подъ искусно приготовленными соусами мира, покоя и освобожденія отъ непріятныхъ тяготъ и обязанностей.

Желѣзные дороги фронта опять затрещали подъ напоромъ массъ отпускныхъ и вовсе уволенныхъ отъ службы, стихійно стремящихся домой; въ перегруженныхъ до отказа вагонахъ ломаются рессоры, проваливаются полы; происходитъ масса несчастій, но на такіе пустяки перестали обращать вниманіе. Никакая власть уже не въ силахъ остановить этотъ двигающійся на востокъ ураганъ. А еще недавно это было возможно, но надо было сразу же, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, установить желѣзный порядокъ на станціяхъ главныхъ посадокъ, наказывая всѣхъ неповинующихся отставленіемъ отъ посадокъ и поощряя всячески спокойныхъ и слушающихся; затѣмъ надо хотъ теперь осуществить тотъ проектъ, который я, начиная съ 16 года, нѣсколько разъ предлагалъ Главному Управленію Генеральнаго Штаба и который состоялъ въ томъ, чтобы двигать отпускныхъ солдатъ особыми маршрутными поѣздами, снабженными обязательно вагонами кухнями, кормящими солдатъ только своего эшелона; отъ такого поѣзда не отсталъ бы ни одинъ солдатъ; солдаты бы не разносили станціи и станціонные поселки въ поискахъ продовольствія; главное же — правильность движенія дала бы массамъ полную увѣренность въ томъ, что дѣло налажено, что до каждаго дойдетъ очередь и что ѣхать этимъ предлагаемымъ и организованнымъ начальствомъ способомъ удобнѣе и скорѣе. Поте-

рять право надѣяться на силу приказа, приходилось измышлять новые способы, чтобы хоть чѣмъ нибудь сдерживать массы. Главное Управление признало идею моего проекта правильной, но проектъ совершенно неосуществимымъ вслѣдствіе технической трудности. Проклятая, убивающая насъ лѣнь и нежеланіе шевелить мозгами и беспокоиться больше, чѣмъ то нужно для отбыванія распisanія и очередныхъ номерковъ!! Я самымъ неприличнымъ образомъ выругался, получивъ такой подлый отвѣтъ, рекомендовалъ обратиться за помощью къ союзамъ Городовъ и Земствъ, но безъ результата; равнодушіе не позволило понять всю огромность психологическаго значенія сохранить на желѣзныхъ дорогахъ порядокъ и заставить страну и солдатъ почувствовать, что и надъ ними есть власть, способная «заставить» ѣхать въ порядкѣ и не своевольничать. Тутъ то и была такая обстановка, при которой все это исполнялось бы довольно легко, ибо ѣдущіе не были организованы, невооружены, а главное большинство состояло изъ готовыхъ слушаться всякаго, кто обезпечить имъ скорый отъѣздъ, безпрепятственный проѣздъ и кормежку въ пути.

Все очень трудно, когда не хочется вообще ничего дѣлать. Побезпокоиться во время не захотѣли; подобрать вожжей въ то время, когда надо, не сумѣли, а теперь ахають, что желѣзныя дороги являются ареной неописуемыхъ безобразій, заставляющихъ служащихъ убѣгать со станцій при приближеніи воинскихъ поѣздовъ.

9 Октября. Сумбурный и тяжелый день; усталый, какъ выжатый лимонъ, я свалился поздно ночью на свою походную кровать, и цѣлые полчаса Петръ возился со мной, отхаживая меня отъ сильнаго сердечнаго припадка. Весь день провелъ въ уговорахъ полковъ 70 дивизіи, которые присоединились къ резолюціи Переяславцевъ и отказались идти на смѣну 18 дивизіи; эмиссары Переяславцевъ два дня ѣздили по полкамъ, митинговали и сманили на свою сторону всю дивизію; всѣмъ показалось, конечно, очень заманчивымъ отбрыкаться отъ возвращенія, — да еще въ такую отчаянно скверную погоду, — въ непріютные окопы и разстаться съ привольной, безъ работъ и занятій стоянкой по деревнямъ, съ вѣчной днемъ и ночью игрой въ карты, съ хороводами и гулянками и прочими наслажденіями.

Промотался на автомобилѣ цѣлый день; началъ съ 280 Сурскаго полка, который за послѣднее время былъ въ относительномъ порядкѣ и очень умѣло управлялся молодымъ командующимъ Полковникомъ Мисюревичемъ при очень благожелательномъ содѣйствіи разумнаго и дѣльнаго полкового комитета, помогавшаго командиру, гдѣ это было надо, и не мѣшавшагося, куда не слѣдуетъ. Засталъ собраніе всѣхъ комитетовъ полка, выругалъ ихъ основательно за присоединеніе къ общему выступленію и пристыдилъ, что такія выкидки равносильны измѣнѣ. Отвѣчая на заданные вопросы, обстоятельно объяснилъ, почему сейчасъ не можетъ быть мира, и что мы все должны дѣлать для того, чтобъ онъ былъ поскорѣе и такой прочности, чтобы нашимъ дѣтямъ и внукамъ уже не пришлось бы больше воевать. Пригрозилъ, что если будутъ упираться, то придется употребить силу — теперь жалѣю, что это сорвалось, такъ какъ такія безсильныя и немогущія быть приведенными въ исполненіе угрозы совершенно безцѣльны, да и всегда кромѣ того считалъ, что пуганіе угрозой наказанія недостойно власти. Засталъ уже комитеты новаго выбора и новаго состава; впечатлѣніе скверное: старые разумные солдаты забаллотированы и ихъ смѣнили мрачные сѣрые субъекты изъ послѣднихъ тыловыхъ пополненій, демагоги изъ большевистскихъ вожаковъ въ запасныхъ полкахъ съ злобными сверлящими глазами и волчьими мордами. Отъ такихъ «товарищевъ» можно ждать чего угодно; двинскіе большевистскіе заправилы умѣло добились смѣны старыхъ комитетовъ, которые въ этой дивизіи являлись для нихъ камнемъ преткновенія въ ихъ разрушительной дѣятельности. Я увѣренъ, что при старыхъ комитетахъ дивизія никогда бы не закинулась даже при условіяхъ стоянки въ резервѣ за Двинскомъ.

Сейчасъ же все внутреннее, интимное и реальное руководство массами въ рукахъ тѣхъ, которые, какъ чортъ ладана, боятся окоповъ, стрѣльбы и прочихъ жупеловъ, тыломъ рожденныхъ: минъ и ядовитыхъ газовъ. Два комитетчика злобно, на самыхъ визжащихъ тонахъ выкрикивали, что они уже три года погибаютъ и мучаются въ окопахъ, а когда я спросилъ сначала ихъ, а послѣ ихъ заминки, ихъ сосѣдей, какъ давно эти

оратели въ полку, то оказалось, всего третья недѣля. Но во всякомъ случаѣ мнѣ удалось добиться пересмотра рѣшенія и передъ отъѣздомъ изъ штаба полка меня завѣрили, что полкъ послѣ обѣда выступитъ. Затѣмъ проѣхалъ въ 277 полкъ; тамъ тоже собраніе всѣхъ комитетовъ, составъ ихъ новый, такой же злобный и ожесточенный, владѣющій массами, которыя, хвативши вольнаго и лѣниваго стоянія въ резервѣ, совершенно не желаютъ мѣсить снова придвинскія грязи, лѣзть въ запущенные окопы, работать, нести охраненіе, ходить въ секреты и рисковать своей жизнью, когда впереди столько сладкихъ перспективъ.

Какой же я начальникъ при такихъ условіяхъ? приказать и заставить я уже не могу; я долженъ убѣждать и уговаривать, чтобы на время замазать то, что лѣзетъ изъ всѣхъ щелей; и для чего все это? вѣдь успѣхъ уговора такъ же непроченъ, какъ и все остальное. Я базируюсь на долгѣ, требую напряженія и подвига, тащу туда, гдѣ раны и смерть, а мои противники сулятъ блага и наслажденія, спасаютъ отъ смерти и разрѣшаютъ отъ всѣхъ непріятныхъ обязанностей.

Говорилъ до сердцѣбіенія, убѣждалъ, рассказывалъ и разъяснял; чувствовалъ, что повидимому побѣдилъ данное сборище, но сознавалъ, что впечатлѣніе отъ моихъ словъ разсѣется сейчасъ же, какъ люди вернутся въ свои роты и начнутъ разсуждать, слушаться ли командира корпуса и идти въ окопы или упереться на своемъ и продолжать сидѣть въ деревняхъ и веселиться.

Жалобы раздавались самыя слезливыя: и устали мы, и рядовъ въ ротахъ мало, и босые всѣ, и отъ голода пухнемъ; однимъ словомъ, обычныя завыванія русскаго попрошайки, когда онъ хочетъ выпросить побольше. Я по пунктамъ разбивалъ всѣ жалобы; заставилъ сознаваться, что ни босыхъ, ни голодныхъ нѣтъ, да и быть не можетъ; цифрами доказалъ, что на фронтѣ 10 корпусовъ нѣтъ такихъ такъ обильно во всемъ обезпеченныхъ частей, какъ полки 70 дивизіи; большинство возражавшихъ смолкало и исчезало въ толпѣ; старики стали зыкать на клянчившихъ, уличая ихъ недавнее пребываніе въ полку и полную неосновательность жалобъ на довольствіе, но нѣсколько мрачныхъ типовъ самаго зловѣщаго вида продолжали бубнить про сапоги, про прогорклое масло, какъ про самый законный поводъ къ тому, чтобы не идти на смѣну. Общій видъ вновь выбранныхъ комитетовъ очень напоминаетъ теперешній Петроградскій хлѣбъ — такая же сѣрая мразь; старые разумные солдаты, говорившіе о долгѣ, требовавшіе службы и сами показывавшіе, какъ надо служить, всюду забаллотированы, какъ «корниловцы и старорежимники», а на ихъ мѣсто въ комитеты пробрался крикливые, прыщавые съ зелеными мордами юнцы.

Пріѣхавшіе со мной предсѣдатель дивизионнаго комитета 18 дивизіи Фашеръ (очень разумный и стоящій на здоровой почвѣ солдатъ) и представители другихъ полковъ пытались всячески уговорить эту сѣрую, трусливую гущу, но ихъ доводы ударялись какъ въ подушку.

Послѣ двухчасовыхъ разглагольствованій толпа начала сдаваться; слышались заявленія, что ихъ не такъ поняли и что идти въ окопы они не отказываются; впередъ полѣзли остатки старыхъ солдатъ, и дѣло начало принимать совсѣмъ неожиданно благоприятный поворотъ. Но все было сорвано однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ вожаковъ, повидимому, только одѣтымъ въ форму полка, который, видя, что почва ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, бросилъ въ самой вызывающей формѣ обвиненіе по адресу начальника дивизіи генерала Бѣляева, что онъ де грозилъ имъ, что, если они не пойдутъ въ окопы, то ихъ погонятъ штыками.

Настроеніе было мгновенно сорвано, толпа зарычала и съ этого времени положеніе стало безнадежнымъ. Въ это время въ толпѣ произошло какое-то движеніе, и одинъ изъ членовъ комитета унт.-офицеръ Морозовъ, сославшись на какое то засѣданіе, уговорилъ меня уѣхать. Только въ автомобилѣ я узналъ отъ шофферовъ, что въ разгаръ послѣдняго моего успѣха большевистскіе коноводы рѣшили меня пристрѣлить, но, такъ какъ на собраніи всѣ были безъ оружія, то это меня спасло; пока послали за винтовкой, старые солдаты узнали и, когда назначенный для моего истребленія комитетчикъ

взялъ винтовку, чтобы застрѣлить меня сзади, то старики у него ее вырвали; я же въ пылу дебатовъ ничего даже не замѣтилъ.

Вернулся домой совсѣмъ разбитымъ; промотался на автомобилѣ и въ экипажѣ около 200 верстъ, да четыре часа говорилъ и убѣждалъ среди самой напряженной атмосферы.

Дома былъ ошеломленъ и ошарашенъ полученіемъ директивы о предстоящемъ не позже 20 октября наступленіи. Удивляться давно уже пересталъ, но все же поставилъ себѣ вопросъ: «какимъ мѣстомъ — головой или сѣдалищемъ думаютъ въ Псковѣ и въ Двинскѣ». Возвеличенный южными успѣхами и революціонными лаврами Черемисовъ и окружающіе его идіоты, очевидно, только и способны на то, чтобы родить такую нелѣпость; вѣдь, они не могутъ не знать, что дѣлается въ арміяхъ, такъ какъ, если наши донесенія туда не доходятъ, то не могутъ не доходить прямыя донесенія корпусныхъ комиссаровъ, которые не скрываютъ правды, особенно въ нашей арміи, гдѣ на три четверти они офицеры и притомъ весьма здравомыслящіе. Я думалъ, что въ Штармѣ шутили, когда вчера говорили о какомъ то предстоящемъ наступленіи; вѣдь, не говоря уже объ отвратительномъ настроеніи и совершенно развальномъ состояніи фронта, мы не въ состояніи подвозить даже ежедневную трату снарядовъ и расходуетъ пока линейные запасы, оставшіеся отъ лѣтнаго наступленія. Части отказываются идти въ окопы для простой смѣны, а кто то фантазируетъ приказать имъ вести напряженную и кровавую операцію наступленія; да о послѣднемъ и заикнуться сейчасъ нельзя, такъ какъ при современномъ настроеніи это можетъ кончиться избіеніемъ всѣхъ офицеровъ. Сейчасъ приходится уговаривать и поднимать всѣ комитеты только для того, чтобы уговорить роту или команду перейти изъ одной халуны въ другую, а тутъ Псковскіе Марсіане требуютъ наступленія.

Я не понимаю совершенно командующаго арміей, безстрастно, какъ автоматъ, передающаго намъ къ исполненію подобныя нелѣпыя и, какъ онъ самъ отлично знаетъ, абсолютно невыполнимыя приказанія. Несомнѣнно, что тутъ часть вины лежитъ на начальникѣ штаба генералѣ Свѣчинѣ, помѣшанномъ на разныхъ стратегическихъ выкруткахъ внѣ времени, пространства и всей наличной обстановки.

Несмотря на усталость, набросалъ короткій, но вразумительный докладъ о невозможности исполненія и съ офицеромъ отправилъ въ Двинскъ.

10 Октября. Утромъ срочно вызвали въ Штабъ арміи на совѣщаніе всѣхъ корпусныхъ командировъ. Какъ обыкновенно, много пустяковыхъ разговоровъ на нестоящія выѣденнаго яйца темы; длиннѣе и скучнѣе всѣхъ мямлилъ и бубнилъ командиръ 19 корпуса генералъ Антиповъ, имѣющій удовольствіе командовать архибольшевистскимъ корпусомъ; онъ же высказывался за наступленіе и увѣрялъ, что можетъ занять Илукстѣ, чему придавалъ, неизвѣстно по какой причинѣ, огромное значеніе. Остальные командиры, изъ недавно назначенныхъ, видимо боялись скомпрометировать себя на счетъ «паничности», и поэтому въ вопросѣ о наступленіи не говорили ни «да», ни «нѣтъ». Болдыревъ держалъ себя очень рѣшительно, разрубалъ всѣ Гордіевы узлы; на заявленіе командира 27 корпуса, что лошади падаютъ и не на чемъ подвозить снаряды, Болдыревъ выпалилъ: «ну и пусть падаютъ».

На подобныя нелѣпости способны только такіе верхогляды и бысролетные карьеристы, которые никогда на своей шкурѣ, на своихъ нервахъ и совѣсти не испытали всѣхъ ужасовъ и всѣхъ тяжестей такихъ положеній.

Когда очередь дошла до меня, то я рѣзко, опредѣленно и рѣшительно заявилъ, что сейчасъ даже и заикнуться нельзя о наступленіи; юлить и молчать не приходится, и мы, стоящіе у войскъ и знающіе ихъ настроеніе, обязаны твердо сказать верхамъ правду и заявить о необходимости раскрыть глаза и перестать играть въ какія-то прятки. Мы тяжело больны, неспособны къ боевой работѣ, и намъ нужно спокойствіе и отсутствіе потрясеній; въ этомъ весь оставшійся у насъ шансъ на то, чтобы справиться съ надвигающейся на насъ лавиной развала. Никакими самыми грозными приказами и рѣшительностью теперь уже не помочь; сломанной во многихъ мѣстахъ палкой нельзя наносить сокрушительныхъ ударовъ; наша же командирская палка сломана такъ, что рассыпется на куски при первомъ ею размахѣ.

Мое мнѣніе сейчасъ сводится къ тому, что надо распустиить армію и оставить только добровольцевъ, обезпечивъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ самымъ лучшимъ образомъ; я считаю, что останется около милліона, а этого вполне достаточно, чтобы продолжать оборонительную войну при тѣхъ техническихъ средствахъ снабженія, которыя теперь у насъ есть. Образовавшіеся кое-гдѣ ударные батальоны служатъ отлично, дерутся геройски и на нихъ надо базироваться; дѣйствія этихъ батальоновъ во время іюльскаго наступленія и при рижскомъ прорывѣ, гдѣ такой батальонъ 38 дивизіи буквально спасъ все положеніе, безупречная служба ударнаго батальона 120 дивизіи даютъ полное право надѣяться, что съ этими частями мы удержимъ фронтъ, особенно если насъ не будетъ трогать и губить тылъ. Вѣдь въ этомъ послѣдній шансъ и единственный исходъ, такъ какъ съ войсками, въ томъ состояніи, въ которомъ они сейчасъ находятся, мы не только не можемъ наступать, но не выдержимъ даже болѣе слабого удара, чѣмъ то было подъ Ригой и Якобштадтомъ.

Мнѣ истерически возражалъ Антиповъ на тему «не разрушайте организаціи». Я ему отвѣтилъ, что какъ же можно говорить о спасеніи организаціи, когда она вся сгнила и сгнившее заражаетъ послѣдніе остатки здороваго; въ катастрофическія времена нельзя жить отвѣтами шаблончиками и прогнившей рутинной. Преступно закрывать глаза на происходящее: язва расплзается, она захватила послѣднія еще державшіяся части: мой корпусъ и кавалерію, и я официально докладываю, что мой корпусъ къ бою неспособенъ, приказовъ не слушаетъ.

Остальные командиры корпусовъ одобрительно мнѣ поддакивали, но когда надо было рѣшительно высказаться, то замолчали, и въ результатѣ все совѣщаніе свелось къ толченью воды въ ступѣ.

Болдыревъ произвелъ на меня отрицательное впечатлѣніе; какой то усугубленный моментъ былыхъ временъ подъ густымъ академическимъ соусомъ, важенъ, категориченъ, больше, чѣмъ надо, хвастается своимъ опытомъ, а какой это опытъ, мы всѣ въ дѣйствительности знаемъ очень хорошо: все больше по части верхогляднаго летанія по штабамъ; у него даже нѣтъ привычки къ огню, что онъ показалъ, когда былъ у меня на участкѣ и шарахался отъ каждаго выстрѣла. Своего мнѣнія у него нѣтъ, болтается, какъ флюгеръ на слабой оси.

Пришедшія съ тылу газеты совсѣмъ скверныя; шансы большевиковъ идутъ, повидимому, быстро въ гору; для этого тѣста присланы изъ Германіи хорошія дрожжи и опара на нихъ поднимается чудесная; развалъ послѣднихъ остатковъ государственности идетъ въ тылу на всѣхъ парахъ; дерзость и преступленіе подняли голову и пируютъ. Анархія и погромы разливаются по странѣ широкой волной; реальной власти нѣтъ, ибо разговоры и резолюціи это не власть; силъ и средствъ борьбы съ анархіей нѣтъ и имъ не откуда явиться. Клѣтки раскрыты, дикіе звѣри выпущены и ихъ поводыри обречены нестись впереди и давать звѣрью все новыя и новыя подачи; ни остановить, ни, тѣмъ паче, вернуть въ клѣтки уже нельзя. Происходитъ крахъ еще небывалаго въ исторіи размѣра, трещать и разрываются всѣ связи, рушатся стѣны и сыпятся камни; повторяется сонъ Навуходносора.

Положеніе такъ плохо и катастрофа надвигается такъ стремительно, что теперь и варяги уже не успѣютъ насъ спасти, если бы даже и захотѣли сдѣлать. Понимаютъ ли они хоть сейчасъ, какими послѣдствіями грозитъ имъ ихъ слѣпота и нерѣшительность; ихъ представители носятся всюду какъ потревоженные пчелы, нюхаютъ, соболѣзнуютъ, высказываютъ надежду, что все образуется . . .

Филькина грамота, данная товарищу Скобелеву, служитъ благодатнымъ матерьяломъ для издѣвательства газетъ; особенно ядовита статья Пиленко, остроумно доказывающая, что первоначально этотъ наказъ былъ написанъ по нѣмецки, а потомъ уже переведенъ на русскій языкъ.

11 Октябръ. Первая бригада 70-й дивизіи окончательно закинулась: оба полка наотрѣзъ отказались исполнить приказъ по дивизіи о переходѣ къ Двинску для послѣдующей смѣны стоящихъ на позиціи полковъ 18 дивизіи. Сегодня имъ повезли приказы и увѣщанія армейскаго комиссара, но какая можетъ быть надежда на успѣхъ, если

товарищи не хотят работать, не хотят подвергать свою жизнь опасности, и знают, что никто уже не может силой заставить их подчиниться приказу. Полгода продержалась моя старая дивизия, но и ей пришел неизбежный конец — воинская часть умерла, а осталось только одно название.

Донес командующему армией и сообщил армейскому комитету, добавив, что в моем распоряжении нет средств заставить эти полки повиноваться. Посылая это донесение, пережил тяжелые минуты, так как тут не только факт крушения огромной полугодовой работы, но и мане-текель-фаресь для всего будущего, исчезла последняя ничтожная иллюзия на возможность задержать летящую вниз колесницу, и теперь весь вопрос только в том, насколько далеко до дна и что окажется там на дне. Конечно, все это было давно неизбежно, но со свойственной человеку слабостью, я продолжал цепляться за возможность какой-то передышки и чуда.

Погрузился в текущие письменные дела и весь день был терзаем интендантом, контролером и прочими бумажными скорпионами; приходится продолжать махать крыльями, хотя душа от нас давно уже отлетела. Чувствую себя отчаянно плохо; видимо, невероятное нервное напряжение дает себя знать: появились те же симптомы полного *surmenage* нервной системы, что свалили меня с ног и чуть не свели в могилу в февраль 1915 года.

Вечером несколько отдохнул и забылся на мыслы Илга, куда ездил на окончание первого выпуска корпусной офицерской школы; школы эти в виде дивизионных были учреждены по моему проекту, который я послал в штаб I армии еще весной 1916 года; я считал, что это было единственным средством разрешить вопросы об офицерах и исправить те огромные недостатки, которыми болели наши офицерские тыловые школы, выбрасывавшие нам десятки тысяч абсолютно неготовых к войне офицеров; эти школы заботились о внешней выработке, о зубрежке теоретических данных и ничего не давали на практике; выяснилось, что армия не может существовать на офицерах четырехмесячного курса обучения или, как их называли между собой солдаты, на четырехмесячных выкидышах; офицеров этих надо было доделывать, и это можно было осуществить только на фронте; их надо было воспитать, и это могли сделать только сами части, но не прямо в боевой, а в смеси из боевой и прибоевой обстановки. В 70-й дивизии я провел два выпуска дивизионной школы и с отличными результатами. Сейчас кончили курсы офицеры первого выпуска корпусной школы, так как при общем ослаблении нельзя было роскошествовать на несколько школ в корпусе.

Этой школе я дал отличный состав руководителей и преподавателей, и полученные результаты дали мне большое нравственное удовлетворение. В школу шли с неохотой, с предубеждением, а кончили с благодарностью и с глубоким сознанием вынесенной пользы и огромного значения приобретенных практических знаний; в школе под руководством опытных боевых офицеров они прошли все отделы настоящей работы взводных и ротных командиров, стрельбу из винтовок, пулеметов, орудий, бомбо- и минометов; основательно и практически ознакомились со всеми видами и образцами ручных гранат (а их у нас легион, я даже изумляюсь, как можно так хорошо разбираться во всем этом калейдоскопе французских, английских и доморощенных систем и образцов); проделали строевые и тактические ротные учения и практически прошли весь полевой устав, все основы окопной войны и службы; ознакомились с основами войскового хозяйства, войсковой санитарии и разной мелочью — все это основательно пройдено, усвоено и знания проверены. Если бы все это было начато весной 1916 года и начато однообразно по всему фронту, то мы встретили бы революцию с иным составом офицеров, чем тот суррогат, которым мы сейчас располагаем. Конечно, нет оправдания тем, кто вдал подготавликой офицеров в тылу и занимался с юнкерами тонкостями отдачи чести и показной белибердой мирного времени.

В 70 дивизии я с самого начала обратил внимание на нравственное совершенствование и на специальное обучение прибывавших молодых прапорщиков и думаю,

что дивизія держалась такъ долго въ порядкѣ только благодаря лучшему составу офицеровъ.

Пріятно было провести два часа среди офицеровъ школы, нравственно приподнятыхъ сознаниємъ практической и профессиональной цѣнности пріобрѣтенныхъ ими боевыхъ знаній; прапорщикъ 280 полка Новиковъ высказалъ, что онъ не зналъ и одной двадцатой того, что онъ узналъ въ школѣ.

На Рижскомъ фронтѣ нѣмцы не только прекратили наступленіе, но даже отошли назадъ на подготовленныя позиціи, предоставивъ намъ залѣзть въ болота и въ совершенно опустошенный районъ, гдѣ развалъ пойдетъ несомнѣнно болѣе быстрымъ темпомъ; мы бы и полѣзли туда, если бы не современное состояніе фронта, дѣлающее невозможнымъ отдать какое либо распоряженіе, связанное съ движеніемъ впередъ въ сторону противника. Все пережитое ничему не научило наши командные верхи; а вѣдь невозможно даже подсчитать тѣ моральныя и матерьяльныя потери, которыя мы понесли за полтора года сидѣнія на идиотскихъ позиціяхъ только Придвинскаго участка, а такихъ участковъ по всему фронту были многіе десятки (Нарочь, Стоходъ и т. п.).

Рожденная въ невоюющихъ штабахъ хлесткая фраза, «ни шагу назадъ съ земли, политой русской кровью», пролила цѣлыя моря этой крови и пролила совершенно даромъ. Если бы не лѣзли за нѣмцами, какъ слѣпые щенята за сукой, и вмѣсто того, чтобы барахтаться, гнить и гибнуть въ болотахъ западныхъ береговъ той линіи озеръ, которая тянется отъ Двинска къ Нарочу, — остались бы на высотахъ восточныхъ береговъ, то могли бы занимать фронтъ половиной силъ, сохранили бы войска физически и не вымотали бы ихъ такъ нравственно. Нѣмцы же засѣли на хорошихъ и сухихъ позиціяхъ, отлично ихъ укрѣпили, держали на нихъ одну дивизію противъ нашихъ 3—4; мы сидѣли внизу, не видали ни кусочка нѣмецкаго тыла; нашъ тылъ былъ у нѣмцевъ, какъ на ладони; доставка каждаго бревна, подача каждой походной кухни были возможны только ночью, люди лежали въ болотахъ, пили болотную воду. Положеніе наше было таково, что если бы нѣмцы захотѣли или получили возможность насъ долбануть, то никто изъ боевой части не ушелъ бы съ своихъ участковъ и мы были бы безсильны имъ помочь, такъ какъ всѣ сообщенія были по гатямъ, отлично виднымъ нѣмцамъ и сходящимся къ двумъ узкимъ озернымъ перешейкамъ, прицѣльно обстрѣливаемымъ нѣмецкой артиллеріей. Сколько бумаги я исписалъ на доклады о невозможности нашего положенія и о необходимости отойти за озера; помню тотъ переполохъ, который произошелъ въ штабѣ моего теперешняго корпуса, когда я по должности начальника 70 дивизіи, вскорѣ послѣ пріема боевого участка дивизіи, подалъ докладъ, весьма ярко характеризовавшій весь ужасъ нашего положенія; на меня стали смотрѣть, какъ на какого то опаснаго еретика, и очень боялись, чтобы въ штабѣ арміи не узнали, что въ корпусѣ есть субъектъ, позволяющій себѣ исповѣдовать такія преступныя идеи. Но меня это мало тревожило, и въ каждомъ докладѣ о положеніи дивизіи и боевого участка и при каждомъ посѣщеніи разныхъ высокопоставленныхъ контролеровъ и гастролеровъ я неизмѣнно и упрямо бубнилъ и доказывалъ необходимость бросить заозерныя позиціи. Но на всѣ мои доводы я получалъ одинъ отвѣтъ: «ни пяди земли назадъ», и цѣлый годъ мы затрачивали невѣроятныя усилія для того, чтобы справиться съ тѣми трудностями, которыя давили насъ на нашихъ позиціяхъ; затрачивали при этомъ совершенно безцѣльно, ибо держаться мы могли только въ томъ случаѣ, если нѣмцы насъ не трогали (имъ нужно было спокойствіе на этомъ участкѣ, и они умѣло водили насъ за носъ).

12 Октября. Дождь и слякоть; неремонтированныя дороги напомнили осень 1915 года и обратились въ непроѣзжія топи; какой разительный контрастъ съ 1916 годомъ, когда въ самый разгаръ осенней непогоды я ѣздилъ по своему участку на автомобилѣ, и когда непроѣзжими оставались только тѣ немногочисленные, къ счастью, у меня участки дорогъ, на которыхъ работали разныя тыловыя дорожныя организаціи, умѣло закапывавшія въ землю казенные милліоны и дѣлавшія непроѣзжими весьма спосныя дороги.

Сохранились только дороги, силошь вымощенныя крупнымъ накатникомъ. Настроеніе отчаянно скверное; 70 дивизія кончена и подошла къ общему предѣлу пол-

наго развала, порвавъ послѣдніе, жалкіе остатки надежды, за которую я еще цѣплялся.

Продолжаются уговоры съ посылкой въ полки присяжныхъ уговаривателей изъ армейскаго комитета, но безъ результата.

Въ 120 дивизіи 477 полкъ, находящійся всецѣло въ рукахъ тайнаго большевистскаго комитета, отказался идти на смѣну стоящаго на позиціи батальона смерти и заявилъ, что будетъ стоять за фронтомъ только до двадцатаго октября, послѣ чего всѣ пойдутъ по домамъ, такъ какъ «довольно быть дураками». При этомъ полкъ заявилъ и намъ начальникамъ, и всѣмъ комитетамъ, чтобы никто и не пытался приѣзжать ихъ уговаривать, такъ какъ всѣ такіе «будутъ немедленно пришиблены». Хорошенькая армія, въ которой возможны безнаказанно такія заявленія; платные нѣмецкіе разрушители могутъ только радоваться на быстрые и роскошные результаты своихъ трудовъ и просить прибавки за успѣшное выполненіе своей измѣннической работы. Но неужели верхи не понимаютъ, къ чему все это ведетъ; неужели союзники не видятъ, что недалеко то время, когда русскаго фронта не будетъ и имъ придется стать лицомъ къ лицу съ этой страшной катастрофой.

Всюду идутъ перевыборы комитетовъ и всюду проходятъ только большевики и пораженцы, сдѣлавшіеся идолами всей фронтовой шкурятины; такимъ образомъ исчезаетъ послѣдняя ниточка, на которой мы еще держались до сихъ поръ, авторитетъ выборныхъ комитетовъ. Мои предчувствія самыя мрачныя: написалъ женѣ, чтобы она ликвидировала немедленно все имущество и уѣзжала съ дѣтьми на Дальній Востокъ, пока путь еще не заваленъ и не смятъ тѣми толпами, которыя въ ближайшемъ будущемъ бросятся домой.

Разбираясь въ происходящемъ, вижу, какъ умѣло были выбраны нѣмцами лозунги, брошенные на нашъ фронтъ, и основанные на отличномъ знаніи нравственнаго состоянія русскаго народа; такія понятія, какъ «родина, патріотизмъ, долгъ и т. п.», существовали у насъ для казеннаго употребленія en masse и для частнаго въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

Народъ, изъ котораго состояла распухнувшая до невѣроятныхъ размѣровъ армія, былъ взятъ въ плѣнъ тѣми, кто сумѣлъ заманить его обѣщаніями; русская власть пожинаетъ нынѣ плоды многолѣтняго выматыванія изъ народа всѣхъ моральныхъ и матерьяльныхъ соковъ; высокія чувства не произрастаютъ на такихъ засоренныхъ нивахъ; забитый, невѣжественный и споенный откупамъ и монополіей народъ не способенъ на подвигъ и на жертву, и въ этомъ не его вина, а великая вина и преступленіе тѣхъ, кто имъ правилъ и кто строилъ его жизнь (и это не Цари, ибо они Россіей никогда не правили).

Что могла дать русская дѣйствительность кромѣ жаднаго, завистливаго, никому не вѣрящаго шкурника или невѣроятнаго по своей развращенности и дерзновенію хулигана. Вся русская жизнь, вся дѣятельность многочисленныхъ представителей власти, прикрывавшихъ Царской порфирой и государственнымъ авторитетомъ свои преступленія, казнокрадство и всевозможныя мерзости; литература, театры, кинематографы, чудовищные порядки винной монополіи, — все это день и ночь работало на то, чтобы сгноить русскій народъ, убить въ немъ все чистое и высокое, охулиганить русскую молодежь, высосать въ ней всѣ задерживающіе центры, отличающіе человѣка отъ звѣря, и приблизить царство господства самыхъ низменныхъ и животныхъ инстинктовъ и вождельній. Все это сдерживалось, пока существовалъ страхъ и были средства для сдержки и для удержа. Война положила начало уничтоженію многихъ средствъ удержа, а революція и слѣпота Временнаго Правительства доканчиваютъ это злое дѣло, и мы несомнѣнно приближаемся къ роковому и уже неизбѣжному концу, къ господству звѣря. Руководители російскаго государственнаго курса забываютъ, съ какимъ матерьяломъ они имѣютъ дѣло; нельзя распорядиться скопищемъ гнѣвъ, шакаловъ и барановъ игрой на скрипкѣ или чтеніемъ имъ евангельскихъ проповѣдей или социалистическихъ утопій.

Керенскій и вытасченный имъ на постъ Военнаго Министра Верховскій (весь цензъ котораго состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что его выгнали когда то изъ пажей)

распластываются передъ входящими все въ большую и большую силу петроградскими совѣтами и увѣряютъ, что въ арміяхъ все обстоитъ вполне благополучно, что тамъ произошла полная демократизація и что, если и остались кое-гдѣ темныя мѣста, то все это скоропроходящіе пустяки. Такъ читаемъ мы въ газетахъ и дивимся или слѣпотѣ, или безсовѣстной лжи тѣхъ, которые это говорятъ. Неужели же не достаточно примѣровъ того, къ чему приводитъ ложь, скрываніе истины и зажмуриваніе глазъ дабы не видѣть правды!

Въ Биржевкѣ помѣщено интервью съ комиссаромъ Сѣвернаго фронта Войтинскимъ, увѣрявшимъ, что въ арміяхъ наступилъ спасительный переломъ и что угроза Петрограду исцѣлила арміи и онѣ готовы исполнить свой долгъ.

Кого хотятъ надуть эти революціонные подражатели Царскихъ Министровъ; тѣ хоть на этомъ строили свое благополучіе и умножали свои награды, ну а ихъ наслѣдники ради чего стараются? Вѣдь жизни не надуешь, и обстановка не такова, чтобы ложь была во спасеніе.

Вѣдь товарищъ комиссаръ Войтинскій вретъ завѣдомо, такъ какъ я знаю, что на нашемъ фронтѣ не только начальники, но и корпусные комиссары посылаютъ все время очень правдивыя и ужасныя по своему содержанію донесенія о дѣйствительномъ состояніи и настроеніи фронта. Товарищъ комиссаръ Войтинскій во всѣхъ подробностяхъ знаетъ, что цѣлый рядъ дивизій и полковъ отказывается идти на позиціи и работать, и, не краснѣя, говоритъ газетному корреспонденту, что арміи готовы исполнить свой долгъ.

Чѣмъ такія интервью лучше той лжи, которую наши подлецы министры и царедворцы подносили несчастному и слѣпому Николаю II?

13 Октября. Утромъ случайно вспомнилъ, что сегодня день перваго производства въ портупей юнкера въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ; 29 лѣтъ тому назадъ мы получили наши первыя нашивки и надѣли офицерскіе темляки; какъ далеки и невозвратны теперь всѣ эти времена. 120 дивизія совсѣмъ разваливается; полки обратились въ кучи митингующей сволочи, руководимой отборными большевиками, и перемежающей свое время митингами и игрой въ бѣ; сегодня они устроили первое на фронтѣ моего корпуса братанье съ нѣмцами; къ счастью, артиллерія еще держится, батареи открыли огонь и разогнали братающихся; но такіе поступки артиллеристовъ, повидимому, тоже послѣднія ласточки, такъ какъ съ одной стороны угрозы пѣхоты перебить артиллеристовъ, а съ другой заманчивость объявленныхъ большевиками лозунговъ сильно поколебали твердость артиллеристовъ, и тѣ уже начинаютъ говорить своимъ офицерамъ, что имъ невозможно идти противъ большинства и общаго настроенія; пока же всѣмъ наблюдателямъ приходится ходить на свои посты вооруженными до зубовъ на случай нападенія хулигановъ изъ состава своей же пѣхоты.

Пріѣзжалъ начдивъ 70, генераль Бѣляевъ; у него тоже создается, повидимому, уже безысходное и ничѣмъ не поправимое положеніе; 277 полкъ, руководимый присланными со стороны агитаторами, уперся окончательно и отказался слушать уговоры присланныхъ къ нему корпусныхъ комиссаровъ и представителей армейскаго комитета; на завтра назначена послѣдняя попытка уговорить выступить на занятіе позиціи наиболѣе податливый на убѣжденія 280 полкъ, сманивъ его перевозкой на позицію въ вагонахъ, а не походнымъ порядкомъ; надѣются, что быть можетъ тогда и другіе полки тронутся съ мѣста. Хороша армія, въ которой воцарились такіе порядочки управленія! А Псковъ продолжаетъ возиться съ какими то химерами по части наступленія; возвеличенный революціей главкосѣвъ товарищъ генераль Черемисовъ состязуется съ товарищемъ комиссаромъ Войтинскимъ по части безсовѣстной лжи и вдохновенно болтаетъ въ Петроградѣ на темы о томъ, что арміи «каждутъ наступленія и что нѣмцы подъ давленіемъ нашихъ авангардовъ начали уже отходить». Какимъ негоднемъ надо быть, чтобы дойти до такой лжи!

Развалъ окутываетъ насъ густымъ смрадомъ; каждый часъ приноситъ новыя, ужасныя по своему цинизму свѣдѣнія объ отказахъ, неисполненіи приказовъ, о требованіяхъ, постановленіяхъ, удаленіяхъ и все это на соусѣ шкурятинны, лѣни. Вся войсковая жизнь

стала: солдаты ѣдят, курят и до полного одурѣнія рѣжуются въ шестьдесятъ шесть и въ разныя азартныя игры, проигрывая и деньги, и одежду, и даже продовольствіе (преимущественно сахаръ и хлѣбъ); многіе даже не ходятъ обѣдать къ походнымъ кухнямъ. Говорятъ, что въ одномъ изъ предмѣстій Двинска есть школа для подготовки шулеровъ, гдѣ опытные преподаватели за 25 рублей обучаютъ основнымъ приемамъ своего искусства, а по особой тактѣ открываютъ и болѣе прибыльныя тайны.

Окопы разваливаются, ходы сообщеній заплыли; всюду отбросы и экскременты; комитеты разрываются въ попыткахъ внести хоть какой нибудь санитарный порядокъ, но безъ всякаго результата, такъ какъ солдаты наотрѣзъ отказываются работать по приборкѣ окоповъ; блиндажи обратились въ какіе то свинушники; страшно подумать, къ чему все это приведетъ, когда наступитъ весна и все это начнетъ гнить и разлагаться. Нѣтъ возможности даже предохранить людей помощью прививокъ, такъ какъ отъ послѣднихъ всѣ отказываются.

Комиссары, видя свое безсиліе, начали подъ разными предлогами избѣгать поѣздокъ въ части; ихъ авторитетъ очень быстро отцвѣлъ; пока они говорили пріятное, имъ дѣлали триумфы, но какъ только имъ поневолѣ пришлось заговорить объ обязанностяхъ и пытаться прибѣгать къ мѣрамъ понужденія, имъ сразу пришелъ конецъ, и они это чувствуютъ; сейчасъ ихъ положеніе не лучше нашего.

Теперь повелителями разнузданныхъ толпъ будутъ тѣ, которые будутъ давать имъ вкусныя подачи и всячески потрафлять ихъ прихотямъ и вождельніямъ, но только до тѣхъ поръ, пока будутъ давать. Кумиры такихъ развальныхъ временъ очень скоротечны и отъ триумфовъ до «распи его» ихъ отдѣляютъ только мгновенія.

Большинство комиссаровъ офицеры изъ мартовскихъ революціонеровъ, выдвинувшихся на митингахъ горячностью своихъ ораторствъ и хлесткостью обличеній; многіе изъ нихъ искренно хотятъ остановить развалъ, но уже поздно, и не имъ справиться съ разнузданными инстинктами темныхъ толпъ фронтовыхъ товарищей. Всѣ они доживаютъ послѣдніе дни, ибо назначившій ихъ армейскій комитетъ эс-эровскаго состава кончилъ свое существованіе, и несомнѣнно, что на дняхъ мы получимъ новыхъ комиссаровъ иного состава.

14 Октября. Ну и денекъ! выѣхалъ изъ Шенгейда въ восемь часовъ утра, а вернулся въ два часа ночи; началъ свой мученическій объездъ съ 120 дивизіи, заявившей, что черезъ недѣлю она уходитъ съ фронта и что никакихъ поисковъ и военныхъ дѣйствій на своемъ участкѣ она не допуститъ вооруженной силой. Отправился съ пріятной перспективой ѣхать въ части, которыя вчера официально черезъ свои комитеты заявили, что «пришибутъ» каждаго, кто явится ихъ уговаривать; отправился именно въ отвѣтъ на это постановленіе, оставивъ начальнику штаба наказъ, что дѣлать въ случаѣ, если мнѣ не суждено будетъ вернуться, и просьбу предупредить немедленно петроградскихъ пріятелей о постигшей меня судьбѣ, чтобы они приняли мѣры, чтобы жена не узнала объ этомъ изъ газетъ. И ѣдешь на всѣ эти кошмарныя издѣвательства и потрясающія переживанія руководимый чувствомъ долга и обязанности бороться до конца, но съ опустошенной душой, безъ надежды на прочный и длительный успѣхъ и на какіе-нибудь положительные результаты.

Въ лучшемъ случаѣ минутная побѣда, временная задержка въ стремительномъ полетѣ внизъ, не способная уже спасти общаго положенія.

Въ 120 дивизіи началъ съ собранія полковыхъ комитетовъ; рассказалъ имъ, почему сейчасъ нельзя заключить миръ и почему мы сейчасъ не въ состояніи смѣнить полки дивизіи и дать имъ отдохнуть въ резервѣ; рассказалъ причины нѣкоторыхъ недостатковъ въ продовольствіи и одеждѣ и сообщилъ, какія мѣры уже приняты для устраненія и когда и какимъ образомъ онѣ будутъ осуществлены; просилъ внимательно все продумать, повременить, потерпѣть и не губить всего непомѣрными и фактически все равно неосуществимыми требованіями. Говорилъ много, старался убѣдить, но чувствовалъ себя въ положеніи миссіонера, трактующаго гіенамъ и шакаламъ о любви и самоотреченіи.

Возражать мнѣ по существу было трудно, ибо я научился уже говорить съ массами; но управляющіе дивизіей большевики подстроили цѣлую махинацію, чтобы сорвать

вліяніе моего прїѣзда (пришибить меня они, видимо, не рѣшились, боясь возмездія со стороны 70 дивизіи); со всѣхъ сторонъ начали выступать ораторы и вопрошатели съ самыми острыми и заранѣ написанными и розданными вопросами. Началась яростная борьба, и на меня набросились всѣ большевистскія силы, такъ какъ ясность и правдивость моихъ словъ несомнѣнно подѣйствовала на большинство собранія и это было ясно видно и по лицамъ, и по общему настроенію, какъ то потерявшему ту напряженную остроту и враждебность, которыя я засталъ, когда вошелъ въ большую комнату господскаго двора Анисимовичи, въ которой происходило соединенное засѣданіе всѣхъ комитетовъ.

Первымъ былъ выпущенъ какой то ярый ораторъ, отрекомендовавшійся убѣжденнымъ анархистомъ и перешедшій сразу въ стремительное нападеніе по моему личному адресу; началъ онъ съ того, что разъ командиръ корпуса говорить, что недостатокъ продовольствія является результатомъ беспорядковъ, происходящихъ въ тылу и на желѣзныхъ дорогахъ, то онъ этимъ пытается натравить фронтъ на тылъ, а сіе есть явная провокація, контръ-революція и корниловщина, которыя надо немедленно пресѣчь; затѣмъ товарищъ анархистъ усиленно сталъ вопить о томъ, что командиръ корпуса говорилъ о необходимости продолжать войну и дѣлать изрѣдка поиски, а сіе доказываетъ, что онъ жаждетъ солдатской крови, ибо всѣ генералы и помѣщики сговорились, чтобы перебить побольше русскихъ солдатъ и овладѣть ихъ землей. Затѣмъ посыпались самыя дикія и нелѣпыя обвиненія объ отдачѣ мной вредныхъ для солдатъ приказовъ по арміи, о вредной «иностранный политикѣ» и т. п.

Было очевидно, что ораторъ былъ выпущенъ спеціально для того, чтобы взвинтить толпу и вызвать ее на самосудъ и на расправу со мной. Все это происходило уже на дворѣ, куда вышли всѣ комитеты, и гдѣ собралась толпа солдатъ въ нѣсколько тысячъ человекъ; настроеніе создалось такое, что всѣ офицеры куда-то исчезли и я остался одинъ.

Пришлось спокойно все это слушать; я невозмутимо, какъ будто бы меня это не касалось, далъ оратору высказаться, а затѣмъ спокойно по пунктамъ, взвѣсивая каждое слово, разбилъ всѣ его обвиненія и доказалъ полную ихъ нелѣпость. Напряженіе нервовъ было огромное; надо было говорить такъ, чтобы ни единымъ дуновеніемъ не затронуть толпы и не дать того послѣдняго толчка, который нуженъ былъ руководителямъ, чтобы бросить всю толпу на меня. Нужно было побѣдить, ибо ставкой была жизнь. Я говорилъ такъ, какъ вѣроятно не говорилъ и не буду говорить никогда; напряженіе было таково, что въ самомъ себѣ я не сознавалъ и не слышалъ, что говорю, а слышалъ свою рѣчь, какъ будто ее говорилъ кто-то другой. Въ концѣ концовъ, я побѣдилъ и настроеніе толпы рѣзко перемѣнилось въ мою пользу; кое-гдѣ поднялись кулаки, но уже по адресу моего обвинителя, который сразу потерялъ весь свой апломбъ.

Тогда я самъ перешелъ въ наступленіе и добился того, что предсѣдатель собранія тутъ же принесъ мнѣ извиненіе за то, что ихъ товарищъ позволилъ себѣ такъ увлечься, чтобы оскорбить меня своими невѣрными обвиненіями. Минутно я побѣдилъ: собраніе рѣшило поговорить со всѣми ротами и командами и сообразно результатамъ переговоровъ вынести рѣшеніе. Уѣхалъ, исполнивъ то, что требовали мой долгъ и мое положеніе, но съ отчаяніемъ въ душѣ, ибо все, что услышалъ, увидѣлъ и испыталъ, убѣдило, что спасенія уже нѣтъ, что шкурные интересы насъ слопали и что тѣ толпы, которыя ошибочно называются войсковыми частями, уже не оживутъ. Миръ во что бы то ни стало; уходъ изъ окоповъ въ глубокіе резервы; поль работъ и занятій; жирная кормежка и побольше денегъ; все начальство измѣнники, кровопійцы и корниловцы; всѣ неудачи на фронтѣ умышленно подстраиваются генералами, дабы уничтожить ненавистныхъ имъ пролетаріевъ; никому не вѣримъ и никого слушать не желаемъ; сами выберемъ себѣ начальство, войны не допустимъ и уничтожимъ всѣхъ, кто задумаетъ продолжать войну — вотъ сумма выводовъ сегодняшней бесѣды, занявшей четыре долгихъ, временами трагическихъ часа моей «революціонной жизни».

Всѣ разумные доводы убѣдить эту толпу дѣйствителны только моментами, по случайнымъ капризамъ настроенія.

Очень красочно сказалъ на этомъ собраніи представитель батальона смерти 120 дивизіи (батальона этого вся дивизія боится, какъ чортъ ладана), заявившій, что всѣ ораторы безсовѣстно лгутъ, придумывая разныя оправданія своимъ требованіямъ, и что всѣ они трусы и шкурники, продающіе Россію. Говорившій былъ простой крестьянинъ-солдатъ; толпа зарычала подъ бичомъ его словъ, но за смертникомъ стояло, молча, но грозно десятка два его товарищей, и въ ихъ глазахъ было что-то такое, что сразу успокоило толпу и заставило ее ограничиться недовольнымъ рычаніемъ.

Я медленно, съ двумя остановками, разговаривая съ солдатами, прошелъ къ своему автомобилю, и только отъѣхавъ съ полверсты, понялъ, чего я только что избѣжалъ.

Изъ дивизіи проѣхалъ прямо въ Двинскъ, чтобы доложить командующему арміей, каково настроеніе частей и насколько возможно говорить теперь о наступленіи и о поискахъ; высказалъ Болдыреву полную для меня нелѣпость числиться командиромъ корпуса, разъ у меня нѣтъ никакихъ средствъ заставить себя слушаться и исполнять мои приказы; просилъ, чтобы была произведена, хотя бы и подъ руководствомъ комитетовъ и комиссаровъ послѣдняя попытка очистить части отъ завладѣвшихъ ими агитаторовъ большевизма, ибо иначе положеніе совершенно безнадежно и недалекъ тотъ день, когда армія перестанетъ существовать; просилъ отнестись къ моему докладу съ должнымъ вниманіемъ, ибо мой корпусъ до сихъ поръ по части сохраненія порядка считался счастливымъ исключеніемъ. Болдыревъ кое-что обѣщалъ, но къ несчастію онъ въ радужномъ и воинственномъ настроеніи, подогрѣтомъ увѣренностью въ надежность стоящихъ въ Двинскѣ ударныхъ частей и кавалеріи; я пытался его разубѣдить, такъ какъ знаю хорошо, какъ непрочно такое настроеніе частей, особенно когда онѣ чувствуютъ себя одиночными и когда обстановка складывается такъ, что имъ приходится выступать активно противъ своихъ. Но всѣ мои убѣжденія разбились о розовый оптимизмъ очень малоопытнаго и специфически штабного командарма. Онъ, на примѣръ, до сихъ поръ надѣется, что ему удастся оздоровить армію путемъ активнаго воздѣйствія частей перваго кавалерійскаго корпуса на неповинующіяся части пѣхоты; вѣроятно, это насвистано ему командиромъ этого корпуса генераломъ княземъ Долгоруковымъ, весьма легкомысленнымъ и поверхностнымъ, мечтающимъ только о томъ, когда ему удастся избавиться отъ всей надвинувшейся со всѣхъ сторонъ грязи и «отдохнуть подъ голубымъ небомъ и горячимъ солнцемъ Ривьеры».

Входящіе въ составъ моего корпуса 15 гусарскій и 3 уральскій казачій полки настроены безконечно лучше и прочіе полковъ коннаго корпуса, и несмотря на это начальникъ 15 дивизіи генераль Мартыновъ конфиденціально мнѣ доложилъ, что полки убѣдительно просятъ избавить ихъ отъ исполненія ролей усмирителей и жандармовъ; а эти полки до сихъ поръ въ полномъ порядкѣ, безпрекословно исполняютъ всѣ приказы, великолѣпно вели себя на усмиреніи 138 дивизіи, нѣкоторыхъ частей 13 корпуса, но ихъ такъ травятъ названіемъ корниловскихъ жандармовъ, что это отразилось въ концѣ концовъ на ихъ настроеніи.

Я не понимаю совершенно Болдырева и его оптимистической компаніи; неужели они не видятъ, что армія больна ползучей гангреной, получившей уже такое распространеніе, что прижиганія больныхъ мѣстъ каленымъ желѣзомъ уже не помогутъ; напрягая послѣднія усилія, мы справляемся съ заразой въ незначительныхъ точкахъ, а болѣзнь захватываетъ въ это время цѣлыя площади и въѣдается внутрь, поражая самые жизненные органы, разрушая нервы и центры и уничтожая послѣдніе остатки сопротивляемости всего организма.

По поводу псковскаго проекта наступленія Болдыревъ донесъ то заключеніе, къ которому пришло послѣднее совѣщаніе корпусныхъ командировъ, и получилъ лаконическій отвѣтъ начальника штаба фронта, что «таково приказаніе Главнокомандующаго фронтомъ и оно должно быть исполнено».

Изъ разговора съ Болдыревымъ узналъ, что до меня у него были командиры 19 и 27 корпусовъ съ докладами о безнадежномъ состояніи ихъ корпусовъ; даже съ Антипова соскочилъ его оптимизмъ. Заѣхалъ къ армейскому комиссару поручику Долгополову

(бывшій офицеръ 70 арт. бригады) и просилъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ освѣдомить командные и комитетскіе верхи о дѣйствительномъ состояніи арміи. -

Вернулся въ штабъ грязный, утомленный, вымотанный нравственно и физически до полной пустоты.

15 Октября. Штабъ арміи продолжаетъ приставать съ разными распоряженіями по поводу разработки выдуманнаго Псковомъ наступленія; не выдержалъ и написалъ армейскому комиссару Долгополову частное письмо съ просьбой избавить насъ отъ этихъ приставаній, такъ какъ все равно никакого наступленія быть не можетъ, но за то постоянные о немъ толки бросаютъ части во власть тѣхъ, кто обѣщаетъ избавить ихъ отъ такой грозной неприятели, и даютъ богатую пищу для агитаторовъ, волнующихъ солдатъ разсказами о томъ, что начальству вновь захотѣлось попить солдатской кровушки.

Утромъ получилъ постановленіе полковыхъ комитетовъ 18 дивизіи, рѣшившихъ идти на усмиреніе 70 дивизіи и силою оружія принудить ее выступить на занятіе боевыхъ участковъ. Передалъ все это въ армейскій комитетъ и армейскому комиссару — пусть раскусываютъ своими демократическими зубками эти послѣреволюціонные орѣшки.

Пока что нашъ армейскій комитетъ отправилъ въ Петроградъ телеграмму о томъ, что штыки V-ой арміи готовы привести тылы государства въ порядокъ; все это только бахвальство и сотрясеніе воздуха; вѣдь всѣ, кто не ослѣпъ и не оглупѣлъ окончательно, понимаютъ, что подъ предлогомъ усмиренія тыла всѣ готовы сняться съ фронта, но когда они туда придутъ, то надо будетъ думать о томъ, какъ и кѣмъ ихъ усмирить; несомнѣнно, что привилегированное положеніе частей, захватившихъ въ свои руки власть надъ Петроградомъ и Москвой и объявившихъ себя несмѣняемыми стражами завоеваній революціи, вызываетъ острую зависть остальныхъ частей, каждая изъ которыхъ готова немедленно же занять столь безопасное, властное и жирное положеніе.

До сихъ поръ, несмотря на долгую тренировку въ самыхъ сложныхъ и опасныхъ положеніяхъ, не могу забыть тяжелыхъ переживаній и впечатлѣній вчерашняго дня и нахальныхъ, звѣрскихъ рожъ переднихъ рядовъ вчерашней толпы, уже предвкушавшихъ истребленіе стоящаго на ихъ пути командира корпуса. Въ среднихъ и заднихъ рядахъ толпились обыкновенные сѣрые и безразличные солдаты, безсознательно валящіе за тѣмъ, кто сумѣетъ бросить въ ихъ толщу подходящій къ данному настроенію лозунгъ, который сегодня можетъ быть архиреволюціонный, а завтра архиреакціонный, но оба могутъ быть приняты съ одинаковымъ наваломъ и стремительностью. Но то, что вылѣзло впередъ и больше всѣхъ галдѣло и визжало, это не скоро забудется, ибо въ эти рожи и глаза воплотилась ненависть и жадность долголѣтняго и темнаго рабства, гарнированнаго наслѣдственнымъ пьянствомъ, ядовитой желчью грызущихъ, но неудовлетворенныхъ вождѣленій и жгучей ненавистью ко всему, что выше поставлено и лучше обставлено. Вѣками лежавшіе и обросшіе мхомъ камни сброшены съ своихъ мѣстъ, и придавленные ими много лѣтъ гады и темные звѣри ожили; они не только ожили, но и поняли, что камни назадъ уже не вернуться и что настали новыя времена, когда сила уже на сторонѣ тѣхъ, кто былъ подъ этими камнями. Теперь они сами лѣзутъ на давно желанные верхи, давя и сокрушая все, что только мѣшаетъ по ихъ мнѣнію или можетъ помѣшать имъ дорваться до власти и денегъ, до бабъ и возможности въволюшку насладиться глумленіемъ, издѣвательствомъ и муками надъ тѣмъ, чего они до сихъ поръ рабски боялись, передъ чѣмъ униженно пресмыкались, чему такъ жадно завидовали и что такъ остро ненавидѣли.

Скверное осеннее время усугубляетъ ту скверность, которая гнететъ душу и слизкимъ комкомъ ложится на сердце. Впереди никакого просвѣта, никакой надежды на спасеніе родины. Хотѣлось бы очень знать, что думаютъ теперь всѣ эти Львовы, Гучковы, Родзянки, Керенскіе и иже съ ними; неужели они не поняли до сихъ поръ, въ какую пропасть они направили расшатанную колесницу російскаго государственнаго бытія и какими грозными и чреватыми послѣдствіями все это грозитъ? Вѣдь теперь ни у кого не должно уже оставаться сомнѣній въ томъ, какой характеръ приняла эта революція и какіе лозунги она выдвинула и крѣпить.

Остановить то, что идетъ сейчасъ у насъ, уже никто не въ силахъ; могутъ быть только мимолетныя задержки; случайные удары о тотъ или иной подвернувшійся по дорогѣ камень; лишній переворотъ кругомъ себя или новая поломка летящей внизъ громады, но судьбы мира надолго предопредѣлены тѣмъ, что началось на берегахъ Невы въ послѣдніе дни февралѣ мѣсяца 1917 года.

Лунные люди, политическіе марсіане, совершенно не знающіе русскаго народа, продолжаютъ мечтать, что повторяется 1906 годъ и что подъ давленіемъ остроты положенія надо было что то дать, а затѣмъ можно будетъ опять закрѣпить. Но дѣло въ томъ, что съ революціей началась смертельная для государства дезинтерія и закрѣпительныхъ противъ нея средствъ въ нашемъ распоряженіи уже нѣтъ; нашептываніями и убѣжденіями такіе поносы не останавливаются. Размахъ революціи сейчасъ совсѣмъ иной и она подперта совсѣмъ иными лозунгами, чѣмъ всѣ ея предшественники; наши же книжники и революціонные фариसेи продолжаютъ кувыряться въ кабинетныхъ измышленіяхъ, кропотливо отыскивая детали идентичности нашей и французской революціи и пытаясь по опыту прошлаго предсказать будущее.

Въ газетахъ характерна покаянная передовица Извѣстій С. и Р. Депутатовъ, подвергнутыхъ уже херему грядущихъ къ власти большевиковъ. Очень хороша рѣчь казака Агеева и разумна рѣчь Гольдштейна; но что теперь въ этихъ рѣчахъ, кои уже не въ силахъ ни остановить, ни измѣнить ходъ событій, управляемыхъ властью освобожденной отъ всякихъ узъ и препонъ толпы. Кто то очень удачно сравнилъ вождей нашей революціи съ неосторожными людьми, выпустившими изъ за рѣшетокъ своры дикихъ звѣрей и вынужденныхъ теперь нестись во весь духъ впереди этой своры и все время бросать имъ какія нибудь подачки, ибо иначе ихъ нагонять и разорвутъ въ клочья.

Пока выпущенные на свободу звѣрьки наслаждались новизной новаго положенія и пока у нихъ не разыгрался аппетитъ, они довольствовались малымъ и пустяковымъ, но сейчасъ они вошли во вкусъ и имъ нужно существенное и съ жиркомъ, и съ вкусными корочками. А сіе имъ и въ весьма обольстительной формѣ сулятъ товарищи большевики, которые и будутъ несомнѣнно очередными новыми лидерами этой бѣшеной скачки — погоны, до тѣхъ поръ, пока не выбросятъ все, что только смогутъ; тогда свора разорветъ и ихъ.

Въ статьѣ Номо Novus удачно передѣланы слова Гейне о томъ, что «миръ есть греза боговъ», въ русской дѣйствительности это «греза самоѣдскаго бога, нажравшагося на ночь жирной свинины и притомъ не свѣжей».

Дѣдушка русской революціи Чайковскій вопить: «вы апеллируете къ разуму, а отвѣтъ получаете шкурный . . .» Все это такъ; все это ужасно своей непреложной правдой; но за то также вѣрно и также ужасно, что всѣ вы революціонеры и quasi народники абсолютно не знали своего народа; сами создали своего гомункулуса, сами облекли его въ измышленія собственной фантазіи, опоэтизировали, разукрасили, преклонялись, восторгались . . . и нынѣ доѣхали до настоящаго положенія, которое въ скоромъ будущемъ сожретъ и васъ самихъ. Мозговики, утописты, фантазеры, вы въ вашей борьбѣ съ монархіей въ пику ей создали воображаемый русскій народъ, не понимая даже возможности для него быть при его историческомъ прошломъ тѣмъ, чѣмъ вы хотѣли его изобразить и чѣмъ онъ никогда въ дѣйствительности не былъ да и быть не могъ. Дѣдушка обижается, что ему отвѣчаетъ шкура, а не разумъ; а гдѣ же взятся этому разуму, и какъ ему побѣдить велѣнія этой самой шкуры, ощущеніями и потребностями которой народъ только и жилъ; дѣдушка обижается, что народъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ только шкурой. Проглядѣлъ дѣдушка русскую дѣйствительность; не понялъ во время и не учелъ того, что русская жизнь не могла дать иныхъ результатовъ и что негдѣ было родиться настоящему разуму въ кошмарѣ русской деревни. Господа экспериментаторы русскихъ революціонныхъ эпохъ воображали русскій народъ по quasi народнымъ романамъ и повѣстямъ, да по показаніямъ тѣхъ экземпляровъ русской интеллигенціи, которая, опростившись по наружности, самоотверженно шла «въ народъ» и, потершись тамъ, начинала воображать, что она тоже народъ и въ совершенствѣ знаетъ народную душу,

и судила о народѣ по собственному принесенному извѣнѣ внутреннему содержанію, распространяя его совершенно ошибочно на активъ всего народа.

Иксъ въ формулѣ былъ подложный, а потому и выводы получились невѣрные, фальшивые. Только Меньшиковъ пророчески указалъ на грозное предостереженіе, данное замѣчательной книгой Родіонова: «Наше преступленіе». Автора нарекли тогда черносотенцемъ, хулителемъ русской деревни и русскаго народа, ну, а теперь достаточно разившіеся экземпляры Родіоновскаго звѣрища вылѣзли на свободу и, ничѣмъ не сдерживаемые, показываютъ свой высокій классъ. Пока ихъ кое въ чемъ сдерживаютъ уцѣлѣвшіе остатки плотинъ разрушенной государственности; но за то какимъ потокомъ они разольются потомъ, когда исчезнутъ послѣдніе слѣды страха передъ тюремой, полиціей, плетью и прочими судебными неприятностями.

Вечеромъ одинъ изъ членовъ корпуснаго комитета старшій унтеръ-офицеръ 477 полка К. принесъ начальнику штаба письмо, случайно къ нему попавшее по одинаковости его фамиліи съ фамиліей настоящаго адресата. Писано на машинкѣ, подпись Миша; даются какія-то таинственныя распоряженія явно большевистскаго характера, но очень ясна фраза: «вчерашее собраніе показало, что власть и вліяніе командира корпуса еще слишкомъ велики и поэтому командира «надо убрать», для чего въ Боровку посылаются двое надежныхъ ребятъ, которымъ надо помочь въ исполненіи этого порученія».

Бѣдный К., старый и очень разумный солдатъ, пришелъ ко мнѣ совсѣмъ растерянный; меня же это письмо страшно обрадовало, ибо было оцѣнкой моей тяжелой работы и воочію доказывало, что я мучусь, терзаюсь и рискую не даромъ и своимъ тѣломъ все еще сдерживаю кое что; это больше всякихъ наградъ вознаграждаетъ меня за все пережитое и переживаемое; значитъ, я все еще фигура, достойная своего мѣста и положенія и мѣшающая измѣнникамъ и мерзавцамъ творить свое злое и гнусное дѣло; значитъ, всѣ мои поѣздки и весь расходъ нервной энергіи и послѣднихъ остатковъ здоровья не бесполезны.

Письмо это страшно облегчило мое нравственное состояніе; оно сняло съ меня долю той тяжести, которая меня давила; я сознаю, что, все равно, спасти всего положенія я, конечно, не могу, но на своей стрѣлкѣ я еще не лишній и останусь на ней стоять, пока буду въ силахъ.

Ну, а выступленій и покушеній я не боюсь; лишь бы смерть пришла сразу и безъ мученій; такой смерти въ бою я всегда хотѣлъ. Больше двухъ мѣсяцевъ я ѣзжу по частямъ, не имѣя при выѣздѣ увѣренности, что вернусь живымъ, и по этой части на моей чувствительности выросли толстыя, претолстыя мозоли.

Во всякомъ случаѣ большое спасибо товарищу Мишѣ и ошибкѣ почты; третьяго дня я просилъ Болдырева подыскать мнѣ замѣстителя, ибо тревожные признаки по части здоровья заставляли опасаться возможности сразу свалиться и выйти изъ рабочаго строя, но теперь я буду держаться, пока стою на ногахъ и пока не почувствую, что дальнѣйшее мое пребываніе здѣсь бесполезно или вредно. Пока могу, не дамъ товарищамъ Петровымъ и Федотовымъ радоваться, что съ ихъ пути ушелъ тотъ, кто имъ мѣшаетъ и кого они боятся открыто уничтожить.

16 Октября. Ясный день и настроеніе, особенно послѣ вчерашняго Мишинаго письма, самое радостное, даже мало подходящее ко всей обстановкѣ. Быть опаснымъ для этихъ господъ — большая заслуга.

Газеты полны описаній ужасовъ, творимыхъ на фронтѣ и въ странѣ войсками и запасными частями; на юго-западѣ товарищи солдаты, по донесеніямъ товарищей комиссаровъ, своими «мирными подвигами заставляютъ вспоминать нашествіа гуновъ и иныхъ варварскихъ полчищъ и ордъ». Потрясающее письмо прислали офицеры Л. Гв. Петроградскаго полка на имя Керенскаго; письмо спокойное, корректное, но ужасное по своему могильному спокойствію и по заключенной въ немъ правдѣ.

Брусилловъ въ Москвѣ и громитъ демократію; удивительный хамелеонъ этотъ главноверхъ изъ бывшихъ берейторовъ при Царскихъ и высокопоставленныхъ особахъ. Никогда не забуду его перваго пріѣзда въ Двинскъ только что назначеннымъ Главноверхомъ,

когда на армейскомъ съѣздѣ онъ молился о мирѣ безъ анексій и контрибуцій (Алексѣевъ только что слетѣлъ за противоположное) и въ концѣ рѣчи схватилъ откуда-то взявшійся красный флагъ и сталъ махать имъ надъ головой. Недурное занятіе для недавняго генераль-адъютанта, готоваго, очевидно, на все, лишь бы добиться у толпы популярности и триумфа. Я совершенно понимаю, что для того, чтобы сохранить власть надъ толпой такимъ лицамъ, какъ старшіе начальники командныхъ верховъ, необходимы многочисленныя и серьезныя уступки изъ стараго обихода, но этому есть предѣлы. Я пока довольно проченъ по части своего авторитета (вчера получилъ на это аттестацію отъ своихъ враговъ), но никогда еще я не уступилъ толпѣ ни въ чемъ существенномъ, серьезномъ; я давалъ ей по ея требованію только пустяки; безъ ея требованія я осуществилъ очень многое, но далъ это добровольно, предупредивъ неизбѣжныя въ будущемъ требованія. Я не позволилъ, напримѣръ, въ корпусѣ никакихъ грязныхъ выпадовъ противъ Царской семьи, потребовалъ въ этомъ дѣлѣ поддержки комитетовъ, сумѣлъ ихъ убѣдить въ непорядочности и неблагородности такихъ выпадовъ, и меня до сихъ поръ слушаютъ.

Но то, что говорилъ и дѣлалъ Брусиловъ, не вызывалось никакой необходимостью и было весьма сугубымъ уклоненіемъ въ сторону дешевой демагогіи.

Кадеты, кадетоиды, октябристы и разномастные революціонеры старыхъ и мартовскихъ формаций чуютъ приближеніе своего конца и верещатъ во всю, напоминая мусульманъ, пытающихся трещетками предотвратить затменіе луны.

Рабы фразъ, успѣвающіе фигляры митинговъ, хлесткіе авторы трескучихъ резолюцій, но кастраты настоящаго, живого дѣла, они пустили въ ходъ всѣ запасы и всѣ виды своего обветшалаго и безсильнаго уже оружія, гремятъ и разливаются истерическими выкриками на красивыя, но никого уже не трогающія темы, и требуютъ того, что когда то еще могло помочь, а теперь является только подливаніемъ масла въ огонь.

Товарищи большевики должны быть имъ безконечно благодарны, ибо всѣ эти вопли и резолюціи даютъ большевикамъ самыя яркія доказательства, чтобы пугать ими насторожившіяся на фронтѣ и въ тылу массы призраками грядущей контръ-революціи и угрозами возможности опять потерять все то сладкое и жирное, къ чему протянулись и до чего дорвались многія жадныя руки.

Вѣдь, какъ ни пытаются маскировать всѣ эти резолюціи всякими сладкими демократическими и quasi революціонными соусами, но изъ нихъ, какъ изъ дыряваго мѣшка во всѣ стороны торчатъ давно знакомые и для массъ острія, жала и скорпіоны, неизмѣнныя спутники тоски по потеряннымъ правамъ, преимуществамъ и привилегіямъ и по сдохшему или перешедшему въ другія руки казенному воробью.

Ѣздилъ въ 480 полкъ, второй по состоянію развала въ 120 дивизіи; ѣзжу на эти дискуссіи, какъ на томительную каторгу; изображаю того же Керенскаго; только онъ главноуговаривающій, а я корпусоуговариватель. Настроеніе солдатской толпы сегодня много лучше; большевики держатся въ заднихъ рядахъ; ихъ главари совершенно не выступали и только ядовито улыбались. По дорогѣ въ полкъ меня встрѣтилъ офицеръ, посланный командиромъ полка съ предупрежденіемъ, что на меня готовится покушеніе, но я привыкъ къ тому, что когда предупреждаютъ, то обыкновенно ничего не случается. Когда видишь солдатскія толпы въ спокойномъ состояніи и виѣ взвнчивающаго вліянія разныхъ подстрекателей, то временами въ душѣ появляются голубые кусочки надежды, что если бы сейчасъ очистить части отъ большевистскихъ главарей и гарантировать солдатамъ, что никакого наступленія не будетъ, то героической работой команднаго состава, офицеровъ и разумныхъ комитетовъ на нашемъ фронтѣ можно еще было бы удержаться отъ полнаго и окончательнаго развала; въ такія времена хочется вѣрить, что мы не отравлены еще такъ, что нѣтъ надежды на спасеніе.

Иное дѣло, судя, конечно, по газетамъ, въ тылу и на юго-западѣ, гдѣ распустившіяся солдатскія орды дорвались до сладости грабежей, насилій и убійствъ и гдѣ возможность спасенія только въ возможности массоваго примѣненія каленаго желѣза, котораго нѣтъ и негдѣ взять.

Вечеромъ получилъ телеграмму о сокращеніи хлѣбной дачи до полутора фунтовъ — новый и весьма большой поводъ къ обостренію агитаціи и къ вящему ухудшенію

солдатскаго настроенія; наши верхи до сихъ поръ не понимаютъ или же умышленно не желаютъ понять, что всѣ регуляторы солдатскаго настроенія и всѣ возбудители разныхъ неудовольствій помѣщены въ солдатскомъ брюхѣ.

Не считаясь совершенно съ состояніемъ продовольственныхъ запасовъ, мальчишки военные министры, богатые только революціоннымъ стажемъ, выбросили на фронтъ миллионныя пополненія и этимъ сорвали всю систему оборота и подвоза запасовъ, что стало особенно острымъ при воцарившихся на желѣзныхъ дорогахъ развалѣ и беспорядкахъ. Навезли на фронтъ трусливые, не желающіе воевать и работать рты, которые, помимо того, что усилили общій развалъ, усугубили давно уже надвигавшуюся на фронтъ продовольственную катастрофу.

Невеселыя на завтра перспективы; сколько запросовъ и сколько обвиненій вызовутъ эти несчастные полфунта хлѣба; убѣжденій и разъясненій никто слушать не будетъ, а все свалятъ на контръ-революцію и злостные подвохи начальства.

17 Октября. Весь день провелъ въ Двинскѣ на томительнѣйшемъ совѣщаніи по вопросу о расформированіи третьсочередныхъ и неснадежныхъ дивизій. Мы всегда запаздываемъ: два три мѣсяца тому назадъ все это было бы очень кстати, но тогда на наши просьбы о необходимости этой мѣры верхи не обращали никакого вниманія; теперь же это не пройдетъ, ибо это невыгодно для тѣхъ, для кого выгоденъ скорѣйшій и полнѣйшій развалъ русской арміи, и теперь все это будетъ свалено въ общую кучу карательныхъ и контръ-революціонныхъ мѣръ и никто изъ товарищей не позволитъ провести въ жизнь эту мѣру; вѣдь въ этихъ дивизіяхъ сейчасъ вся сила большевиковъ и они напрягутъ всѣ старанія, чтобы ихъ сохранить; конечно, всѣ подлежащіе упраздненію и обращенію въ небытіе комитеты этихъ частей явятся самыми дѣятельными сотрудниками большевистскихъ заправиль. Это надо было дѣлать, пока на нашей сторонѣ была сила; когда, напримѣръ, всевозможными посулами и уговорами тащили на фронтъ уже и тогда совершенно безнадежныя по своему состоянію 120 и 121 дивизіи, тогда была полная возможность осуществить это расформированіе. Сейчасъ же все это ушло въ невозвратное прошлое; того, что упущено, уже вернуть нельзя. Весь фронтъ покрытъ любезными большевистскому и нѣмецкому сердцамъ, гнойными нарывами въ видѣ совершенно разложившихся, въ большинствѣ преимущественно третьсочередныхъ, дивизій. Помню, какъ я молил тогдашняго командарма Данилова не губить меня присылкой этихъ дивизій; и несмотря на всѣ мои просьбы ихъ мнѣ прислали и ими погубили до тѣхъ поръ очень стойко державшіяся корпусъ.

138 дивизія 47 корпуса только три дня постояла въ районѣ нашей 18 дивизіи и сразу же внесла полное разложеніе въ ближайшій батальонъ Бѣлевскаго полка. Все это было непонятно совершенно оторваннымъ отъ войскъ команднымъ верхамъ; на мои доводы о причинахъ отказа отъ 120 и 121 дивизій, начальникъ штаба арміи Свѣчинъ недоумѣнно меня спрашивалъ, чѣмъ же я буду развивать свое наступленіе, и никакъ не могъ усвоить моихъ разъясненій, что наступленіе можно развивать настоящими дивизіями, а не разнузданными въ конецъ бандами, которыхъ никакъ не могутъ уговорить согласиться идти на фронтъ и которыя уже и такъ искусились въ томъ, что можно не исполнять не-пріятныхъ для себя приказаній начальства, ибо у послѣдняго нѣтъ никакихъ реальныхъ средствъ для того, чтобы заставить неповинующихся выполнить такое приказаніе.

На совѣщаніи корпусныхъ командировъ я опредѣленно высказалъ свое мнѣніе, что съ расформированіемъ мы уже опоздали и что теперь эта мѣра ничего кромѣ новыхъ скапдаловъ и новыхъ ударовъ по остаткамъ власти не вызоветъ, и намъ придется только лишній разъ пережить униженіе быть безмолвными и безсильными свидѣтелями неисполненія нашихъ распоряженій.

Сейчасъ время крутыхъ распоряженій уже миновало; нынѣ единственный шансъ это полный покой и бережное устраненіе всего, могущаго вызвать острое воспаленіе и сопровождающіе его эксцессы; надо этимъ путемъ дотянуть до послѣдней оставшейся ставки — выборовъ въ Учредительное Собраніе (ставки очень ничтожной, такъ какъ надо, чтобы за ней стояла реальная сила, а не одни только воззванія, деклараціи и резолюціи).

Большевики развернулись сейчас во всю и, если они побѣдятъ, то послѣдніе остатки арміи и государственности будутъ неизбѣжно сметены.

Мое мнѣніе о несвоевременности расформированія ненадежныхъ дивизій и о возможности осуществить теперь эту мѣру было поддержано армейскимъ комиссаромъ. Болдыревъ недовольно молчалъ, мнѣнія своего не высказалъ, но согласился включить мое и комиссара мнѣнія въ свой докладъ Главнокомандующему, но я уѣхалъ безъ увѣренности, что онъ это сдѣлаетъ; вообще, мнѣ его тактика не нравится: онъ очень прозрачно ругаетъ при насъ Черемисова, выставляетъ себя гонимымъ и всячески хочетъ свалить всю вину на Псковъ, но въ то же время срывается иногда на мелочахъ, изъ которыхъ явно выпираетъ его заискиваніе въ сношеніяхъ съ Черемисовымъ и желаніе путемъ двойной игры быть удобнымъ и подходящимъ и вверхъ и внизъ; для большого начальника это очень скверная политика и на такомъ двухцвѣтномъ россинантѣ далеко не уѣдешь.

Я просилъ также настоять на томъ, что, если расформированіе дивизій будетъ рѣшено, то пусть приказъ объ этомъ будетъ изъ Петрограда и исполненіе его будетъ возложено на какія-нибудь особыя комиссіи такого состава, который исключалъ бы всякую возможность заподозрить эти комиссіи въ контръ-революціонности. Я все время повторялъ, что положеніе фронта сейчасъ чрезвычайно острое, и ради спасенія фронта мы обязаны говорить вверхъ только правду, какъ бы остра и непріятна она тамъ ни была. Меня поддержалъ только командиръ 45 корпуса генералъ Сухановъ, а остальные дипломатически молчали.

На совѣщаніи присутствовали всѣ корпусные комиссары; настроеніе ихъ очень неважное, такъ какъ они ставленники уходящаго состава армейскаго комитета и знаютъ, что ихъ дни кончены; по ихъ мнѣнію, настроеніе солдатскихъ массъ очень озлобленное и имъ надоѣла кормежка ихъ обѣщаніями; солдаты убѣждены, что главнымъ препятствіемъ къ миру и немедленному уходу по домамъ являются начальники и офицеры, которымъ выгодно продолжать войну, и поэтому всюду идетъ самая оживленная агитація, подускивающая массы къ поголовному истребленію начальниковъ и офицеровъ. Руководство агитаціей построено очень умѣло; одна и та же мысль одновременно, какъ по телеграфу, въ одинаковыхъ даже выраженіяхъ бросается и впрессовывается въ солдатскія массы отъ Риги до Нароча; тѣ же мысли муслируются одновременно большевистскою «Правдой» и нѣмецкими газетами «Товарищъ» и «Русскій Вѣстникъ», печатаемыми въ Вильнѣ и очень аккуратно разбрасываемыми по всему фронту въ особыхъ почтовыхъ минометныхъ бомбахъ, отличающихся отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что ихъ головныя части окрашены въ красный цвѣтъ. Одинъ изъ начальниковъ дивизій утверждаетъ, что на фронтѣ 19 корпуса братаньемъ и такъ называемыми поцѣлуйными встрѣчами завѣдывалъ нѣмецкій майоръ Менеке, специально натаскивавшій нашихъ товарищей на тему о томъ, что главнымъ препятствіемъ къ миру были русскіе начальники.

За обѣдомъ у командарма пришлось сидѣть опять рядомъ съ командиромъ 1-го кавалерійскаго корпуса княземъ Долгоруковымъ, который опять началъ распространяться на несомнѣнно излюбленную имъ тему о томъ, что всѣ его желанія сводятся къ тому, чтобы поскорѣй очутиться въ Ниццѣ подальше отъ здѣшней мерзости. Это было настолько цинично, что я очень невѣжливо спросилъ князя, что онъ навѣрно во время спасъ за границу всѣ свои капиталы; отвѣтъ былъ самодовольно утвердительный. И таково большинство нашей такъ называемой аристократіи, объѣдавшейся около Трона, обрызгивавшей его грязью своихъ темныхъ дѣлъ; укрывавшейся часто подъ сѣнью Царской Порфиры отъ отвѣтственности за разныя гадости, и въ минуту опасности такъ позорно покинувшей и предавшей своего Царя. Какъ подходятъ къ нимъ бичующія слова Лермонтова: «Вы, жадною толпой стоящіе у Трона . . .»

Изъ Пскова сыпятся десятки телеграммъ и приказовъ объ усиленныхъ занятіяхъ, маневрахъ и военныхъ прогулкахъ; вспомнили старыя мирныя привычки и требуютъ представленія въ штабъ фронта подробныхъ программъ занятій и заданийъ для маневровъ. Какъ это затхло, непроходимо глупо и даже цинично! Что они лунножителіи или прирожденные прохвосты, пытающіеся по старой привычкѣ спрятать свои пустыя головы

и выхолощенные сердца подь страусовое перо разныхъ циркулярчиковъ, и отдѣлаться отъ отвѣтственности знакомыми словами: «мы приказывали»

Вчера начался армейскій съѣздъ для перевыбора армейскаго комитета. Трудно было выбрать худшее время; нѣтъ и сотой доли процента шансовъ на то, чтобы удержался теперешній очень дѣльный и здравомыслящій составъ, такъ какъ онъ потерялъ всякій авторитетъ среди разваливающихся частей; онъ требовалъ исполненія долга, работы и занятій, онъ твердилъ объ обязанностяхъ, настаивалъ на продолженіи войны и примѣнялъ силу и репрессіи противъ неповиновенія. Онъ былъ ненавистенъ для большевиковъ, ибо его силами и его вмѣшательствомъ былъ сорванъ іюльскій большевистскій заговоръ, былъ занятъ Петроградъ и арестованы всѣ главари большевизма.

Случилось неизбежное: какъ только комитету пришлось стать на неизбежную для всякой власти дорогу, сейчасъ же кончилось время овацій и наступило мрачное, а потомъ и злобное молчаніе, перешедшее теперь въ крики: «Расни его». Правительство и Петроградъ были неспособны учесть огромнаго для нихъ значенія состоянія 5 и 12 армій и не приняли во время мѣръ, чтобы сохранить эти важнѣйшія для нихъ арміи въ возможномъ порядкѣ и не допустить, чтобы онѣ сдѣлались главнымъ оплотомъ большевизма. Сейчасъ всѣ части сѣвернаго фронта за самыми ничтожными исключеніями во власти большевиковъ и черезъ нѣсколько дней мы будемъ имѣть большевистскій комитетъ, большевистскихъ комиссаровъ и всѣ вытекающія изъ этого послѣдствія.

Въ 12 арміи то же самое.

На сегодняшнемъ совѣщаніи помощникъ армейскаго комиссара сообщилъ, что имѣются свѣдѣнія о томъ, что глава армейскихъ большевиковъ докторъ Склянскій получилъ уже изъ Петрограда инструкцію немедленно по вступленіи во власть большевистскихъ комитетовъ и комиссаровъ объявить о прекращеніи на всемъ фронтѣ арміи какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствій. По сообщенію того же помощника положеніе въ Петроградѣ самое напряженное; тамъ назрѣваютъ рѣшающія событія; правительство растеряно и безсильно, и его министры, ложась спать, не знаютъ, проснутся ли они на завтра въ постели или въ тюрьмѣ.

Сердечныя боли все сильнѣе; появились позывы на обморокъ; все ближе подхожу къ условіямъ 1915 года, когда въ началѣ февраля не могъ уже стоять; повторяется по видимому полный *stupor* нервной системы, какъ опредѣлилъ тогда мою болѣзнь профессоръ Карпинскій. Невѣроятныя нервныя напряженія послѣднихъ мѣсяцевъ не могутъ пройти даромъ.

И какъ все это не во время: обстановка, какъ никогда, требуетъ силъ и бодрости, а я по физическому состоянію приближаюсь къ состоянію разбитой клячи.

По свѣдѣніямъ съ юга, полученнымъ въ корпусномъ комитетѣ, многіе солдаты старыхъ сроковъ службы, получившіе по приказу Керенскаго право вернуться домой, отказались отъ пользованія этимъ правомъ и предпочли остаться на фронтѣ, продолжать получать жалованье, продовольствіе и разные недоѣды и недодачи, и въ то же время ничего не дѣлать, ничѣмъ не рисковать и заниматься торговлей, сейчасъ очень выгодной. Петроградъ, Москва, Кіевъ, Одесса и главные города тыла переполнены старыми «дядьями» и молодыми подсосками, торгующими на улицахъ ѣдой, папиросами, одеждой, награбленнымъ имуществомъ и т. п. За послѣднее время появились нѣмецкіе модные товары, галантерей, ботинки, вымѣниваемые у нѣмцевъ во время братаній. Какой дуракъ промѣняетъ такую жизнь на тяжелую работу въ деревнѣ; вѣдь, и до революціи многіе солдаты отказывались отъ отпуска, зная, что когда они придутъ въ деревню, то выбившіяся изъ силы бабы заставятъ ихъ исполнять тяжелыя полевыя и домашнія работы.

18 Октября. Ѣздилъ опять въ штабъ и полки 120 дивизіи; не хочу лишать товарищей возможности проявить свое искусство по части уничтоженія неугоднаго имъ корпуснаго командира. Кромѣ того надо продолжать начатое мной подтягиваніе хозяйственной части и интендантства этой дивизіи, такъ какъ, какъ и всегда и вездѣ, сильное разложеніе полковъ находится въ сильной зависимости отъ плохого довольствія и отъ беспорядковъ по хозяйственной части.

Приходится переживать тяжелый продовольственный кризисъ; общій революціонный развалъ разрушилъ довольно сносную раньше систему сбора запасовъ и подачи ихъ на фронтъ; первое время намъ помогали накопленные раньше всюду войсковые запасы, но имъ теперь пришелъ конецъ и всюду начинается недохватъ и недовозъ. Я думаю, что если бы верхи фронта и тыла болѣе чутко понимали бы все значеніе для армій продовольственныхъ вопросовъ, то и при развалѣ все-же можно было не допустить дѣло до критическаго положенія; но, къ сожалѣнію, наши ставочные и тыловые Юпитеры очень мало интересуются вопросами довольствія и начинаютъ беспокоиться только тогда, когда надвигается катастрофа и всюду начинается гвалтъ. По продовольственной части первые годы войны приучили смотрѣть на все походя, все де обойдется; по этой части низамъ скулить не разрѣшалось, и всѣ урѣзки, недовхваты и даже голоданіе считались мелочами, недостойными высокаго юпитерскаго вниманія, справляться съ которыми обязаны были полковые командиры и начальники дивизій. Всюду прежде царило: «мало-ли что нѣтъ; молчать!» Ну, а теперь молчать не хотятъ, и все, касающееся брюха, властно вылѣзло наверхъ; справляться же со всѣми недовхватами предоставляютъ намъ; верхи остаются въ сторонѣ, и весь отвѣтъ, и вся злоба солдатскихъ массъ, объясняющихъ все только злымъ умысломъ начальства, падаетъ на насъ.

Даже офицеры не желаютъ понять стихійныхъ причинъ, вліяющихъ на продовольственное снабженіе армій, и такъ же, какъ и солдаты, валяютъ все на ближайшее начальство и на его нераспорядительность; что же тогда требовать отъ солдатъ, которыхъ все время наускиваютъ спеціальныя по развалу арміи агитаторы, и которые уже научились примѣнять не только жалобы, но и физическое воздѣйствіе противъ тѣхъ, кого они считаютъ или на кого имъ указываютъ, какъ на виновника всѣхъ недодачъ и урѣзокъ; агитаторы отлично знаютъ, какую остроту имѣютъ всѣ вопросы по довольствію и какое стихійное и чисто звѣриное озлобленіе они вызываютъ.

Сейчасъ нужны какія то совершенно исключительныя мѣры, чтобы обезпечить довольствіе фронта; всѣ приходящія изъ тылу свѣдѣнія показываютъ, что дѣло сбора запасовъ идетъ все хуже и хуже; первое, что надо, это сократить арміи въ нѣсколько разъ и оставить на фронтѣ только то, что надо для обороны. Иначе мы очень скоро придемъ къ голоднымъ бунтамъ на фронтѣ.

Сейчасъ дача хлѣба сокращена уже до полутора фунтовъ, подвозъ мяса почти прекратился, съ жирами совсѣмъ слабо, а съ фуражемъ еще хуже. 70 дивизія еще держится благодаря развитой при мнѣ системѣ заготовки кое какихъ запасовъ въ ближайшемъ тылу собственнымъ попеченіемъ войскъ, но въ молодой и безхозяйной 120 дивизіи всѣ недостатки по довольствію сказываются особенно остро. Приказалъ не жалѣть никакихъ денегъ, чтобы покупать муку и сало; нельзя доводить войска до голоднаго бунта; усмиреніе всѣхъ беспорядковъ, возникающихъ на почвѣ требованій брюха, были всегда очень трудны, ну, а при современной обстановкѣ это можетъ быть смертельной и окончательной катастрофой. Вѣдь, если бы въ февралѣ этого года въ Петроградѣ была бы мука, было бы мясо и былъ бы уголь, и ихъ во время дали бы населенію, то мы не сидѣли бы теперь у того полуразбитаго корыта, которымъ является Россія.

120 дивизія прислала постановленіе соединенныхъ комитетовъ съ требованіемъ немедленнаго заключенія мира и отвода дивизіи въ резервъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ полковой комитетъ 477 полка увѣдомилъ меня, что онъ исключилъ изъ своего состава того товарища, который на послѣднемъ собраніи въ господскомъ дворѣ Анисимовичи наговорилъ дерзостей по моему адресу. Вечеромъ же въ почтѣ я нашелъ письмо на мое имя съ приложеніемъ утвержденного какой то пятеркой смертнаго мнѣ приговора (письмо съ помѣткой на конвертѣ почтоваго вагона, такъ что отправлено кѣмъ то съ пути). Засчитываю себѣ это еще въ одну очередную награду за хорошую службу.

Вечерній докладъ начальника штаба и предсѣдателя корпуснаго комитета принесли цѣлые вороха самыхъ безотрадныхъ извѣстій и донесеній; волна большевизма все захлестываетъ; развалъ перебросился на артиллерію и спеціальныя команды; всѣ средства связи уже всецѣло въ рукахъ большевистскихъ комитетовъ. Вообще гангрена

располагается съ поражающей быстротой; армія гніеть, какъ кусокъ уже тронувшагося мяса въ очень жаркій день.

Трещать и лопаются одна за другой послѣднія связи, вездѣ разинутыя пасти, полныя слюны вождельнія; отовсюду только требованія правъ, льготъ, уступокъ, отмѣны обязанностей. Съ каждымъ часомъ толпа все болѣе и болѣе сознаетъ свою силу и становится все дерзче. Вечеромъ въ штабъ корпуса явилась депутація отъ роты 8 инженернаго полка и заявила, что роты не желаютъ ждать никакихъ разъясненій по поводу выдачи заработныхъ денегъ за окопныя работы въ 1915 и 1916 годахъ и грозятъ разбить денежные ящики и удовлетворить свои претензіи собственнымъ попеченіемъ. Способовъ противодействія у меня никакихъ; для спасенія послѣдняго авторитета власти пришлось прибѣгнуть къ передержкѣ, заявивъ, что разъясненіе въ пользу выдачи только что получено, и что, хотя я и считаю сдѣланныя мнѣ заявленія дерзкими и неумѣстными, но разрѣшаю претензіи удовлетворить, какъ уже утвержденныя контролемъ.

Какой я жалкій начальникъ, разъ приходится прибѣгать къ такимъ непристойнымъ уловкамъ; развѣ я корпусный командиръ? я только потрепанное огородное чучело, котораго никто уже не боится, но которое все еще для какой то видимости продолжаетъ торчать на своемъ мѣстѣ въ своихъ жалкихъ отрешьяхъ и погремушкахъ. Написалъ Болдыреву письмо, въ которомъ изложилъ всю нелѣпость нашего положенія и просилъ найти мнѣ замѣстителя, который считалъ бы возможнымъ современное положеніе начальника.

Отъ газетъ становится тошно на душѣ: всюду звѣри, звѣриныя дѣла, звѣриныя морды и жадность, кое-гдѣ и звѣриная жестокость. Жалкая, безсильная власть что-то лопочеть и пытается громкобредомъ и высокопарными сентенціями остановить сокрушающуюся громаду россійской государственности. Всѣ эсеры, попавшіе въ министры и пріявшіе на свои плечи отвѣтственность, цѣпляясь за послѣднія средства спасенія, раздражаются такими мѣрами, передъ которыми задумывались даже самые крутые реакціонеры Царскихъ временъ.

Незыблемъ повидимому мой законъ политической баллистики, формулируемый такъ: «всякая революціонная морда, ударившаяся о государственность, сворачиваетъ вправо». Брехать и валить существующую власть это одно; охранять и отвѣчать за результаты нѣчто совсѣмъ иное, сидящее на противоположномъ концѣ діаметра.

Нѣмцы и австрійцы обрушились на Италію, итальянскій фронтъ трещитъ и макаронникамъ приходится плохо; французы бросаютъ свои резервы на спасеніе Италіи.

Впервые сказывается нашъ выходъ изъ боевого строя; у нѣмцевъ развязаны руки и они могутъ теперь дерзать на рѣшительныя и грозныя для нашихъ союзниковъ операціи. Надо только удивляться, чего они медлятъ. Какъ я завидую теперь нѣмецкимъ генераламъ, которымъ судьба даетъ счастье быть творцами, участниками и свидѣтелями побѣдъ и видѣть реальные результаты разработанныхъ плановъ и осуществленныхъ предположеній.

Намъ судьба этого не дала, и за все перенесенное и за всѣ великіе труды мы получили только ужасъ современнаго положенія и еще болѣе ужасное и мрачное будущее.

20 Октября. Получилъ отъ Болдырева письмо, полное комплиментовъ и увѣреній въ невозможности найти мнѣ достойнаго замѣстителя по командованію корпусомъ; отвѣтилъ, что остаюсь при старомъ рѣшеніи, такъ какъ помимо того, что считаю свое безсильное и безправное положеніе архинелѣпнымъ, состояніе здоровья не позволяетъ служить съ тѣмъ напряженіемъ, котораго требуетъ наличная обстановка; послѣ каждаго нервнаго напряженія мнѣ приходится отлеживаться по нѣсколько часовъ; при такой изношенности я не имѣю права продолжать цѣпляться за свое мѣсто.

Въ Двинскѣ на съѣздѣ идетъ ожесточенная борьба между большевиками и эсерами, борьба не на животъ, а на смерть; положеніе эсеровъ, однако, безнадежное; они потеряли весь былой авторитетъ, и повелители солдатскихъ массъ теперь уже большевики и ихъ главные представители въ нашей арміи Склякскій, Сѣдякинъ и Собакинъ (три с. с.).

Исполняя приказъ, послалъ въ штабъ арміи проектъ наступленія для прорыва нѣмцевъ на Тыльженскомъ участкѣ; при этомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ

увести съ фронта 120 дивизию, такъ какъ ея товарищи способны открыть огонь въ спины своихъ наступающихъ частей; донесъ также, что наступленіе возможно только при помощи ударныхъ частей и добровольческихъ командъ, обезпечивъ заранѣе нейтральное поведеніе остальныхъ частей; тогда при полной для нѣмцевъ неожиданности (конечно, если ихъ не предупредятъ пріятели большевики) такое наступленіе можетъ имѣть успѣхъ.

21 Октября. Ночью вернулся съ армейскаго съѣзда предсѣдатель корпуснаго комитета прапорщикъ В.; по его словамъ впечатлѣніе отъ съѣзда отчаянно скверное; эсеры упорно защищаютъ свое положеніе, объединились съ остальными умѣренными партіями, но на сторонѣ большевиковъ уже несомнѣнное большинство, поддерживаемое облѣпившими съѣздъ массами солдатъ Двинскаго района, почти поголовно шкурятниками, для которыхъ все будущее въ побѣдѣ большевиковъ. Но все же при обсужденіи поведенія полковъ 70 дивизіи съѣздъ вынесъ имъ единогласно полное порицаніе и послалъ приказъ немедленно выступить на смѣну частей 18 дивизіи; сомнѣваюсь, чтобы и этотъ приказъ была исполненъ.

Весь день провалялся; слабость, перебои въ сердцѣ и изнуряющее отсутствіе сна; когда закроешь глаза — то въ нихъ стоитъ какая-то желтая муть.

Происходящая на съѣздѣ борьба является послѣдней битвой эсеровъ, которые съ самаго начала революціи безъ соперниковъ царили во всѣхъ комитетахъ V арміи и царили разумно, съ большимъ здравымъ смысломъ, но не особенно дальновидно и слишкомъ по штатски; они долго мечтали править массами при помощи убѣжденій и красивыхъ фразъ и резолюцій; въ началѣ, пока все это было вновѣ и пока массы еще сдерживались старыми привычками и врожденной боязнью власти, наши милые эсеры имѣли большой успѣхъ; теперь же ихъ пѣсенка спѣта; ихъ время ушло; ихъ средства потеряли всю силу, и выпущенные изъ за рѣшетокъ революціонные звѣри ихъ неукоснительно скушаютъ.

Все это неизбежно и крайне печально; руководители стараго комитета Ходоровъ и Виленкинъ очень умные, очень нешаблонные люди, и въ предѣлахъ имъ доступнаго много сдѣлали хорошаго и немало задержали разложеніе арміи; но у нихъ не хватило размаха зорко разобратъ въ грядущемъ и во время настоять, не боясь никакихъ попрековъ, передъ старшимъ командованіемъ и самимъ Керенскимъ о принятіи самыхъ исключительныхъ мѣръ, способныхъ остановить начавшееся съ марта разложеніе арміи. Въ этомъ отношеніи они оказались людьми слишкомъ мелкаго калибра и слишкомъ недостаточнаго дерзанія; они плыли по теченію, пока оно было для нихъ благопріятно; ловко спаслись отъ многихъ подводныхъ камней, но прозѣвали, когда теченіе примчало ихъ къ водопаду, которому видимо суждено ихъ поглотить. У нихъ, скованныхъ партійными наглазниками не хватило мужества во время потребовать (и настоять на своемъ требованіи) возстановленія дисциплины, понимая, что это еще очень далеко отъ реакціи; они не сумѣли прозрѣть необходимость добиться уменьшенія состава арміи и очистки ее отъ шкурнаго и опаснаго для порядка и духа войскъ элемента; у нихъ не нашлось прозорливости понять всю гибельность и безнадежность іюльскаго наступленія и, не боясь никакихъ упрековъ, властно потребовать его отмѣны.

Близость V арміи къ Петрограду придавала дѣятельности нашего армейскаго комитета исключительно важное значеніе; въ іюлѣ комитетъ сыгралъ огромную роль въ дѣлѣ ликвидаціи перваго большевистскаго выступленія и создалъ такую обстановку, которая давала всѣ возможности подобрать упущенныя въ мартѣ государственныя вожжи. И все сорвала никчемность и актерская ходульность товарища Керенскаго, у комитета же не хватило размаха подняться до высоты положенія и, презрѣвъ всѣ упреки въ реакціонности, настоять тогда на осуществленіи тѣхъ мѣръ, которыя такъ властно требовались обстановкой.

Но во всякомъ случаѣ намъ строевымъ начальникамъ было возможно работать при этомъ комитетѣ, который очень тактично не вмѣшивался не въ свои дѣла и во многомъ намъ помогалъ; стоящіе во главѣ его эсеры очень скоро свернули въ разумную правую сторону и охотно шли на то, отъ чего шарахалось въ сторону даже Царское правительство.

22 Октября. По газетамъ и по свѣдѣніямъ, полученнымъ комитетами изъ Петрограда, тамъ совсѣмъ плохо; большевики, при поддержкѣ солдатъ дезертировъ, заповолившихъ въ послѣднее время обѣ столицы (въ Петроградѣ ихъ свыше 200 тысячъ), матросовъ и распропагандированныхъ частей мѣстнаго гарнизона, собрали всѣ свои силы и на дняхъ должно послѣдовать какое то рѣшительное съ ихъ стороны выступленіе. Правительство совершенно растерялось, мечется въ уговорахъ и компромиссахъ, видимо, не понимая, что сейчасъ идетъ послѣдняя ставка на существованіе какого-нибудь порядка и сейчасъ уже глупо и преступно деликатничать и разбираться въ средствахъ; пора забыть про разные якобы демократическіе и quasi революціонные пустобрехи, на которые большевики весьма плюютъ; демократія не есть анархія. Слѣпота, легкомысліе Керенскаго спасли большевиковъ отъ іюльскаго разгрома; теперь они оправились и открыто лѣзутъ на Правительство, чтобы его свалить, а сіе послѣднее разсыпаетъ цвѣты демократическаго краснорѣчія и что-то мелеть, вмѣсто того, чтобы или пустить въ ходъ, пока еще не совсѣмъ поздно, каленое желѣзо и разъ навсегда выжечь грозную и отнюдь не демократическую язву, или же сознать свое безсиліе и самому убраться отъ власти. Вѣдь, всѣ повадки большевиковъ ясно показываютъ, что они церемониться не будутъ, и будутъ дѣйствовать такъ, какъ то слѣдуетъ при столь ожесточенной и непримиримой войнѣ. Неужели не ясно, что никакихъ соглашеній быть не можетъ, что уговоры безсильны и что каждая потерянная минута увеличиваетъ силы врага. Быть можетъ, уже поздно, но попытаться надо; несомнѣнно, что сейчасъ положеніе Правительства безконечно хуже и слабѣе, чѣмъ то было во времена іюльскаго выступленія большевиковъ; арміи ушли изъ рукъ правительства и находятся подъ властью большевистскихъ главарей и подъ чадомъ большевистскихъ обѣщаній: находящіяся въ Петроградѣ части исполитиканствовали, разложились и перестали быть той осью, на которой три мѣсяца тому назадъ можно было вывернуть наизнанку весь Петроградъ, дезинфектировать его отъ всѣхъ антигосударственныхъ и наемныхъ нѣмецкихъ элементовъ и сдѣлаться настоящимъ, а не бумажнымъ и словоизвергательнымъ правительствомъ. Вмѣсто дѣла и энергіи была фраза и дряблость; хотѣли всѣмъ нравиться и всѣмъ потрафить и очутились у разбитаго корыта; растеряли и вліяніе, и авторитетъ, обмякли и мечутся, какъ крысы на тонущемъ кораблѣ.

Но рисковать надо, ибо иного исхода нѣтъ, и рисковать во всю, не останавливаясь ни передъ чѣмъ — побѣдитель въ такой обстановкѣ всегда бываетъ правъ. Но двуликій, длинноязычный и убожески нежизненный Керенскій, — судя по тому, что извѣстно въ армейскомъ комитетѣ, — мечется во всѣ стороны и дѣлаетъ только то, на что способенъ, то-есть болтаетъ, сыпетъ красивыя слова, актерствуетъ, хочетъ и демократически революціонную невинность соблюсти, и правительственную власть — капиталъ сохранить; онъ работаетъ языкомъ и уже совершенно выдохшимися уговорами тамъ, гдѣ только дерзость, рѣшительность, жестокость могутъ спасти положеніе; онъ пытается входить въ компромиссы съ тѣми, которые ни на какіе компромиссы не способны.

Русское кривое зеркало, выставило на историческую сцену временъ революціи такъ называемаго диктатора, у котораго, вмѣсто диктаторскихъ качествъ, хватки и истерія души адвоката изъ знаменитостей сенсаціонныхъ процессовъ политическаго или амурнаго свойства, а вмѣсто диктаторскихъ громовъ — пустопорожнія словоизверженія.

Время словъ въ ожесточенной борьбѣ за власть уже кончилось; медовый мѣсяцъ революціи прошелъ; облетѣли цвѣты, догорѣли огни . . . начинается грозная борьба массъ, поднятыхъ на дрожжахъ самыхъ звѣриныхъ инстинктовъ, и тутъ резолюціи, голосованія и увѣщанія уходятъ въ невозвратное прошлое. Мы это ярко видимъ на томъ, что творится сейчасъ у насъ на фронтѣ, въ подчиненныхъ намъ частяхъ, а вѣдь армія сейчасъ является зеркаломъ, въ которомъ отражается настроеніе всей страны.

Власть есть дѣйствіе, а не разговоры; чаще принужденіе, чѣмъ пріятность. Хорошъ диктаторъ, у котораго все время уходитъ на рѣчи и выступленія! Гдѣ же тутъ заниматься настоящей творческой работой. При истрепанныхъ постольникой политической борьбой нервахъ, при переутомленномъ словесными турнирами мозгѣ невозможны спокойная логика, уравновѣшенный здравый смыслъ, продуманность и систематичность рѣшеній

и поступковъ; все рождается въ атмосферѣ нездороваго возбужденія; многое дѣлается подъ гипнозомъ взвинченныхъ и разболтанныхъ нервовъ, утомленныхъ мозговъ, овацій толпы, остраго желанія сломить сопротивление и покорить себѣ массы, все равно какой цѣной. Ясно, что при такой обстановкѣ неизбежны рѣшенія и поступки больные, абсурдные, нелогичные, безсвязные, нелѣпые, болтающіеся, довлѣющіе минутному настроенію массъ . . . Развѣ настоящая государственная работа можетъ вестись такимъ образомъ и въ такія грозныя времена; развѣ такъ должно идти государственное, на новыхъ началахъ строительство. Даже въ Думѣ было безконечно лучше, ибо тамъ параллельно съ ораторствомъ въ общихъ засѣданіяхъ работали, и часто работали весьма дѣльно и продуктивно многочисленныя комиссіи. Сейчасъ же вся работа уходитъ на митингованія; всѣ стараются кого то уговаривать, кого то перетаскивать на свой меридіанъ; работа идетъ безъ всякаго плана и безъ системы, по результатамъ случайныхъ голосованій, измѣнчивыхъ, какъ цвѣта хамелеона. Дѣятельность большевиковъ обѣщаетъ, что, когда они дорвутся до власти, то заведутъ иные порядки; ихъ наиболѣе откровенные главари, типа товарища Федотова, прямо заявляютъ, что ни съ нами, ни съ мартовскими и прочими мягкотѣлыми революціонерами они церемониться не будутъ.

Только сегодня появились первые признаки, что наши верхи поняли невозможность сохранить армію въ ея теперешнемъ положеніи и что необходимо перейти на добровольческія ударныя части. Къ несчастью, все это уже поздно и то, что 1—2 мѣсяца тому назадъ дало бы прекрасные результаты, сейчасъ уже фактически неосуществимо и даже не будетъ допущено къ исполненію. Разложеніе перебросилось уже на артиллерію, затронуло конницу и спеціальныя команды; авторитетъ начальства, который всѣ, начиная съ правительства, распинали и топтали въ грязь, убить до полной невозможности его возстановить; послѣднія крѣпи войскового порядка, — солдаты старыхъ сроковъ службы, — уволены домой и вернуть ихъ назадъ уже невысказано; наконецъ, много охулиганившихъ и наиболѣе опасныхъ на фронтѣ товарищей, хватившихъ всей сладости службы на современномъ фронтѣ, не захочетъ идти въ деревню для того, чтобы тамъ работать; большевистскіе же комитеты не допустятъ образованія добровольческихъ частей, такъ какъ въ этомъ ихъ смерть.

Наша судьба — во всемъ запаздывать. Запоздали мы и въ образованіи разумно построенныхъ и разумно руководимыхъ крестьянскихъ организацій въ странѣ и въ арміи. Увѣряютъ, что Керенскій и Совѣты были главными врагами настоящихъ крестьянскихъ организацій и создали ихъ поддѣлку, въ которой не было крестьянъ, а засѣдали и верховодили такіе же далекіе отъ жизни народа мозговики-интеллигенты, какъ и вездѣ. Мои личныя попытки организовать у себя въ корпусѣ настоящихъ кондовыхъ крестьянъ разбились сначала о глухое, а потомъ уже о сердитое противодѣйствіе армейскаго комитета; когда я спросилъ Виленкина о причинахъ, то онъ, нѣсколько замѣвшись, отвѣтилъ, что, вообще, комитеты опасаются возможности реакціоннаго вліянія на крестьянъ нашихъ генераловъ.

23 Октября. Судя по пришедшимъ сегодня изъ Петрограда газетамъ, положеніе тамъ съ каждымъ часомъ становится все хуже и хуже; растерявшаяся, многоглаголивая, пустопорожняя по содержанію и импотентная власть беспомощно несется, куда тащатъ ее событія, и испуганно тарачитъ свои демократическіе глазки на дѣйствительные и фальшивые подводные камни, которые ободрали съ нея весь ея авторитетъ.

Въ Правительствѣ произошелъ какой то крупный скандалъ съ революціоннымъ военнымъ министромъ Верховскимъ, который уволенъ въ отпускъ; если вѣрить помещенному въ газетахъ разоблаченію Бурцева, то Верховскій въ закрытомъ засѣданіи Совѣта Министровъ предложилъ заключить миръ съ Германіей. Правительство и самъ Верховскій это отрицаютъ, но неожиданный и скоропалительный отъѣздъ Верховскаго показываетъ, что произошло что-то экстраординарное. Съ точки зрѣнія вѣрности слову предложеніе, конечно, коварное, ну а съ точки зрѣнія эгоистическихъ интересовъ Россіи быть можетъ единственное, дающее надежду на спасительный исходъ; для массъ миръ это козырный тузъ, и его хотятъ взять себѣ большевики, и возьмутъ, какъ только станутъ у власти.

По сообщенію армейскаго комитета настроеніе большевиковъ боевое и рѣшительное; они чувствуютъ, что массы на ихъ сторонѣ и открыто подняли голову и поставили свои лозунги. Комитетъ отправилъ часть своихъ членовъ въ Петроградъ, видимо для подкрѣпленія потерявшагося Правительства, но все это запоздало, ибо самъ комитетъ уже конченъ и всѣ армейскія массы противъ него. Повидимому, даже иностранные послы наконецъ то расчухали, что грядетъ что то очень грозное и чреватое самыми неприятными послѣдствіями, и начали беспокоиться.

Не поздно ли спохватились, Ваши экселленціи? Сколько денегъ вы тратили на разныя миссіи и развѣдки, и все же не сумѣли разобраться въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, что такое русская революція, что такое наше Правительство, что такое дѣлается на фронтѣ и странѣ и какими результатами все это вамъ грозитъ.

У васъ не хватило разума, предвидѣнія и совѣсти, чтобы во время побезпокоиться о насъ и намъ помочь. Вы слишкомъ уже привыкли полагаться на толстую шкуру сѣвернаго медвѣдя и на то, что она все выдержитъ и выполнитъ все то, что нужно для вашихъ интересовъ. Вы привыкли къ тому, что наша армія всегда самымъ рѣшительнымъ броскомъ отвѣчала на ваши просьбы о помощи. И, однако, вы прозѣвали, что всего этого уже не будетъ. Наступила пора, когда вамъ надо думать уже о собственной безопасности.

Съ нашего фронта нѣмцы убираютъ одну часть за другой и, судя по даннымъ развѣдки, отправляютъ ихъ на Итальянскій фронтъ; тамъ, гдѣ стояли прежде дивизіи, остались только полки; изъ тяжелыхъ батарей осталась только самая заваль, да и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Эхъ, если бы теперь имѣть двѣ хорошихъ пѣхотныхъ дивизіи и хорошую конницу, то можно было бы учинить нѣмцамъ катастрофическій разгромъ.

Смѣшно читать груды воззваній, которыми всѣ политическія партіи засыпаютъ населеніе и армію; бумажными пальцами уже не остановить той лавины, которая надъ нами виситъ. Большевистская агитація уже используетъ уходъ Верховскаго, разжигая солдатъ указаніемъ на то, что вотъ де появился военный министръ, который по-нялъ, что воевать не надо, и собрался дать имъ миръ, а буржуи и генералы немедленно его ликвидировали, такъ какъ онъ былъ помѣхой удовлетворенію ихъ империалистическихъ вождельній и желаній пролить побольше солдатской крови. И эта версія принята въ частяхъ очень сочувственно, ибо толпа вѣритъ всему, что отвѣчаетъ ея настроенію и ея желаніямъ.

Сегодняшній день принесъ намъ новый составъ армейскаго комитета съ полнымъ преобладаніемъ въ немъ большевиковъ; въ президіумъ попала большевистская пара главныхъ вожаковъ 19 корпуса докторъ Склянскій (еврей) и Штабсъ-капитанъ Сѣдякинъ (изъ бывшихъ мордобоевъ, сдѣлавшійся въ мартѣ ярымъ революціонеромъ, а затѣмъ перекинувшійся въ большевика).

Воображаю, что теперь начнется и какія жирныя обѣщанія посыпятся въ темныя солдатскія массы; но зато будетъ интересно, когда сила обстоятельствъ заставитъ большевистскій комитетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ физическаго воздѣйствія, чтобы заставить эти толпы дѣлать то, что тѣмъ не нравится. Пока всѣ данныя за то, что большевики не постѣсняются снять бѣлыя демократическія перчатки и пустить въ ходъ самые реакціонныя приемы, когда то имъ понадобится.

Такимъ образомъ сегодня кончился эсеровскій періодъ комитетскаго управленія 5 арміей и начался новый большевистскій, несущій въ себѣ массу неожиданностей. Правительство и вся партія эсеровъ жестоко поплатится за то, что отдали во власть большевизма наиболѣе важную по своей близости къ Петрограду армію.

24 Октября. Въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ рабочіе захватили фабрики и выгнали вонъ владѣльцевъ; почти то же самое произошло и въ Донецкомъ угольномъ районѣ. Нѣкоторыя желѣзныя дороги близки къ полной остановкѣ вслѣдствіе истощенія запасовъ угля и массоваго заболѣванія паровозовъ. Показываются первыя крупныя ягоды — наслѣдіе революціонной весны и демократическаго цвѣтенія. Неужели и теперь союзники не разберутъ, чѣмъ все это пахнетъ, и будутъ оставаться въ прежнемъ созерцательномъ атитюдѣ.

На фронтѣ мертвое затишье; перестрѣлка почти совсѣмъ прекратилась; замолкла и наша артиллерія, боясь репрессій и насилій со стороны пѣхотныхъ товарищевъ; даже ночное освѣщеніе ракетками нѣмецкаго фронта почти прекратилось — очевидно, нѣмцы получили достаточныя гарантіи того, что имъ нечего опасаться. Я увѣренъ, однако, что нѣмцы только ждутъ окончательныхъ результатовъ сдѣланной намъ большевистской прививки и, когда мы уже совсѣмъ развалимся, то они толкнутъ насъ и добьются безъ какихъ либо особыхъ расходовъ и затрудненій.

Въ Двинскѣ опредѣленно говорятъ, что на участкѣ 19 корпуса есть кабель, соединяющій штабъ стоящей противъ насъ нѣмецкой арміи съ какимъ то мѣстечкомъ въ тылу, гдѣ сидитъ штабъ большевистской организациі и руководитъ по указкѣ нѣмцевъ всей пораженческой пропагандой и разложеніемъ. Братаніе идетъ по всему фронту; подъ прикрытіемъ братанія нѣмцы увозятъ отсюда всѣ лучшія батареи и снимаютъ отдохнувшія части, отправляя ихъ на французскій и итальянскій фронты.

Настроеніе отчаянное; ночи не сплю напролетъ, пытаюсь изыскать какіе либо способы справиться съ разваломъ корпуса; внутри ѣдятъ какія то грызущія боли; временами совершенно слѣпну, особенно когда начинаются огненные боли въ контуженной части головы. Въ Петроградѣ происходитъ что-то совсѣмъ неладное; новые большевистскіе комитеты все время секретно собираются и что-то готовятъ.

25 Октября. Главковерхъ подарилъ насъ новымъ закономъ, отъ своевременности котораго у всѣхъ глаза на лобъ полѣзли; я по прочтеніи сообщавшей его телеграммы уперся лбомъ въ стекло и довольно долго рычалъ и мычалъ по звѣриному — единственный исходъ для поднявшагося чувства изумленія передъ невѣроятной глупостью отдаваемого распоряженія. Законъ этотъ возстанавливаетъ условную дисциплинарную власть начальниковъ (это тогда, когда отъ всякой нашей власти даже и фиговаго листа не осталось). Устанавливается, что, если дисциплинарный судъ въ теченіе 48 часовъ не накладываетъ на виновныхъ взысканія или войсковая часть совершенно не желаетъ выбирать у себя состава дисциплинарнаго суда, то вся дисциплинарная власть переходитъ цѣликомъ въ руки соотвѣтствующихъ начальниковъ.

Такіе приказы могутъ писать при настоящей обстановкѣ или сумасшедшіе, или квалифицированные, какъ говорили у насъ въ артиллерійскомъ училищѣ, концентрированные идиоты.

Вѣдь, не можетъ же товарищъ Керенскій не знать, что дѣлается на фронтѣ, въ какомъ состояніи войска и что такое нынѣ вообще власть начальника. Никакія силы, а не то, что жалкіе бумажные приказы, не могутъ уже возстановить умершую власть начальниковъ, а тѣмъ болѣе власть дисциплинарную, наиболѣе ненавистную для массъ, которую раньше и основательнѣе всего постарались съ корнемъ уничтожить тѣ, кому нужно было развалить русскую военную силу. Вѣдь, въ самой сущности приказа кроется самый идиотскій абсурдъ: часть не хочетъ выбирать состава дисциплинарнаго суда, то есть опредѣленно нарушаетъ законъ и проявляетъ нежеланіе слушаться приказовъ начальства. Положеніе власти при этомъ такое, что заставить подчиниться и исполнить приказъ у ней нѣтъ ни средствъ, ни способовъ. Тогда прячутъ голову подъ крыло, изображаютъ, что ничего не видятъ и что ничего не произошло, и пробуютъ пугнуть непокорныхъ, но ничего уже не пугающихся товарищевъ тѣмъ, что неудобное имъ средство принужденія будетъ передано опять въ руки ненавистнаго имъ начальства.

Спрашивается, какими же способами и при помощи какихъ средствъ это несчастное, ободранное какъ липка и неизвѣстно для чего еще существующее начальство сможетъ осуществить предоставляемое ему право, то есть сдѣлать то, чего не въ состояніи выполнить ни самъ Главковерхъ, ни самые архиреволюціонные армискомы, исполкомы, совдепы, цики и комиссары всѣхъ ранговъ и отѣнковъ, и отдѣльно взятые, и всѣмъ своимъ скопомъ.

Не хочется думать, что все это чья то скверная провокація, имѣющая своей цѣлью родить еще одинъ поводъ для поднятія новой острой и злобной войны солдатской ненависти противъ несчастнаго строевого начальства, показавъ темнымъ и чрезвычайно подозрительнымъ массамъ, что это самое столь ненавистное имъ начальство измышляетъ

всякіе способы и пускается на разные подвохи, чтобы онять захватить въ свои руки дисциплинарную власть, вернуть свои кровопійныя привилегіи и разрушить «всѣ завоеванія революціи».

Подобныя мѣры напоминаютъ мнѣ ошалѣлое завертываніе въ мертвую всѣхъ тормазовъ въ то время, когда слетѣвшій уже съ рельсъ поѣздъ летитъ кувыркомъ съ высокой насыпи; польза отъ нихъ такая-же.

Далѣе этимъ приказомъ всѣ части, не исполняющія приказовъ начальства, объявляются штрафными, переводятся на старые оклады жалованья и на арестантское довольствіе и т. п.

Кто-же теперь въ состояніи все это осуществить? Вѣдь сейчасъ 90% всѣхъ частей уже давно заслужили такой переводъ. Неужели же товарищъ Главковерхъ и его борзописцы думаютъ, что весь фронтъ состоитъ изъ потомковъ Гоголевскихъ унтеръ-офицершъ, жаждущихъ заняться самосѣченіемъ, или что на свѣтѣ существуютъ такія лошади, которыя сами бы себя запрягали.

Читая такіе приказы, вспоминается чья-то думская фраза: «что это — глупость или измѣна?», вѣдь все это въ руку большевикамъ, ибо ярко и выпукло показываетъ товарищамъ, что верхи наконецъ то спохватились и пытаются вмѣсто революціонныхъ пустобреховъ примѣнить болѣе реальные методы возстановленія порядка и души всякой арміи — дисциплины. Въ отвѣтъ на эти запоздалыя мѣры товарищи пропоютъ: «нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ и штуки всѣ мы ваши понимаемъ». Пользы не можетъ быть никакой, но за то злобы, подозрительности и принятія мѣръ для предотвращенія самой возможности такихъ непріятностей прольется цѣлое море.

Скверныя пришли газеты, а еще болѣе скверныя слухи ползутъ къ намъ и по телефону, и по радіо изъ Двинска; сообщаютъ, что на улицахъ Петрограда идетъ рѣзня, и что часть Правительства захвачена возставшими большевиками. Новый армейскій комитетъ, состоящій преимущественно изъ большевиковъ насторожился, засѣлъ въ своемъ помѣщеніи, окруженный со всѣхъ сторонъ часовыми. Пока все слухи и сплетни, а, что дѣлается на самомъ дѣлѣ, никто не знаетъ, что еще болѣе увеличиваетъ напряженность положенія. Настроеніе въ частяхъ приподнято-настороженное; я очень опасуюсь большевистскаго взрыва въ 120 дивизіи.

Послалъ въ штабъ арміи и армейскому комиссару телеграммы съ просьбой ориентировать насъ въ происходящемъ, такъ какъ иначе части обвиняютъ насъ, что мы знаемъ, что дѣлается, и умышленно, въ своихъ интересахъ скрываемъ; нельзя насъ держать въ потемкахъ; лучший способъ бороться съ ползучими сплетнями и слухами — говорить правду.

Несомнѣнно, что развязка приближается, и въ исходѣ ея не можетъ быть сомнѣнія; на нашемъ фронтѣ нѣтъ уже ни одной части (кромѣ двухъ-трехъ ударныхъ батальоновъ, да развѣ еще Уральскихъ казаковъ), которал не была бы во власти большевиковъ.

Заброшенная нѣмцами петля затягивается все сильнѣе и сильнѣе. Но что же грядетъ въ будущемъ? вѣдь по тому, что мы видимъ сейчасъ въ поведеніи большевистскихъ вожаковъ, Россіи суждено обратиться въ звѣриное царство и быть таковымъ, пока кулаки испуганныхъ союзниковъ не водворятъ въ ней порядка; вѣдь, эти все разжижающіе и уничтожающіе лозунги являются полнымъ отрицаніемъ какой-нибудь государственности. Ну, а что будетъ, если съѣдающая насъ гангрена перекинется и на союзниковъ?

Въ 9 часовъ вечера прямо во всѣ части передана телеграмма новаго предсѣдателя армейскаго комитета, что сегодня вся власть перешла въ руки совѣтовъ; призываютъ войска оставаться спокойными и держать твердо порученные имъ боевые участки. Начало, какъ будто даже и совсѣмъ приличное, но такъ бываетъ всегда при всѣхъ переворотахъ — ягодки вылѣзаютъ потомъ, по надежномъ закрѣпленіи.

Черезъ два часа пришла телеграмма стараго армейскаго комиссара поручика Долгополова, что свѣдѣнія армейскаго комитета преувеличены и что вопросъ о передачѣ власти еще рѣшастся. Обычная картина нашего безвременья: двѣ враждебныя инстанціи бросаютъ въ настороженныя массы неясныя и возбуждающія свѣдѣнія, а всю беллиберду, которая изъ этого получается, приходится расхлебывать намъ, которые ближе

къ войскамъ и на которыхъ все косится и рычитъ. По соглашенію съ сосѣдными корпусами приказаль для выручки несчастнаго строевого начальства, чтобы на всѣхъ телеграфныхъ и телефонныхъ станціяхъ установили дежурство членовъ соотвѣтствующихъ комитетовъ, дабы большевистскіе агитаторы не могли натравить товарищей на свое начальство подъ предлогомъ, что послѣднее что-то скрываетъ и что-то затѣваетъ; приказаль начальникамъ дивизій направить сугубое вниманіе на свои боевыя и войсковыя обязанности, а всю политику во всемъ передать установленнымъ на сіе лицамъ и учрежденіямъ — пусть въ ней барахтаются.

26 Октября. Рано утромъ вызванъ въ Двинскъ на совѣщаніе къ командующему арміей. Болдыревъ предполагалъ ѣхать въ Псковъ по поводу уменьшенія численности арміи, но обстановка создалась такая, что оказалось не до отъѣзда. Изъ свѣдѣній, полученныхъ штабомъ арміи и армейскимъ комиссаромъ, ясно, что вчера вся власть надъ Петроградомъ перешла въ руки большевиковъ и досталась имъ, повидимому, даже легче, чѣмъ то было въ мартовской революціи. Все произошло въ тепло-холодныхъ тонахъ, безъ всякаго энтузіазма; побѣдили тѣ, которые нанали первыми и которые были болѣе рѣзки и рѣшительны. Керенскій и Правительство, какъ всегда, опоздали; это обычный недостатокъ людей слова, а не дѣла; пока они выбирали лучшіе способы рѣшенія, прикидывали, анализировали и спорили, волна событій ихъ нагнала, покрыла и опрокинула и ихъ, и всѣ ихъ рѣшенія. Вѣдь, если бы во время іюльскаго выступленія большевиковъ правительство приняло рѣшительныя и суровыя мѣры, властно требуемая обстановкой, то мы не переживали бы ни августовскихъ потрясеній, ни сегодняшнихъ событій.

Опредѣленно извѣстно, что правительство разогнано и что Керенскій удралъ изъ Петрограда въ Псковскомъ направленіи (вчера онъ еще патетически взвизгивалъ, что «умретъ на своемъ посту»); власть перешла въ руки совѣтовъ, изъ которыхъ вышли всѣ эсеры и часть меньшевиковъ. Большихъ беспорядковъ въ Петроградѣ, по сообщеніямъ по прямому проводу, — нѣтъ, населеніе относится къ борьбѣ довольно безучастно и вся борьба идетъ между малочисленными военными частями правительства и обольшевиченнымъ совершенно гарнизономъ; такова общая характеристика положенія въ Петроградѣ, сообщенная находящимися тамъ членами нашего стараго армейскаго комитета. Телеграфъ и радіо работаютъ во всю; получается невѣроятная мѣшанина — въ пережку получаютъ приказы Керенскаго и разогнаннаго правительства, перебываемые распоряженіями новой власти, установленной большевиками, — военно-революціонныхъ комитетовъ армейскихъ, корпусныхъ, дивизионныхъ и полковыхъ.

По телеграфу всюду назначены и вступили въ должности новые комиссары, а старыхъ приказано немедленно отстранить; строевыхъ начальниковъ пока не трогаютъ.

У Болдырева встрѣтилъ только что пріѣхавшаго въ Двинскъ новаго комиссара Временнаго Правительства «товарища» Пирогова; сей мужъ только что узналъ о разгонѣ аккредитовавшаго его правительства и имѣлъ видъ достаточно перепуганный и мало внушительный; временами можно было подумать, что у товарища комиссара начинается параличъ зада. Новый армискомъ ведетъ себя пока очень сдержанно; онъ даже согласился на настоящіе меньшинства выкинуть изъ телеграммы Петроградскаго Совѣта слова «всѣхъ офицеровъ, не присоединившихся къ революціи, арестовать и смотрѣть на нихъ какъ на враговъ». Несомнѣнно, что только попади эти слова въ переданную во всѣ части телеграмму, то это разразилось бы массовымъ избіеніемъ неугодныхъ товарищамъ офицеровъ.

Болдыревъ въ перѣшительности и, какъ мнѣ самъ сказалъ, «боится остаться между двумя стульями»; при его осторожности надо было быть очень взволнованнымъ, чтобы такъ разоткровенничаться. Я ему отвѣтилъ, что, если не пускаться въ политику, то намъ сгозить нечего, ибо стулъ у насъ одинъ — это наша отвѣтственность за удержаніе своихъ боевыхъ участковъ; съ этого поста мы уйти не можемъ, а борьба партій, въ которой намъ нѣтъ и не можетъ быть доли, не наше дѣло; сейчасъ мы только профессионалы, охраняющіе остатки плотины, прорывъ которой нѣмцами можетъ погубить Россію.

Есть, конечно, другой исходъ: ударными частями арестовать армискомъ и вмѣшаться въ борьбу за власть; но при данной обстановкѣ это бессмысленно по соотношенію силъ и губительно для интересовъ фронта, такъ какъ немедленно увлечетъ его въ эту борьбу.

Единственный исходъ въ томъ, что, быть можетъ, миражи мира и безпечальнаго житья, сулимые большевиками, скоро разсѣются; тогда наша задача состоитъ въ томъ, чтобы постараться сохранить, собрать и организовать всѣ благоразумные и всѣ инертно-пассивные элементы для того, чтобы, когда наступитъ подходящее время, начать борьбу съ извѣстнымъ шансомъ на успѣхъ. Сейчасъ же мы обязаны твердо и опредѣленно стать на боевую точку и потребовать отъ всѣхъ политическихъ организацій, каковы бы онѣ ни были, самой энергичной поддержки порядка и боевой способности нашихъ частей, то есть того, за что мы отвѣчаемъ; совѣты же, комитеты и комиссары пусть занимаются политикой и пасутъ, какъ умѣютъ, свое бурливое стадо. Самъ я мало вѣрю въ успѣхъ всего этого, но такая линія поведенія единственно для насъ возможная; наша командирская пѣсня все равно спѣта и скоро мы перестанемъ быть даже тѣмъ, чѣмъ есть теперь, то есть осколками формы безъ всякаго содержанія. Сейчасъ надо быть особенно осторожнымъ, когда выбивающіеся къ власти низы несутся бурнымъ потокомъ, котораго нашими безсильными щепочками уже не остановить. Я, не стѣсняясь, высказалъ Болдыреву, что, будь я на его мѣстѣ, я бы или пошелъ на проломъ, начавъ съ ареста армискома, или же вызвалъ къ себѣ большевистскій его президіумъ и, изложивъ свои обязанности, предъявилъ имъ, что они должны сдѣлать для сохраненія фронта.

Болдыреву мои слова страшно не понравились; ему несомнѣнно страшно хочется рѣшительнымъ броскомъ разрубить всѣ гордіевы узлы и вылетѣть сразу на очень большіе верхи въ качествѣ хозяина положенія. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ временами былъ очень близокъ къ правому берегу и даже вспоминалъ Бонапарта и церковь св. Роха. Онъ какъ то до сихъ поръ не сознаетъ всей серьезности происходящаго; онъ до сихъ поръ еще носится съ своимъ проектомъ оздоровленія арміи репрессивными мѣрами при помощи сохранившихся частей противъ бунтующихъ и неповинующихся. Но сейчасъ это невѣроятный абсурдъ, ибо ко власти уже подобрались большевики, а затѣмъ бунтующихъ тысячи, а сохранившихся ничтожныя единицы, да и послѣднія несогласны на экзекуціи, не желая подвергаться упрекамъ за мучительство своихъ же въ угоду начальству.

Я высказалъ Болдыреву, что со временъ Бонапарта и съ того дня, какъ карточка изувѣчила порталы церкви св. Роха прошли года такого размаха и такихъ послѣдствій, что старые способы и нормы отошли въ прошлое и теперь не примѣнимы. Время примѣненія къ распущеннымъ массамъ силы давно уже утеряно; гангрена расползлась не только по арміи, но и по всей странѣ, захватила жизненные глубины народнаго существованія и его больной души. Вѣдь, всѣ мы остро чувствуемъ, что столь заботящій насъ фронтъ держится еще только какимъ то чудомъ и что еще нѣсколько ядовитыхъ впрыскиваній и всѣ эти массы неудержимо хлынутъ на востокъ, сметая все на своемъ пути.

Въ моемъ корпусѣ сейчасъ положительно уже невозможно примѣненіе какой либо силы или принужденія; мы, благодаря безумнымъ распоряженіямъ нашихъ верховъ, все растеряли, а массы за это время сорганизовались (дико, своеобразно, но все же сорганизовались), почувствовали, что сила на ихъ сторонѣ, что грозное когда то начальство — безсильное чучело, и напрактиковались не только въ томъ, чтобы плевать на всѣ его распоряженія, но и рвать его въ клочья, разбивать ему головы и избавляться отъ него всякими мясницкими способами.

Вернувшись въ штабъ корпуса, засталъ тамъ новаго корпуснаго комиссара, назначеннаго большевистскимъ комитетомъ; этимъ комиссаромъ оказался предсѣдатель дивизионнаго комитета 180 дивизіи солдатъ Зайчукъ, именующій себя коммунистомъ-интернационалистомъ, а въ дѣйствительности представляющій изъ себя довольно безобиднаго пустобреха; я его не видѣлъ съ іюля, когда 180 дивизія вышла изъ моего корпуса, и за это время онъ перегорѣлъ, многому научился и сталъ понимать абсурдность многихъ лозунговъ, которымъ раньше вѣрилъ.

Я ему заявилъ, что не принимаю на себя никакихъ политическихъ обязанностей по жизни своего корпуса, но требую отъ него, какъ отъ комиссара, самой энергичной помощи по поддержанію въ корпусѣ боевого порядка, по несенію боевой службы и по устраненію изъ обихода частей всего того, что могло бы отразиться на исполненіи корпусомъ поставленной ему боевой задачи.

По телефону сообщили, что наши большевистскіе премьеры за свое усердіе получили назначенія: докторъ Склянскій въ революціонный петроградскій штабъ, а Позернъ главнымъ комиссаромъ въ Псковъ; всюду разосланъ приказъ объ арестѣ Керенскаго. Пришлось въ спѣшномъ порядкѣ спасти начальника 70 дивизіи; онъ своимъ сухимъ педантизмомъ настроилъ противъ себя всѣ части дивизіи, но пока она держалась, все обходилось; теперь, при галопирующемъ развалѣ, его положеніе сдѣлалось отчаяннымъ. Вчера въ совершенно обольшевиченномъ Переяславскомъ полку состоялся митингъ, на которомъ было рѣшено убить начальника дивизіи, заставивъ его предварительно выкопать себѣ могилу на высотѣ 72 (въ расположеніи полка); полкъ сегодня двинулся къ штабу дивизіи для исполненія этого постановленія, и только благодаря находчивости предсѣдателя дивизионнаго комитета удалось черезъ садъ увести Бѣлева, отправить въ Двинскъ и вывезти его оттуда на первомъ поѣздѣ.

На фронтѣ происходятъ невѣроятныя безобразія: Переяславцы, которые, на радостяхъ побѣды большевиковъ, согласились, было, смѣнить стоявшій на позиціи Ряжскій полкъ, ушли совсѣмъ съ своего участка и на смѣну не пошли; тогда Ряжцы бросили свой боевой участокъ и сами ушли въ резервъ; всю ночь цѣлый полковой участокъ занимался одной ротой Сурскаго полка и оставшимися офицерами, но безъ всякихъ средствъ связи, снятыхъ ушедшими съ позицій телефонистами. Вообще, при общемъ развалѣ Сурскій полкъ ведетъ себя отлично; много значить отличный подборъ ротныхъ и батальонныхъ командировъ, которые вездѣ и всегда подаютъ примѣръ добросовѣстности исполненія своихъ обязанностей. За то Переяславцы побиваютъ всѣ рекорды разложенія; предсѣдатель дивизионнаго комитета 70 дивизіи пытался вчера говорить съ этимъ полкомъ; пока онъ несъ имъ обычную митинговую вермишель, то его восторженно привѣтствовали («какъ будто бы имъ золото на грудки клали», по образному выраженію присутствовавшего на митингѣ члена корпуснаго комитета). Но какъ только ораторъ началъ говорить о томъ, что надо идти на смѣну полковъ 18 дивизіи и стать на защиту своего боевого участка, то его рѣчь была покрыта криками «долой» и матерщиной, а потомъ страсти такъ разгорѣлись, что оратора еле спасли отъ смерти.

Сейчасъ всѣ части во власти пришедшихъ изъ запасныхъ полковъ пополненій. Какъ будто нарочно, держали въ тылу орды самой отборной хулиганщины, распустили ихъ морально и служебно до послѣднихъ предѣловъ, научили ихъ не исполнять никакія приказанія, грабить, насиловать и убивать неугодное имъ начальство, а потомъ этой гнусной гнилью залили наши слабые кадры. Когда эти орды сдѣлались невыносимыми для тѣхъ городовъ, въ которыхъ онѣ стояли, то были посланы особыя партіи уговаривателей-ораторовъ, съ такими гастролерами какъ Лебедевъ, Чхендзе и др., дабы убѣдить запасные полки отправиться на фронтъ; нѣкоторые города заплатили огромныя деньги товарищамъ, за то, что тѣ согласились сѣсть въ вагоны и уѣхать.

Неужели Керенскій не понималъ, что онъ дѣлалъ, выбрасывая эти разнузданныя банды на фронтъ, гдѣ онѣ сдѣлались грозой для мирнаго населенія и гибелью для послѣднихъ остатковъ надежды возстановить на Руси законъ, порядокъ и государственность.

Все звѣриное, такъ роскошно взрощенное русской жизнью и ничѣмъ не сдерживаемое, вылѣзло наружу и рветъ на куски все чужое и все жирное и вкусное. Вѣдь уже и теперь кое-гдѣ превзойдены ужасы Журдана и Авиньонской бани; что же будетъ дальше, когда эти начинающіе гастролеры сдѣлаются настоящими мастерами въ дѣлѣ истребленія людей.

Невѣроятно тяжело и трагично сейчасъ положеніе начальниковъ и офицеровъ-мучениковъ, расплачивающихся за чужіе грѣхи и находящихся à la merci любой кучки хулигановъ; жизнь и честь этихъ страстотерпцевъ отданы на потокъ толпѣ.

Во всѣхъ частяхъ великое ликование по поводу сверженія Керенскаго (какъ недогловѣчна слава всѣхъ революціонныхъ кумировъ!) и перехода власти къ совѣтамъ. Но несмотря на всю большевистскую обработку, большинство солдатъ противъ того, чтобы власть была большевистская, а стоитъ только за то, чтобы власть была отдана Центральному исполнительному Комитету Совѣта С. и Р. Депутатовъ.

Появление во главѣ новаго правительства товарища Ленина ошарашило большинство инертныхъ солдатъ; эта фигура настолько одіозна своимъ германскимъ штемпелемъ, что даже большевистская агитація оказалась безсильной заставить съ ней помириться. Въ нашемъ корпусномъ комитетѣ лидеръ нашихъ большевиковъ ветеринарный фельдшеръ взволнованно заявилъ начальнику штаба: «да неужели-же Ленинъ? да развѣ это возможно? да что же тогда будетъ?» Истинное чувство пробилось въ этихъ словахъ черезъ корку разныхъ насвистанныхъ съ чужого голоса пустобреховъ.

Это назначеніе такъ повліяло на корпусный комитетъ, что онъ большинствомъ 12 противъ 9 уклонился отъ того, чтобы обсуждать резолюцію, сочувственную Петроградскимъ Совѣтамъ.

27 Октября. Идетъ полная каша и самый пестрый дивертисментъ изъ самыхъ разноцвѣтныхъ распоряженій; проволочный телеграфъ работаетъ безпартійно, передавая распоряженія обоимъ правительствамъ и ихъ органовъ; зато радіо въ рукахъ большевиковъ. Ночью получили телеграммы изъ Ставки, отъ юго-западнаго фронта и изъ 2 арміи, что большевики преступные авантюристы и что ихъ нельзя допускать къ власти. Всѣ взываютъ, негодуютъ, но силы нѣтъ ни у кого, а большевики пока что дѣйствуютъ; они разъяснили солдатамъ, что вышеуказанныя телеграммы это личные взгляды комиссаровъ прежняго правительства и, конечно, мнѣній и взглядовъ солдатъ не выражаютъ.

Получили изъ Ставки воззваніе правой части Цика Совѣта С. и Р. Депутатовъ и отъ исполнительныхъ комитетовъ партіи эсеровъ, меньшевиковъ, народныхъ социалистовъ и военной секціи. Всѣ эти голубчики прозѣвали власть, а теперь пытаются спасти положеніе резолюціями и воззваніями; да развѣ эти средства дѣйственны нынѣ для воздѣйствія на тѣ темныя и разнузданныя массы, которыя называются русской арміей.

День прошелъ въ общемъ спокойно; настроеніе въ частяхъ выжидательное, всѣ ждуть, какъ разовьются въ дальнѣйшемъ событія. Въ эти дни ясно видно, что, если бы не дряблость и никчемность правительства душки Керенскаго со всѣми его зигзагами, то, несмотря на всѣ исключительныя условія обстановки, можно было бы не допустить большевиковъ сдѣлаться повелителями арміи. Какъ ни заманчивы и хлестки большевистскіе лозунги, все же нужно было много ошибокъ и непоправимыхъ глупостей для того, чтобы такъ ухудшить положеніе и заставить забыть все то негодованіе и искреннее презрѣніе, которое еще лѣтомъ окружало имена пассажировъ запломбированныхъ вагоновъ, присланныхъ разлагать и добивать Россію.

Какая разительная перемѣна произошла въ настроеніи арміи за послѣдніе три мѣсяца; съ какимъ энтузіазмомъ отозвалась 5 армія на призывъ противъ большевиковъ въ началѣ іюля, а сейчасъ она оплотъ большевизма. У Керенскаго и Ко. не хватило мозговъ сообразить, какое огромное значеніе имѣетъ 5 армія по отношенію къ Петрограду и всему тамъ происходящему; у нихъ были когда то и время, и способы незамѣтно очистить 5 и 12 арміи отъ ненадежныхъ частей и подобрать сюда такой составъ, который обезпечилъ бы имъ непоколебимую и непререкаемую власть надъ Петроградомъ и надъ страной. Владѣя настоящей властью можно было спокойно осуществить всѣ дальнѣйшія реформы. Но для всего этого надо было быть людьми дѣла и сильнаго характера, большой дѣйственности, а не рабами фразы и жрецами митинговыхъ успѣховъ; надо было думать широко о будущемъ и трезво подсчитывать всѣ про и contra, а не изнемогать и задыхаться въ атмосферѣ политической борьбы, интригъ, компромиссовъ, торговли разными уступками и вѣчнаго болтыханья между необходимостью примѣненія власти и боязнью потерять свой демократическій авторитетъ и затронуть «пріобрѣтенія революціи». Съ такимъ здравомыслящимъ армейскимъ комитетомъ, какимъ былъ нашъ перваго состава, можно было сдѣлать очень и очень много.

Въ 70-й дивизіи очень неспокойно. Поручикъ Шлезингеръ и унтеръ-офицеръ Хованскій, много поработавшіе надъ разваломъ 277 полка, съ воцареніемъ большевиковъ потеряли сразу весь свой авторитетъ и престижъ и ночью были принуждены бѣжать изъ расположенія полка, спасая свою жизнь отъ неминуемой расправы; такова судьба всѣхъ подобныхъ демагоговъ, случайно выскакивающихъ во временные повелители толпы на подыгрываніи ея животнымъ интересамъ; недавній кумиръ полка Хованскій былъ спасенъ членами большевистскаго комитета въ то время, когда его, совершенно избитаго, тащили, чтобы утопить въ сосѣднемъ озерѣ.

Старый солдатъ Комяковъ, членъ нашего корпуснаго комитета, очень образно обрисовалъ наше положеніе слѣдующими словами: «совсѣмъ плохо Ваше Превосходительство; какіе не плохонькіе были на насъ обручики, но все же держались; а теперь всѣ послабили, такъ что и клепка рассыпалась и вода разбѣжалась; боюсь, что теперь и не собрать...»

На вчерашнемъ митингѣ 277 полка было сдѣлано предложеніе убить и меня; это желаніе новыхъ вожаковъ полка, которые очень боятся моего вліянія на оставшихся въ полку старыхъ солдатъ; но предложеніе не прошло, такъ какъ старики такъ окрысились, что авторы предложенія поспѣшили перейти на другія темы; главнымъ козыремъ моихъ защитниковъ была моя заботливость о солдатахъ и тѣ знаменитыя валенки и сухія шинели, которыя я подвезъ полку во время мартовскихъ боевъ 1916 года и избавилъ солдатъ отъ обмороживанія; этотъ фактъ уже нѣсколько разъ сокрушалъ всѣ попытки активнаго противъ меня выступленія.

Кто-то въ тылу призналъ нашу армію ненадежной (по отношенію къ кому, неизвѣстно), и благодаря этому остановлены всѣ идущіе къ намъ поѣзда съ довольствіемъ; это совсѣмъ скверно, ибо запасовъ у меня дней на десять, а у сосѣдей только на 4—5 дней; на этой почвѣ можетъ случиться много неприятнаго, такъ какъ при настоящемъ положеніи настроеніе массъ зависитъ очень много отъ того, дадутъ ли 1½ или 2 ф. хлѣба и въ какомъ размѣрѣ дадутъ сахаръ (послѣдній очень высоко котируется въ азартной игрѣ, скупается спекулянтами и вывозится на продажу въ голодающей по части сахара тыль).

Изъ пришедшихъ сегодня газетъ узнали, что нѣкоторыя арміи не послали своихъ представителей на съѣздъ всѣхъ совѣтовъ; всѣ войсковыя резолюціи послѣднихъ дней высказываются за передачу власти совѣтамъ, но считаютъ, что власть должна принадлежать всѣмъ совѣтамъ, а не однимъ только большевикамъ.

Штабъ арміи и штабъ фронта молчатъ какъ зарѣзанные. Только вечеромъ передали безъ комментариевъ и даже безъ передаточной подписи телеграмму изъ Гатчины отъ Керенскаго на имя всѣхъ частей Петроградскаго гарнизона о прибытіи его въ Гатчину съ вѣрными правительству войсками и о предложеніи немедленно отстраниться отъ кучки измѣнниковъ, захватившихъ въ свои руки власть. Этимъ языкомъ надо было говорить три мѣсяца тому назадъ, когда престижъ Керенскаго былъ такъ свѣжъ и силенъ; сейчасъ же имя его ненавистно для всѣхъ, и правыхъ, и лѣвыхъ, и партійныхъ, и беспартійныхъ. Мы безсильны чѣмъ либо ему помочь, ибо распоряженіемъ армискаго частямъ войскъ запрещено исполнять приказы начальниковъ, если бы таковыя попытались снимать съ фронта или изъ резервовъ какія либо части и отправлять ихъ по направленію къ Петрограду; зато въ наиболѣе обольшевиченныхъ частяхъ идутъ какія-то таинственныя приготовленія по сбору наиболѣе приверженныхъ большевику командъ и вытягиванію ихъ въ тылъ; очевидно, готовится какая-то экспедиція въ тылъ войскамъ Керенскаго. Какъ бы все было иначе, еслибы наша армія не была отдана на съѣденіе большевикамъ и ихъ пропагандѣ. Вѣдь, если бы сейчасъ можно было бы расправиться съ Петроградскимъ осинымъ гнѣздомъ и разъ навсегда его отдезинфекцировать, то это могло бы быть поворотной точкой для всего положенія Россіи. Для того, чтобы расправиться съ бандами петроградскаго гарнизона большихъ силъ было не надо; это шкурное стадо очень трусливо и, если бы оно увидѣло настоящую власть, то быстро бы стало лизать у нея руки такъ же усердно, какъ до сихъ поръ распинало.

По эсеровскому бюллетеню, выпущенному въ Двинскѣ, войска въ Петроградѣ перепились, идетъ грабежъ и рѣзня; по Владипостокскимъ воспоминаніямъ 1905 года хорошо представляю себѣ картину того, что происходитъ сейчасъ въ быломъ Петербургѣ.

Несомнѣнно, что тамъ идетъ еще какая-то борьба; совершенно неизвѣстно, какими силами располагаетъ Керенскій; скверно то, что борьба затянулась; такіе нарывы надо кончать сразу, ибо всякая затяжка не въ пользу власти, особенно теперь.

Ходятъ слухи, что Донъ поднялся противъ большевиковъ и во главѣ Донцовъ сталъ Калединъ; дай Богъ, чтобы это не оказалось уткой.

Нашъ новый армискомъ, уже торжествовавшій большевистскую побѣду, потерявъ связь съ Петроградомъ, какъ то растерялся, лебезитъ передъ эсерами и предлагаетъ имъ коалицію. Правительственные комиссары повылѣзли изъ щелей, подбодрились, пытаются организовать остальные социалистическія партіи, однимъ словомъ, начинаютъ кормить собакъ, когда давно пора ѣхать на охоту.

Рѣшеніе положенія теперь подъ Петроградомъ, — если Керенскому удастся разгромить тамошній большевистскій центръ, то и у насъ можетъ наступить просвѣтъ; но у меня нѣтъ надежды на успѣхъ Керенскаго: по его телеграммамъ видно, что онъ началъ вилать, взывать къ благоразумію и т. п.; такими жалкими средствами бунтовъ не заливаютъ.

28 Октября. Положеніе продолжаетъ оставаться неяснымъ, борьба за власть и за Петроградъ продолжается; извѣстно только, что Керенскій занялъ Гатчину, причѣмъ защищавшіе ее измайловцы и матросы сдались. Въ Лугѣ собрался какой то Комитетъ Спасенія, который объявилъ, что принимаетъ на себя всю власть надъ государствомъ впредь до созыва Учредительнаго Собранія.

Въ Петроградѣ же свое Правительство съ Лениномъ во главѣ и съ какими-то большевистскими ээіопами на роляхъ министровъ. Изъ Петрограда пришли всѣ газеты за исключеніемъ буржуазныхъ; изъ нихъ видно, что Петроградъ въ рукахъ большевиковъ, причѣмъ положеніе очевидно такъ скверно, что даже «Новая Жизнь», этотъ подлѣйшій и вредоноснѣйшій подголосокъ большевиковъ, вдругъ поправѣла и кричитъ «караулъ» отъ того режима, который завернули ея друзья.

Послѣ полдня наши радіостанціи перехватили радіо военнореволюціоннаго комитета Петроградскаго гарнизона, который проситъ помощи и нападенія съ тыла на Керенскаго, занимающаго Гатчину; тонъ радіо очень неувѣренный, но полученіе ся имѣло здѣсь очень серьезныя послѣдствія; большевики подбодрились и армискомъ принялъ сразу твердый тонъ.

Вечеромъ получили первую за четыре дня телеграмму изъ Пскова отъ Главнокомандующаго Черемисова, что политика арміи не касается.

Новое правительство товарища Ленина разразилось декретомъ о немедленномъ мирѣ; въ другой обстановкѣ надъ этимъ можно было бы только смѣяться, но сейчасъ это гениальный ходъ для привлеченія солдатскихъ массъ на свою сторону; я видѣлъ это по настроенію въ нѣсколькихъ полкахъ, которые сегодня объѣхалъ; телеграмма Ленина о немедленномъ перемиріи на 3 мѣсяца, а затѣмъ мирѣ, произвела всюду колоссальное впечатлѣніе и вызвала бурную радость. Теперь у насъ выбиты послѣдніе шансы на спасеніе фронта. Если бы Керенскій лучше зналъ русскій народъ, то онъ обязанъ былъ пойти на что угодно, но только во время вырвать изъ рукъ большевиковъ этотъ рѣшительный козырь въ смертельной борьбѣ за Россію; тутъ было позволительно, сговорившись предварительно съ союзниками, начать тянуть какую нибудь туманную и вихлястую канитель мирнаго свойства, а за это время провести самыя рѣшительныя реформы и прежде всего съ довѣріемъ опереться на командный составъ арміи.

Теперь, когда большевики швырнули въ солдатскія массы эту давно желанную для нихъ подачку, то у насъ нѣтъ уже никакихъ средствъ для борьбы съ тѣми, кто далъ ее массамъ. Что мы можемъ противопоставить громовому эффекту этого объявленія? Напоминанія о долгѣ передъ родиной, о необходимости продолжать войну и выполнить свои обязательства передъ союзниками . . . Да развѣ эти понятія дѣйственны хоть сколько-нибудь для современнаго состава нашей арміи; нужно быть безнадежно глухимъ и слѣпымъ, чтобы въ это вѣрить. Сейчасъ это не только пустыя, но и ненавистныя для массъ слова.

Въ газетахъ сообщаютъ, что союзные послы уложились и заявили, что, если у власти останется это босяцкое правительство, то они покидаютъ Петроградъ. Поздно вато го-

спода дипломаты разобрались въ томъ, что дѣлается въ Россіи, и весь отвѣтъ за то, что теперь будетъ, долженъ пасть на ихъ очень неумныя, слѣпыя и легкомысленныя головы; ихъ близорукости и безопасности обязаны будутъ страны, довѣрившія имъ блюсти свои интересы, за все то, что принесетъ Россіи и міру воцареніе у насъ большевизма *made in Germany*; эти господа, окруженные сотнями разныхъ представителей, обязаны были знать Россію, знать состояніе арміи и страны, и заранѣе принять мѣры, чтобы не приходилось такъ спѣшно укладывать свои чемоданы.

Керенскій, повидимому, выдохся. Вся надежда теперь на то, что образовавшійся центральный исполнительный комитетъ сумѣетъ взять всю власть въ свои руки и уничтожить и большевиковъ, и Керенскаго; только это и сможетъ предотвратить начало той всеобщей и кровавой свалки, въ которой неминуемо погибнетъ россійская государственность.

Что такое верхи большевизма, говоритъ ясно ихъ наемное нѣмецкое происхожденіе; ну, а что ихъ подслаиваетъ, мы хорошо знаемъ по такимъ типамъ, какъ Скъянскій, Сьдякинъ, какъ руководитель 120 дивизіи Федотовъ, главарь бѣлевскаго полка Петровъ и другіе.

Послѣ обѣда посыпались разныя телеграммы отъ всевозможныхъ союзовъ, которые довольно рѣшительно отмежевываются отъ большевиковъ; какъ бы было хорошо, если бы все это говорилось раньше, а главное, подтверждалось бы соответствующими дѣйствіями, а не было бы сотрясеніемъ воздуха. Желѣзнодорожники и почтово-телеграфные чиновники заявили, что, если большевики не остановятъ начатое ими возстаніе, то будетъ прекращена всякая связь съ Петроградомъ. А большевики на все это плюютъ и отвѣчаютъ декретомъ о мирѣ, который дѣйствиѣе всѣхъ заявленій.

Большевики самымъ энергичнымъ образомъ используютъ бѣгство Корнилова и выступленіе Каледина, расписывая товарищамъ, какія страшныя опасности таитъ для нихъ вся эта комбинація, грозящая все вернуть въ старое русло и вновь начать кровавую войну; по сообщеніямъ командировъ частей всѣ разговоры солдатъ вертятся около мира и около выступленія Каледина и Корнилова.

Армискомъ засѣдаетъ весь день и кряхтитъ надъ исполненіемъ приказа Петрограда выслать ему на помощь надежныя въ большевистскомъ смыслѣ части 5 арміи; неопредѣленность положенія сдерживаетъ даже большевистскій президіумъ армискома, и вопросъ трактуется только съ точки зрѣнія посылки къ Петрограду нейтральнаго отряда, который только прекратилъ бы происходящую тамъ борьбу.

Предложенія на эту командировку сыпятся со всего фронта; одна изъ самыхъ паршивыхъ и трусливыхъ дивизій, 183-я, заявила о своемъ желаніи въ полномъ составѣ идти въ Петроградъ.

Вечеромъ вернулись посланные мной въ Петроградъ развѣдчики и заявили, что особыхъ безпорядковъ тамъ нѣтъ, и что вся борьба между Керенскимъ и большевиками идетъ въ районѣ Гатчины.

29 Октября. Армискомъ довольно хитро выскочилъ изъ двусмысленнаго положенія, рѣшивъ войскъ на помощь петроградскимъ большевикамъ не посылать, ибо «послать много не позволяетъ безопасность фронта, а посылать мало не стоитъ». Все это показываетъ, что вожаки нашихъ большевиковъ очень трусливы и боятся выявить свое настоящее нутро. Телеграфъ и радіо продолжаютъ засыпать насъ самыми разнорѣчивыми свѣдѣніями, и сообразно ихъ характеру мѣняется настроеніе писарей и телефонистовъ; если ночью, подавая мнѣ срочную телеграмму, дежурный писарь тянется и называетъ меня Ваше Превосходительство, то я уже знаю, что въ телеграммѣ сообщается объ успѣхахъ Керенскаго; если же дежурный развязно кличетъ меня господинъ генераль, то, значить, произошло что-то пріятное для большевиковъ.

Колебательное настроеніе частей сдѣлалось рѣзко большевистскимъ только вчера послѣ обѣда; до этого положеніе было пестрое и большевизмъ вспыхивалъ какъ бы пароксизмами.

Доходящія до насъ обрывочныя свѣдѣнія подтверждаютъ только, что Верховный главноуправляющій по обыкновенію мямлитъ и фиглярничаетъ.

Напряженно хочется, чтобы на нашем горизонтѣ появилась какая-нибудь гигантская рука, которая забрала бы всѣхъ этихъ Керенскихъ, Родзянокъ, Скобелевыхъ, Лениныхъ, Троцкихъ, Черновыхъ, Гоц-либер-дановъ и всякихъ иныхъ вѣнчаныхъ и развѣнчаныхъ авторитетовъ и краснобайныхъ пустобреховъ и вышвырнула бы ихъ изъ обихода русской дѣйствительности; по ихъ дѣловой пустопорожности они абсолютно никому не нужны, а по всей своей кислотной дрянности они вызываютъ острия воспаления всюду, гдѣ только виѣдряются и поэтому чрезвычайно вредны для русскаго здоровья.

Послѣ обѣда получено радіо, что Петроградъ уже окружается войсками Керенскаго и что ими заняты окрестности Царскаго села; далѣе пришла телеграмма отъ образовавшагося въ Псковѣ Комитета Спасенія Родины и Революціи (довольно сложное и сумбурное названіе), составившагося изъ союза организацій сѣверозападной области, Совѣта С. и Р. Депутатовъ города Пскова и армейскаго комитета 12 арміи.

Повсюду комитеты, отовсюду телеграммы и воззванія и ни откуда извѣстій о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, о направленіи силъ и т. п.

30 Октября. Образовавшійся въ Двинскѣ большевистскій военнореволюціонный комитетъ рѣшилъ отправить на помощь своимъ петроградскимъ товарищамъ шестнадцать тысячъ войскъ.

Послѣ принятія этого рѣшенія изъ комитета вышли вошедшіе туда сначала эсеры и меньшевики — довольно бесполезный жестъ умыванія рукъ при невозможности предотвратить происходящее.

Послѣ обѣда получили первую за пять дней телеграмму выскочившаго откуда-то на свѣтъ Божій правительственнаго комиссара 5 арміи (прежняго правительства), что Петроградъ взятъ войсками Керенскаго.

Въ корпусѣ настроеніе самое гнусное и развальное; то же и у сосѣдей въ 27 и 45 корпусахъ. На засѣданіи нашего корпуснаго комитета представители всѣхъ частей заявили прямо, что солдаты хотятъ только немедленнаго мира и ухода домой, хотя бы цѣной покоренія сразу тремъ Вильгельмамъ (заявленіе представителей 120 дивизіи); представители войсковыхъ комитетовъ заявили, что ихъ положеніе стало отчаяннымъ, на нихъ плюютъ, ихъ ругаютъ и грозятъ расправиться самосудомъ.

Разболѣлся до того, что нужны огромныя усилія, чтобы заставить себя встать; два раза свалился въ полубезсознательномъ состояніи; головной рубецъ болитъ нестерпимо, временами рычу отъ боли. Нѣсколько взвнчиваюсь при ежедневномъ объѣздѣ частей, но зато потомъ наступаетъ ужасная по своему настроенію реакція. При возвращеніи изъ 120 дивизіи подвергся обстрѣлу изъ лѣса изъ двухъ винтовокъ — очевидно, стараются присланные въ Боровку для моего истребленія товарищи.

31 Октября. Осмѣлѣвшій правительственный комиссаръ обрадовалъ насъ сообщеніемъ, что уже весь Петроградъ занятъ правительственными войсками, а бунтовщики укрылись въ Петропавловской крѣпости и въ Смольномъ; Ленину удалось, однако, бѣжать. Корпусный комиссаръ увѣряетъ, что все это неправда и что по ихъ свѣдѣніямъ наоборотъ — Керенскій потерпѣлъ неудачу.

Нашъ военно-революціонный комитетъ не смогъ исполнить своего намѣренія послать войска на помощь петроградскимъ товарищамъ, такъ какъ мѣстные желѣзнодорожники, находящіеся подъ вліяніемъ эсеровъ, заявили, что на Петроградъ они никого не повезутъ, ни для помощи большевикамъ, ни противъ нихъ.

Въ полдень нашимъ телефонистамъ передали изъ Двинска, что утреннія сообщенія о взятіи Керенскимъ Петрограда оказались ложными.

Старшіе штабы и комиссары какъ-будто бы куда-то провалились; бурно бившіе фонтаны приказовъ и нелѣпыхъ распоряженій какъ-то сразу изсякли; офицеры штаба и штабныя машинки отдыхаютъ, ибо вся работа ограничивается срочными донесеніями, очень краткими, такъ какъ на фронтѣ мертвое затишье; о политическихъ же скандалахъ доносятъ комиссары и комитеты.

Вообще, по части старшаго управленія и ориентировки сверху сейчасъ налицо такая же потеря связи и такая же неразбериха, какія бывали во времена катастрофическихъ отступленій въ 1914 и 1915 годахъ.

Я нѣсколько разъ телеграфировалъ командующему арміей и армейскому комиссару просьбу установить выпускъ срочныхъ бюллетеней съ правильной и правдивой ориентировкой, о чемъ умоляютъ командиры частей и просятъ войсковые комитеты, но не удостоился даже отвѣта; все растерялись, не знаютъ, что будетъ и что дѣлать, и поэтому имъ не до низовъ.

Какъ на грѣхъ, все радіо въ большевистскихъ рукахъ, работаютъ все 24 часа и перехватываютъ все радіограммы: правительственныя, большевистскія, нѣмецкія, сосѣднія армейскія и безъ всякой системы и повѣрки, не указывая иногда и источниковъ получения, разбрасываютъ ихъ по всемъ частямъ, вызывая этимъ невѣроятный сумбуръ въ и безъ того распухнувшихъ и взбудораженныхъ солдатскихъ головахъ.

Послѣ обѣда пришло радіо какого-то полковника Муравьева, именующаго себя Главнокомандующимъ, съ объявленіемъ, что «войска Керенскаго и Корнилова на голову разбиты подъ Царскимъ Селомъ, а потому все призываются на помощь новому Главнокомандующему для истребленія остатковъ авантюры Керенскаго».

Къ вечеру во все части стали передавать какія-то распоряженія армискома съ приказаніемъ держать ихъ въ секретѣ отъ строевого начальства. Днемъ исчезла куда-то команда развѣдчиковъ 278 полка при двухъ пулеметахъ; изъ полка по секрету сообщили, что она уѣхала куда-то на присланныхъ изъ армискома автомобиляхъ.

Въ 120 дивизіи идетъ формированіе какого-то отряда для отправки на помощь Петрограду. Если Керенскій не разбитъ (въ телеграмму какого-то мифическаго Муравьева, разбивающаго Корнилова, котораго не можетъ быть подъ Петроградомъ, мы все не особенно вѣримъ), то отрядъ 120 дивизіи ему не опасенъ, онъ гораздо страшнѣе для жителей тѣхъ районовъ, по которымъ будетъ проходить.

Части войскъ разваливаются съ возрастающей быстротой; надежда на скорый миръ съѣла послѣдній удержъ. 17-я дивизія 19 корпуса заявила, что стоитъ на позиціи только два дня, а затѣмъ уходитъ въ тылъ; кавалерія тоже трещитъ по всемъ швамъ. Большіе комиссары куда-то исчезли; многоглаголивый въ прежнее время командармъ безмолвствуетъ, да и что ему теперь говорить!

Комитетъ Ставки сообщаетъ, что извѣстіе о бѣгствѣ Корнилова не вѣрно, и что все Быховскіе заключенные находятся на своихъ мѣстахъ; очевидно, что слухъ о бѣгствѣ Корнилова былъ пущенъ большевиками нарочно, чтобы поглубже дискредитировать революціонный престижъ Керенскаго и напугать товарищей появленіемъ грознаго для нихъ призрака Корнилова и всехъ связанныхъ съ его именемъ скорпионовъ.

1 Ноября. Получили первую официальную сводку Петроградскихъ событій 28 и 29 октября. Съ ужасомъ и негодованіемъ прочелъ подтвержденіе ранѣе циркулировавшихъ слуховъ о разграбленіи Зимняго Дворца. Проклятый адвокатишка и его жалкіе министришки, когда стало жутко, залѣзли подъ прикрытіе того трона, который такъ усердно помогали валить. Вѣдь если бы Керенскій не зазнался до того, чтобы залѣзть въ апартаменты Зимняго Дворца, то Дворецъ, конечно, остался бы нетронутымъ. Но, что было вчера и позавчера, до сихъ поръ неизвѣстно. Наши большевики или, какъ я ихъ называю, нѣмцевики хвастаются, что дни 30-го и 31-го были для нихъ очень благоприятны, и они уже покончили съ Керенскимъ.

Весьма неприятно извѣстіе, полученное отъ 12 арміи, о томъ, что латышскія части ушли по направленію къ Петрограду; эти части всецѣмъ обольшевичены, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо организованы и снабжены, внутри по своему дисциплинированы, не стѣсняются съ нашими товарищами и могутъ дать Петроградскимъ большевикамъ серьезную помощь; вѣдь Россія для нихъ врагъ и въ ея горѣ они видятъ свое спасеніе.

Въ 70-й дивизіи цѣлый рядъ происшествій, какъ будто бы она пытается догнать остальные части по числу произведенныхъ безобразій; 279 полкъ, попавшій въ послѣднее время въ руки группы молодыхъ хулигановъ-большевиковъ, отказался занимать боевой участокъ; 277 полкъ совершенно взбунтовался и заявилъ, что будетъ стоять только въ Двинскѣ и, если понадобится, то силой займетъ необходимыя для него помѣщенія; батальонъ 278 полка получилъ какое-то секретное распоряженіе восно-революціоннаго штаба и самовольно ушелъ въ Рѣжину.

Пришелъ къ заключенію, что пора кончать комедію изображенія изъ себя начальника и корпуснаго командира; позорно считаться начальникомъ, а въ дѣйствительности быть поваленнымъ огороднымъ чучеломъ, котораго никто не боится, а скоро всѣ начнутъ пинать. Если ближайшіе дни не дадутъ какихъ либо положительныхъ результатовъ по части улучшенія, то я сложу съ себя обязанности, выполнять которыя я не въ состояніи. Пока еще теплится кое-какая надежда, буду нести эту муку, но если надежда погаснетъ, сейчасъ же уйду.

Приходили депутаты отъ батальона смерти 120-й дивизіи; ихъ никто не хочетъ смѣнить на занимаемомъ ими уже больше мѣсяца боевомъ участкѣ, они выбились изъ силъ; больные не уходятъ въ госпитали, а остаются на участкѣ, чтобы помогать здоровымъ нести дневную службу и давать имъ отдыхъ для болѣе напряженной ночной службы. Участка они ни за что не бросятъ и готовы на немъ умереть, но просятъ помощи у меня, какъ у старшаго представителя командной власти. Рѣдко приходилось чувствовать себя такъ гнусно, какъ чувствовалъ себя я, слушая это заявленіе представителей послѣднихъ остатковъ умирающей русской арміи, пришедшихъ ко мнѣ за помощью. Я, тотъ, къ которому они пришли, долженъ былъ нанести послѣдній ударъ остаткамъ ихъ вѣры, и заявить, что я уже не начальникъ, а беспильное чучело, и все что я могу для нихъ сдѣлать, это еще разъ начать распластываться передъ товарищами и пытаться ихъ уговорить.

Братанье съ нѣмцами идетъ во всю; на фронтѣ 19 корпуса исчезли всякіе признаки войны и началась оживленная мѣновая торговля; дивизионный комиссаръ 120 дивизіи разсказалъ, что сегодня утромъ по всему фронту дивизіи разбросаны нѣмцами письма-прокламаціи, въ которыхъ уговариваютъ нашихъ товарищей отказаться отъ всякой смѣны и потребовать, чтобы въ окопы была поставлена 15 кавалерійская дивизія. Нѣмцы очевидно очень хорошо освѣдомлены и въ нашихъ настроеніяхъ и въ нашей дислокаціи; требованіе касающееся 15 кав. дивизіи очень ярко подтверждаетъ тѣсную связь нѣмецкаго командованія и нашихъ большевиковъ, такъ какъ послѣднимъ надо посадкой въ окопы сдѣлать для себя безопасной послѣднюю еще сохранившую порядокъ воинскую часть.

Вообще смѣна частей на боевыхъ участкахъ стала какимъ-то кошмаромъ для насъ, строевыхъ начальниковъ, продолжающихъ отвѣчать передъ своей совѣстью за безопасность фронта. Смѣняться и идти въ резервъ хотятъ всѣ, а идти на боевые участки — никто не хочетъ и нахально объ этомъ заявляетъ.

Пускаются въ ходъ разные комиссары и особые уговариватели; получается что-то невѣроятно нелѣпое и, казалось, абсолютно невозможное въ обиходѣ того, что по какому-то недоразумѣнію продолжаетъ называться арміей.

За весь день не получили ни одной телеграммы и ни одного радіо; очевидно, что въ Петроградѣ и въ тылу идетъ такая завируха, что всѣмъ не до посылки телеграммъ.

Судя по послѣднимъ газетамъ, демократическія организаціи, какъ собравшіяся въ Псковѣ, такъ и оставшіяся въ Петроградѣ, вступили съ большевиками въ какіе-то компромиссные переговоры. Это очень плохо, такъ какъ показываетъ, что силой съ большевиками не справились; а разъ это такъ, то все поведеніе большевиковъ показываетъ, что, чувствуя свою силу, они ни на какіе компромиссы не пойдутъ.

Въ Москвѣ идетъ кровопролитная рѣзня; особенно пострадало Алексѣевское военное училище и кадетскіе корпуса; злодѣи не пощадили несчастныхъ офицерскихъ дѣтей, у одной половины которыхъ отцы уже легли за родину, а у другой — отцы и братья несутъ смертныя муки, изображая начальство и офицеровъ въ прогнившей и засмердѣвшей ордѣ, носившей въ былыя времена доблестное имя русской арміи.

Когда подбираешь всѣ послѣднія свѣдѣнія, то грезится, что на насъ надвигается настоящая черная Пугачевщина, усугубленная всѣмъ ядомъ хулиганщины 20 вѣка, а когда къ ней присоединится неизбѣжный при общемъ развалѣ голодъ, то на Руси получится ужасъ, котораго, вѣроятно, еще не вѣдала старушка-земля, ибо все ранѣе бывшее не было сдобрено такъ обильно усовершенствованными ядами и вытяжками современной цивилизаціи, придающими особую гнусность и свирѣпость всякому насилию, нынѣ чинимому.

Дикари, грубые язычники, гунны и средневековые ландскнехты, сподвижники Пугачева и Стеньки Разина, кровожадные садисты разных временъ должны найти себѣ достойныхъ и далеко превосходящихъ ихъ послѣдователей въ лицѣ тѣхъ хулиганскихъ ордъ, что нависли надъ Россіей.

Въ Двинскѣ назрѣваетъ острый конфликтъ между большевистскимъ армискомомъ и командующимъ арміей. Армискомъ со вчерашняго дня рѣзко поднялъ свой тонъ и занялъ положеніе хозяина. Болдыревъ заявилъ рядъ протестовъ противъ распоряженій армискома, начавшаго отдавать приказы частямъ непосредственно и направившаго нѣкоторыя войсковыя части къ сторонѣ Петрограда.

Не понимаю, для чего эти протесты; это что-то въ родѣ особаго мнѣнія подсудимаго на вынесенный ему смертный приговоръ. Я считаю, что всѣ мы должны заявить требованіе, чтобы насъ убрали, а распоряженіе войсками въ ихъ современномъ состояніи отдали тѣмъ, кто считаетъ себя достаточно сильнымъ и компетентнымъ, чтобы быть начальниками этихъ распущенныхъ ордъ.

Вечеромъ начальникъ 70-й донесъ, что 277 полкъ окончательнo рѣшилъ завтра двинуться на Двинскъ и силой оружія добыть себѣ тамъ квартиры; на всѣ уговоры и приказы армискома и большевистскаго армейскаго комиссара товарища Собакина рѣшено наплевать.

Сообщилъ это гнусное извѣстіе начальнику штаба арміи съ унижительной добавкой, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ средствъ и способовъ воспрепятствовать этому гнусному рѣшенію, въ концѣ добавилъ, что еще разъ считаю себя обязаннымъ заявить, что при такой обстановкѣ наше пребываніе на занимаемыхъ должностяхъ является позорной и унижительной комедіей.

2 Ноября. Ночью и утромъ никакихъ извѣстій; проскочило только радіо петроградскаго Главкома Муравьева, что онъ занялъ Гатчину и что казаки Керенскаго отступаютъ и мародерничаютъ.

Въ 10¹/₂ часовъ утра получилъ донесеніе, что 277 полкъ въ боевомъ порядкѣ двинулся въ сторону Двинска и что ему на встрѣчу выѣхалъ для уговоровъ армейскій комиссаръ.

Въ 12 часовъ дня получена телеграмма, что Керенскій окончательнo разбитъ и бѣжалъ, а его казаки перешли на сторону Совѣтовъ (подъ этимъ псевдонимомъ преподносится пока власть большевиковъ).

Въ Штармѣ думаютъ, что эта телеграмма провокаціонная и сфабрикована большевиками, но я иного мнѣнія; Керенскій долженъ былъ побѣдить немедленно же въ первые дни возстанія, ибо всякая задержка была не въ его пользу; очевидно, онъ сорвался, прибавивъ лишній номеръ къ числу быстролетныхъ падучихъ звѣздъ революціонныхъ временъ.

Прежнимъ губернаторамъ слѣдовало бы прочитывать ежедневно по одной главѣ изъ «исторіи одного города», а нашимъ революціоннымъ заправиламъ слѣдовало бы почаще вспоминать судьбу Дантона и Робеспьера.

Сейчасъ даже для большевиковъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ они будутъ управляться съ тѣмъ чудовищемъ, которое представляетъ армія. Вѣдь очевидно, что продолжать войну мы все равно не можемъ; чѣмъ дольше мы будемъ держать эти милліоны въ атмосферѣ митинговъ, ничегонедѣланія, дерзости и пропитыванія сознаниемъ собственной силы и безсилія власти, тѣмъ безнадежнѣе и грознѣе будетъ будущее. И не дай Богъ, если подъ напоромъ внутренняго разложенія лопнутъ послѣдніе обручи и эти орды шарахнутся стихійно по домамъ. Горе тогда прифронтной полосѣ и желѣзнымъ дорогамъ, ибо имъ на себѣ придется испытать, на что способны товарищи, набившіе руки въ Тарнополь, Калушѣ и другихъ районахъ стихійнаго бѣгства-погрома.

Хоть бы теперь начали отпускать домой наиболѣе шкурные и тянущіе домой контингенты. Довольствіе войскъ становится все труднѣе; желѣзнодорожное движеніе идетъ черезъ пень въ колоду; возможность реквизицій и принудительныхъ поставокъ отошла въ область Царскаго прошлаго; сейчасъ бываютъ дни, когда хлѣба и муки, да и то по уменьшеннымъ дачамъ, остается на 2—3 дня и приходится прибѣгать къ самымъ экстраординарнымъ мѣрамъ, до покупки зерна у населенія по самымъ невѣроятнымъ

цѣнамъ; нельзя допустить, чтобы шкурные и политическіе беспорядки обратились въ годные бунты.

Интересно будетъ дожить до того, когда исторія разберется въ событіяхъ послѣднихъ дней и выяснитъ, кто виноватъ въ томъ, что насъ слопали безъ остатка товарищи большевики, еще такъ недавно *quantité négligeable*. Неужели же не было много, менѣе чреватаго своими послѣдствіями исхода?

Вѣдь и большевики не могутъ стать дѣйственной и реальной властью; они могутъ держаться только посулами мира и разныхъ жирныхъ подачекъ; но вѣдь посуламъ придетъ конецъ.

Что будетъ со страной съ 180 милліонами населенія, безъ власти и въ томъ состояніи полного государственнаго и военнаго разложенія, остановить которое уже никто не въ силахъ. Надъ всѣмъ этимъ виситъ развалившаяся совершенно 12 милліонная армія безъ начальниковъ и безъ дисциплины, не слушающая ничьихъ приказаній, не желающая воевать и обуреваемая однимъ только стремленіемъ, поскорѣй уйдти домой.

3 Ноября. Утромъ вызвали въ Двинскъ на совѣщаніе старшихъ начальниковъ; все, что намъ осталось, это совѣщаться, болтать и развѣзжаться, убѣдившись еще разъ въ полной нашей импотентности. Болдыревъ настроенъ рѣшительно, требовалъ отъ насъ сопротивленія всякимъ уступкамъ и сохраненія нашихъ правъ. Не понимаю, къ чему всѣ эти сотрясенія воздуха; вѣдь, господинъ Болдыревъ знаетъ отлично, что самъ онъ ни одного распоряженія отдать не можетъ, и что его согласія на уступки давно уже никто не спрашиваетъ; онъ знаетъ точно также, что отъ его и нашихъ правъ остались только жалкія отрепья. Если онъ хочетъ продолжать рядиться въ эти отрепья, то ему это еще возможно, такъ какъ онъ во время вывелъ изъ Двинска всѣ ненадежныя части и сосредоточилъ туда ударниковъ и болѣе сохранившіяся конныя части.

Но и имъ онъ уже безсиленъ что либо приказать, ибо и эти части заявили, что выступать активно и умирять онѣ не будутъ. Ну, а что будемъ дѣлать мы среди своихъ давно вышедшихъ изъ всякаго повиновенія частей? Заявлять протесты, но кому и для чего; развѣ протесты способны хоть на іоту помочь дѣлу. Вѣдь только очень скорбные главой или же зашибленные мамкой идеалисты могутъ вѣрить въ то, что существуютъ какіе-то «революціонные» порядки, «революціонная» дисциплина; все это существуетъ, да и то очень относительно, въ подпольный періодъ революціи, а когда она побѣдила, то всему этому наступаетъ конецъ — всякому хочется вознаградить себя за долгое воздержаніе и посуществовать и виѣ порядка, и виѣ дисциплины.

Лично я настроенъ чрезвычайно пессимистически и впереди кромѣ мрака, освѣщеннаго заревомъ великихъ пожаровъ и оглашаемаго воплями великихъ убійствъ, ничего не вижу и не слышу. Сознаю, что это не 1906 годъ (какъ думаютъ многіе) и что уже нѣтъ возврата послѣ того смертельнаго прыжка въ бездну революціи, которую больная Россія сдѣлала восемь мѣсяцевъ тому назадъ.

Тѣ судорожныя усилія, которыя дѣлаемъ и мы, носители старыхъ идеаловъ, и тѣ революціонные гастролеры-правители, которыхъ судьба заставила понять, что разрушать это одно, а охранять и создавать другое, — все это мгновенныя задержки, безсильныя остановить происшедшій обвалъ.

Съ точки зрѣнія сегодняшняго дня еще можно тѣшить себя какими-то иллюзіями, какъто дѣлаетъ нашъ командармъ; но если смотрѣть на все то, что происходитъ сейчасъ и въ арміяхъ, и во всей странѣ, то это суть первыя буквы великой и ужасной главы новой исторіи человѣческаго рода.

На розовыя и геройскія рѣчи Болдырева три командира корпуса (14, 27 и 45) еще разъ доложили ему обстановку въ ихъ частяхъ и современное положеніе начальниковъ. Вѣдь сейчасъ въ арміи нѣтъ никакой уже власти; вчера наибольшевистскій армейскій комиссаръ товарищъ Собакинъ отправился уговаривать товарищей Переяславцевъ . . . и только развѣдчики спасли его отъ утопленія въ Двинѣ, куда его потащили уговариваемые. И послѣ этого бунтующій полкъ пришелъ и расположился въ Двинскѣ, бросивъ боевой участокъ и наплевавъ на всѣ приказы самыхъ наиреволюціонныхъ лицъ и учреждений.

Товарищи заявили, что воевать не хотятъ и не будутъ, они желаютъ мира, все равно на какихъ условіяхъ, и желаютъ идти домой дѣлать землю, фабрики и наслаждаться завоеваніями революціи. «На кой чортъ эта революція, если тутъ убьютъ и ничѣмъ отъ нея не поживишься», сказалъ вчера на корпусномъ совѣщаніи депутатъ отъ 479 полка, и въ этихъ словахъ, одобрительно принятыхъ двумя сотнями присутствовавшихъ, сказалась вся идеологія солдатскихъ массъ.

Сейчасъ массы относительно спокойны, такъ какъ имъ обѣщанъ миръ и война *de facto* уже прекратилась; добрая половина даже перестала теперь торопиться домой, такъ какъ тамъ и голодно, и холодно, и сахара нѣтъ, и жалованья не даютъ, да и работать придется. Сейчасъ всѣ заботы солдатъ о продовольствіи, и въ этомъ отношеніи нашъ строевой авторитетъ стоитъ сейчасъ выше комиссарскаго, ибо солдаты понимаютъ, что тутъ нужны спеціальныя знанія и споровки, которыя есть только у насъ; но все же настроеніе островраждебное и какъ бы выжидательное; съ разныхъ частей фронта идутъ свѣдѣнія о происшедшихъ убійствахъ начальниковъ. Пропаганда усиленно копаются въ прошлой дѣятельности начальствующихъ лицъ, стараясь подкопаться подъ авторитетъ тѣхъ, кто еще сохранилъ какое-нибудь вліяніе.

Сегодня ночью едва успѣли спасти отъ солдатской расправы командующаго 180 дивизіи генерала Бурневича (заботливый и влюбленный въ солдата начальникъ, безстрашно храбрый, но не способный на уступки); штабные шоферы отказались его везти, и ему пришлось спасаться верхомъ; едва избѣгъ такой же участи и командующій 183 дивизіей генералъ Литотъ Литоцкій; очевидно, что это только первые цвѣточки.

Въ общемъ, на совѣщаніи узнали еще разъ то же самое, что было извѣстно уже давно, а именно, что арміи уже нѣтъ, и что мы сами какое то недоразумѣніе. Разъѣхались такъ, какъ расходятся къ шлюпкамъ въ моментъ крушенія корабля.

Полученныя изъ Петрограда и Москвы газеты рисуютъ картину всеобщей рѣзни, начавшейся во многихъ мѣстахъ Россіи; индѣ рѣжутъ большевиковъ, индѣ большевики истребляютъ всѣхъ инакомыслящихъ. Общее вездѣ только то, что остановить рѣзню и водворить порядокъ некому. Въ Москвѣ по городу и Кремлю работаетъ большевистская тяжелая артиллерія и пущены въ ходъ даже восьмидюймовки. Въ Петроградѣ разгромлены всѣ военныя училища; говорятъ, что въ Владимірскомъ училищѣ уцѣлѣло только четыре юнкера.

У насъ въ арміи хлѣба и сухарей на четыре дня, а затѣмъ никакого подвоза не предвидится; армія и интендантство заявили, что они безсильны что-либо сдѣлать. Приказалъ корпусному интенданту вызвать къ себѣ представителей мѣстнаго еврейства и предсѣдателей волостныхъ управъ, рассказать имъ, что можетъ угрожать мѣстному населенію, если въ войскахъ вспыхнетъ голодный бунтъ, и предложить имъ продать намъ по любой цѣнѣ тѣ скрытые запасы зерна, муки и картофеля, которые несомнѣнно имѣются у населенія. Кое какъ наскребли муки на 2 дня, но дальше выяснилось полное безсиліе управъ что либо приказать, и тупое непониманіе населеніемъ своихъ же собственныхъ интересовъ.

Приказалъ на всякій случай скупать консервы, рыбу, галеты и даже конфѣкты (на замѣну сахара).

Въ сосѣдней 4 особой дивизіи товарищи организовали массовое братанье съ нѣмцами; мои батареи 70-й бригады открыли по братающимся огонь, за что товарищи сильно избили артиллерійскихъ наблюдателей (на батареи не сунулись, ибо тамъ по 2 пулемета на батарею).

4 Ноября. Временно тихо; ночь и утро прошли безъ особыхъ происшествій; удалось даже уговорить 479 полкъ смѣнить на боевомъ участкѣ 478 полкъ; новые большевистскіе комиссары разстилаются во всю, чтобы показать свое вліяніе на части и свою лояльность во всемъ, что касается пассивной охраны фронта.

Ко мнѣ въ корпусъ назначенъ новый комиссаръ, онъ же членъ военно-революціоннаго комитета солдатъ Антоновъ; первое впечатлѣніе отъ него совсѣмъ приличное, такъ какъ, повидимому, это одинъ изъ немногихъ идеалистовъ большевизма и притомъ очень разумный и умѣренный. Когда я ему высказалъ, какъ я смотрю на наши взаимоотноше-

нія и какой помощи отъ него ожидаю, то онъ сейчасъ же сообщилъ подчиненнымъ ему комиссарамъ и комитетамъ объ обязательности исполненія частями боевыхъ приказовъ и просилъ повторить приказъ по корпусу, устанавливавшій смѣну полковъ 70 дивизіи, обязавшись заставить, если понадобится, силой выполнить этотъ приказъ.

Конечно, все это очень горячо и естественно въ порядкѣ перваго дня своего медоваго мѣсяца власти, но очень мало шансовъ въ возможности реального осуществленія всего обѣщаннаго.

Пріѣзжали французскіе офицеры, организующіе у насъ военно-голубиную почту; напомнили мнѣ парикмахеровъ специалистовъ по бритью покойниковъ; говорятъ, что всѣ желанія союзниковъ сводятся къ тому, чтобы нашъ фронтъ продержался до мая мѣсяца, а тогда они въ два мѣсяца справятся съ нѣмцами и кончатъ войну, такъ какъ къ этому времени у нихъ будетъ на фронтѣ 800 тысячъ американцевъ и двадцать пять тысячъ бомбоносныхъ аэроплановъ. Относительно возможности заключенія большевиками сепаратнаго мира съ Германіей, французы считаютъ, что нѣмцы на этотъ миръ не пойдутъ, такъ какъ боятся переброски большевизма къ нимъ самимъ, и поэтому и говорятъ не о мирѣ, а о перемиріи, что даетъ имъ возможность перебросить войска на французскій фронтъ, и въ то же время не пускать русскихъ товарищей переходить демаркаціонныя линіи и этимъ оберегать себя отъ заноса большевистской заразы.

Въ этомъ разговорѣ характерна откровенность г. г. союзниковъ: мы попрежнему имъ нужны для спасенія ихъ отъ грознаго нѣмецкаго крокодила; мы должны существовать столько, сколько имъ нужно для замѣны насъ американцами; мы за это время можемъ гнить и разваливаться, сколько угодно, но только продолжать выполнять свою роль горчичника на нѣмецкомъ затылкѣ. Когда же мавръ сдѣлаетъ свое дѣло, то ему предоставляется право окончательно развалиться, ибо сіе послѣ предвкушаемаго, — ничѣмъ еще не гарантированнаго, — уничтоженія Германіи будетъ для союзниковъ и не безвыгодно, такъ какъ одновременно съ нѣмецкимъ крокодиломъ будетъ сброшенъ со счетовъ и русскій медвѣдь, очень нужный во время войны, но совсѣмъ лишній, когда придется кушать плоды побѣды.

Если бы только не Америка и внесенные ею въ активъ союзниковъ неисчерпаемые матерьяльные ресурсы, то я считалъ бы десять шансовъ противъ одного, что союзные шахермахеры очень ошибутся въ своихъ расчетахъ.

Искупительной жертвой Петроградской авантюры явились юнкера военныхъ училищъ. Керенскій вызвалъ ихъ для спасенія собственной власти и связанной съ нимъ собственной безопасности, но какъ только дѣло приняло скверный оборотъ, то позорно удралъ, бросивъ на пожраніе большевиковъ всѣхъ тѣхъ, кто за него сталъ.

Всѣ эти митинговые божки изъ надрывчатыхъ и истеричныхъ пустобреховъ, очень храбры только на словахъ. Керенскій клялся умереть за революцію, а на дѣлѣ занялся спасеніемъ собственной жизни, предоставивъ другимъ умирать и платить своей кровью за его слѣпоту, дряблость и абсолютную негодность.

Сегодня вступилъ въ свои обязанности новый корпусный комитетъ, причемъ въ немъ нѣтъ ни одного офицера; интересно, какъ онъ будетъ справляться съ сложными юридическими и хозяйственными вопросами, попадающими въ сферу его вѣдѣнія при разборѣ разныхъ жалобъ и заявленій.

5 Ноября. Относительно сносный день; товарищи какъ то успокоились, что ничто имъ не угрожаетъ, и до одури играютъ въ карты, братаются и ждуть мира; кое-гдѣ принаравливаются, сколько придется на брата, когда станутъ дѣлить казенныя денежныя ящики. Новый корпусный комиссаръ Антоновъ вернулся съ своего перваго дебюта по уговариванію полковъ 120 дивизіи идти на занятіе назначенныхъ имъ боевыхъ участковъ; вернулся совсѣмъ растерянный и обезкураженный, такъ какъ въ Даниловскомъ полку ему не дали говорить и заявили, что на позицію не пойдутъ, а когда онъ попытался взлѣзть на комиссарскія ходули и пригрозить, то только быстрота шофера, успѣвшаго выскочить изъ толпы, спасла товарища комиссара отъ «народнаго помятія ему боковъ».

Судя по Московскимъ газетамъ огнемъ тяжелой артиллеріи повреждены Кремль и Храмъ Христа Спасителя; озвѣрѣвшіе мерзавцы громятъ единственные въ мірѣ памятники русскаго прошлаго и русскаго искусства.

Пришли Петроградскія газеты, напоминающія своимъ внѣшнимъ видомъ какіе-то сѣрые слизи. Характерно сейчасъ направленіе газеты «Новая жизнь», старательно и усердно поработавшей надъ распространеніемъ въ массахъ идей большевизма (не максимализма, а именно русскаго большевизма).

Сейчасъ ея издатель Максимушка Горькій и иже съ нимъ сами испугались тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришла русская революція, и въ своей газетѣ, единственной не закрытой большевиками, громятъ и поносятъ во всю новыхъ повелителей Петрограда и Россіи.

Остальныя исключительно большевистскія газеты наполнены гимнами во хвалу «небывалаго еще героизма Пулковскихъ героевъ, одержавшихъ историческія побѣды». Несомнѣнно, что если и не побѣды, то стычки у Пулкова, окончившіяся для большевиковъ успѣшно, могутъ дѣйствительно имѣть историческое значеніе, такъ какъ могутъ знаменовать рѣшающія минуты для начала періода массовыхъ разрушеній и длительного, кроваваго, полнаго ужасовъ періода жизни не только несчастной нашей родины, но и всего человѣческаго рода.

Для ориентировки прочиталъ всю эту сѣрую газетную слякоть и дошелъ до состоянія нравственной тошноты; правда, что по тому, что мы видѣли отъ большевиковъ на фронтѣ, трудно было бы ожидать отъ ихъ петроградскихъ товарищей чего либо болѣе приличнаго и культурнаго.

Физически развалился; не сплю ночи, и даже верональ пересталъ дѣйствовать; нервы развинчены до того, что, мучаясь безсонницей, отчетливо слышу стукъ телеграфныхъ аппаратовъ въ довольно далеко отстоящемъ отъ штаба флигелѣ.

6 Ноября. Пріѣзжалъ новый армейскій комиссаръ товарищ Собакинъ, коему приказано разрѣшить вопросъ о смѣнѣ полковъ 120 дивизіи. Поведенія весьма хамскаго, ввалился ко мнѣ въ кабинетъ, не снимая шапки и не представляясь. Я его очень спокойно, но внушительно заставилъ снять фуражку и представиться. Изъ дальнѣйшаго разговора убѣдился, что товарищи большевики рѣшили примѣнять, когда надо, самые старые приемы; такъ, въ данномъ случаѣ Собакину приказано узнать и переписать всѣхъ агитаторовъ, подбивающихъ полки отказываться отъ выступленія на позицію, и затѣмъ секретнымъ образомъ изъять этихъ агитаторовъ изъ частей.

Не знаю, сумѣютъ ли большевики это осуществить, но рѣшительность и методъ мнѣ нравятся; нѣтъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ демократическихъ фиглей-миглей, подъ которые кривлялся Керенскій и его приспѣшники. Эхъ, если бы такая же рѣшительность и откровенность были бы проявлены сразу Временнымъ Правительствомъ, какъ бы далеки мы были отъ того разбитаго корыта, надъ которымъ сидимъ.

Неужели же нѣмцы, создавшіе большевистскую обезьяну, передали ей также и свои знанія качества нашихъ массъ и научили ихъ, какими способами ими надо управлять. Бѣженцы изъ Риги, прожившіе тамъ нѣкоторое время подъ нѣмецкимъ владычествомъ, очень картинно рассказали, какъ нѣмцы въ трехдневный срокъ привели городъ и нашихъ товарищей въ образцовый порядокъ и единымъ махомъ вышибли изъ товарищей всѣ демократическія бредни и революціонныя вольности.

Получили цѣлый букетъ выпущенныхъ большевистскимъ правительствомъ очень заманчивыхъ для массъ декретовъ, назначенныхъ повидимому одобритъ тѣ приемы, которыми начала править новая власть. Редакція и рѣшительность декретовъ, разрубающихъ самые сложные вопросы государственной и общественной жизни, очень напоминаютъ толпу папуасовъ, дорвавшихся до совершенно незнакомыхъ имъ вещей и распоряжающихся ими съ хватками и пониманіемъ дикарей. Вѣдь большевикамъ важно бросить и бросить возможно скорѣе эти призывные, привѣтные, заманчивые, жирные и вкусные лозунги, а что изъ всего этого получится, авторовъ и вдохновителей этихъ рѣдкостныхъ документовъ интересуется очень мало

По сообщенію газетъ лѣвые эсеры и интернаціоналисты повздорили съ большевиками и вышли изъ состава Совѣтовъ; большевики не обращаютъ на это никакого вниманія и назадъ ушедшихъ не зовутъ. По всей Руси идутъ погромы и льется кровь — Вильгельму и нѣмцамъ есть надъ чѣмъ порадоваться; имъ только на руку, что Россія дошла до такой грани, — и еще не послѣдней, — что у ея сыновъ поднялись руки, чтобы громить сердце старой Россіи Кремль, наши соборы, гробницы русскихъ царей, святителей и чудотворцевъ.

На разсвѣтѣ батальонъ смерти чувствительно потрепалъ нѣмцевъ, которые, какъ говорятъ по свѣдѣніямъ, даннымъ ими братающимся, рѣшили, что выбившіеся изъ силъ ударники не въ состояніи удержать свой участокъ (вдававшійся въ нѣмецкое расположеніе) и предприняли поискъ для захвата его двумя ротами. Ударники, очень аккуратно и добросовѣстно несущіе всѣ отдѣлы службы, во время замѣтили нѣмецкое наступленіе, подпустили ихъ къ проволочнымъ загражденіямъ, а затѣмъ огнемъ 14 пулеметовъ буквально смели наступавшихъ; спаслись, повидимому, очень немногіе.

Разозленные нѣмцы прервали свое артиллерійское молчаніе и весь день громили наши окопы огнемъ своихъ батарей; батареи эти по наблюденіямъ нашихъ артиллеристовъ преимущественно двухорудійныя, а есть и одноорудійныя.

7 Ноября. Нѣмцы подъ прикрытіемъ заградительнаго огня всю ночь убрали своихъ раненыхъ и трупы убитыхъ. Вчерашній урокъ, данный ударниками нѣмцамъ, вполнѣ подтверждаетъ правильность моей мысли о возможности распустить армію, оставивъ только добровольческія части; (конечно, не теперь, когда у власти оказались большевики, которые осуществленія такой мѣры не допустятъ, ибо въ ней ихъ гибель).

Вѣдь, если бы у меня вмѣсто наличныхъ 70 тысячъ разнузданныхъ и не желающихъ воевать шкурниковъ были бы шесть-восемь батальоновъ такихъ отборныхъ людей, какъ ударники 120 дивизіи, я былъ бы совершенно спокоенъ за оборону своего участка; наступать съ такими силами я, конечно, не могъ бы, но съ утопическими проектами наступленія надо было давно уже покончить. Если бы Керенскій нашелъ въ себѣ достаточно ума и мужества, чтобы въ іюнѣ рѣшительно сказать союзникамъ, что мы наступать не въ состояніи, то онъ до сихъ поръ сидѣлъ бы въ Петроградѣ и большевики не были бы хозяевами Россіи.

Съ формированіемъ ударныхъ частей запоздали; а когда начали, то сразу ударились въ бахвальство и вмѣсто дѣла вышла карриатура; эти части надо было формировать по принципу отбора и добровольчества, какъ образовался ударный батальонъ 120 дивизіи, куда ушли всѣ офицеры и солдаты, заявившіе, что въ такихъ разнузданныхъ бандахъ, какими стали ихъ полки, они служить не могутъ. Наименованіе же частями смерти огуломъ цѣлыхъ полковъ было пустымъ бахвальствомъ, моднымъ временно снобизмомъ, увлеченіемъ бѣлыми кантами, мертвыми головами, черно-красными аксессуарами и прочей бутафоріей; при томъ составѣ, въ которомъ части были съ мая 1917 года, онѣ не могли быть частями смерти въ настоящемъ значеніи этого слова.

Получено распоряженіе объ уменьшеніи дачи хлѣба до одного фунта; это сразу отразилось на настроеніи товарищей и на рядѣ мелкихъ вспышекъ, заявленійхъ разными митингами остраго неудовольствія пртивъ всѣхъ видовъ начальства, какъ остатковъ Царскаго режима, который по объясненію большевиковъ виноватъ во всемъ, что не нравится солдатамъ или не даетъ имъ всего того, что имъ хочется. Меня еще выручаетъ то, что я во время успѣлъ образовать очень большіе запасы картофеля и могу замѣнить имъ недодачу хлѣба и набивать имъ товарищескіе животы.

Продовольственный кризисъ, намѣтившійся уже въ концѣ октября, написъ надъ нами грозной тучей. Весь день занимался подготовкой открытія второго курса своей просвѣтительно-культурной школы въ Креславкѣ и второго курса офицерской школы въ Илгѣ. Дѣлаю это старательно, но безъ малѣйшей надежды на то, что всѣ эти начинанія доживутъ до конца, ибо всѣ декреты новыхъ хозяевъ показываютъ, что скоро у насъ заведутся иные порядки.

Мнѣ очень жалко, если погибнуть мои креславскіе курсы, но думаю, что судьба ихъ предрѣшена, ибо они назначены укрѣплять въ солдатахъ сознаніе государственности

и здороваго патріотизма, и воспитывать въ нихъ чувство долга и обязанностей, то-есть все, что противоположно бреднямъ интернаціонала и его подголосковъ. Уже даже нашъ прежній армискомъ косился на мои курсы за ихъ политическую безпартійность и мнѣ стоило большихъ усилій спасти первый выпускъ отъ преждевременнаго роспуска.

Если же судьба позволитъ проскочить еще одному выпуску, то тогда на Руси будетъ на полторы тысячи больше людей, понимающихъ здоровыя основы общественнаго и государственнаго сожителства и устройства.

Собираю новый составъ офицерской школы; дѣлаю все по старому, какъ будто бы ничего не случилось. Результатовъ я уже не увижу, такъ какъ рѣшилъ безповоротно черезъ нѣсколько дней эвакуироваться въ тылъ по болѣзни, если за это время мнѣ не назначать замѣстителя, какъ я о томъ просилъ Болдырева. При современномъ положеніи начальниковъ, считаю свое пребываніе въ корпусѣ абсолютно бесполезнымъ, а для себя лично убійственнымъ, ибо мириться съ происходящимъ я не въ состояніи, а измѣнить его не въ силахъ.

Ужасно положеніе ударнаго батальона 120 дивизіи; всѣ остальные части корпуса отказались смѣнить его на занимаемомъ имъ боевомъ участкѣ, гдѣ онъ стоитъ уже второй мѣсяцъ въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ поздняго осенняго времени; число здоровыхъ людей въ ротахъ дошло до 20—25.

Послѣдняя встрепка, заданная нѣмцамъ, усугубила и безъ того остро-враждебное отношеніе къ батальону всѣхъ остальныхъ частей дивизіи, которыя прямо боятся идти на этотъ участокъ, который нѣмцы два дня подрядъ наказывали ожесточеннымъ огнемъ легкой и тяжелой артиллеріи.

Съ большимъ трудомъ выхлопоталъ у командарма приказаніе ударному батальону 38 дивизіи смѣнить на позиціи батальонъ 120 дивизіи; но ударники 38 дивизіи были таковыми только до тѣхъ поръ, пока съ этимъ было связано квартированіе въ Двинскѣ въ качествѣ охраны штаба арміи и проистекавшія изъ этого милости и льготы; какъ только они узнали, что имъ надо идти на боевой участокъ, батальонъ сразу растаялъ, quasi-ударники разошлись по своимъ частямъ, а большинство удрало въ отпускъ.

А на этомъ батальонѣ Болдыревъ строилъ разные усмирительные и восстановительные планы!

Сидимъ безъ газетъ; новая петроградская власть завернула цензуру à la Плеве. Положеніе съ продовольствіемъ отчаянное, безъ надежды на улучшеніе; мой корпусный интендантъ невѣроятными усиліями набралъ и накопилъ муки на 10 дней, но дальше и наши горизонты кончаются.

8 Ноября. Поздно ночью получили телеграмму армейскаго комитета съ приказаніемъ всѣмъ войсковымъ комитетамъ собраться и не расходиться, ожидая какого-то рѣшенія чрезвычайной важности.

Ждали всю ночь и все утро; разгадка получилась только послѣ полдня, когда наша радіостанція перехватила радіо Совѣта Народныхъ Комиссаровъ (такъ называется, повидимому, новая власть, замѣнившая Временное Правительство), коимъ Верховному Главнокомандующему приказывалось немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ съ властями враждебныхъ государствъ.

Этимъ началась расплата большевистскихъ главарей съ своими нѣмецкими хозяевами и съ нашими товарищами по выданнымъ векселямъ. Карты раскрыты; начинается возмездіе союзникамъ за слѣпоту и дряблость ихъ представителей въ Россіи. Отнынѣ большевики непоколебимые повелители всей фронтовой и тыловой шкурятины и всего русскаго хулиганства; они пошли съ козырнаго туза, бить котораго сейчасъ нечѣмъ. Россія, какъ военная союзница, потеряна для союзниковъ.

Изъ разговоровъ радіотелеграфистовъ узнали, что Ставка со вчерашняго дня все время пыталась передать что-то въ арміи, но сидящіе на всѣхъ станціяхъ и аппаратахъ большевистскіе комиссары этого не допустили.

Теперь мы имѣемъ право сказать: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего . . .» Идутъ какіе то слухи о возстаніи на Дону и надо туда пробираться. А, можетъ быть, союзники опомнятся и примутъ на свою службу тотъ офицерскій составъ, которому немисливо и не-

втерпежь оставаться подъ эгидой большевистскихъ товарищей. До сихъ поръ всѣ наши попытки устроиться на иностранную военную службу, начатыя еще въ сентябрѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Капитанъ Ринкъ по моему порученію былъ въ Петроградѣ, толкался во всѣхъ миссіяхъ и всюду получилъ отказъ или условія принятія иностраннаго подданства; всѣ отговариваются тѣмъ, что обязались передъ Керенскимъ не принимать нашихъ офицеровъ на союзную службу.

Но сейчасъ же должны союзники опомниться и спасти русское офицерство изъ того невыносимаго положенія, куда его загнала судьба; вѣдь, доходятъ послѣднія секунды стараго и начинается что-то новое, ужасное и позорное. Мы готовы идти солдатами въ иностранные легіоны; мы готовы на все, но намъ нужна помощь и приѣмъ; пусть въ Хапарандѣ, на Кавказѣ, въ Японіи устроятъ такіе пункты, куда мы можемъ явиться, и мы рискнемъ на все, чтобы туда попасть и тамъ продолжать бороться и за Россію, и за союзное дѣло.

До ужаса трагично сейчасъ положеніе Духонина, на котораго перелagается выполнение предложенія мирныхъ переговоровъ; петроградскіе жулики понимаютъ, что съ ними не станетъ разговаривать ни Вильгельмъ, ни Карлъ и ихъ правительства; поэтому они и прибѣгаютъ къ небывалому еще приѣму начала мирныхъ переговоровъ черезъ Верховнаго Главнокомандующаго; тутъ адская мефистофелевская смѣсь гарантіи себя на будущее время, сваливанія грязнаго и позорнаго дѣла на своихъ естественныхъ противниковъ и шансъ при неповиновеніи сразу раздѣлаться съ опасной и остававшейся до сихъ поръ неизблемой инстанціей стараго порядка.

Одурь беретъ при видѣ той отвратительной трясины, въ которую гонять Россію, трясины безысходной и смертельной. Теперь, вѣдь, уже и союзники безсильны помочь.

Большевики сообщаютъ о захватѣ ими Пуришкевича съ какими-то важными документами; воображаю, какую контръ-революцію они разведутъ по этому поводу; вѣдь, имъ надо все время пугать массы призракомъ реакціи и возвращенія «стараго прижима».

Рѣшительность и прямолинейность большевиковъ поразительны; поистинѣ у нихъ цѣль оправдываетъ средства. Сегодня въ Извѣстіяхъ С. и Р. Депутатовъ помѣщенъ декретъ военнореволюціоннаго штаба, коимъ вся отвѣтственность за продолженіе внутренней борьбы возлагается на имущіе классы и объявляется, «что богатые классы и ихъ приспѣшники будутъ лишены права получать продукты, а всѣ запасы у нихъ будутъ реквизированы, а имущество конфисковано».

Первая статья, лишающая права на продукты для питанія, равняется огульнымъ присужденіямъ всѣхъ къ голодной смерти, ибо вся страна быстрымъ темпомъ несется къ общей голодовкѣ.

Къ надзору и сыску за богатыми и къ примѣненію къ нимъ вышеуказанныхъ мѣръ призываются всѣ рабочіе, солдаты и крестьяне. Этимъ въ массы бросаются такіе воспламеняющіе лозунги, при примѣненіи которыхъ жизнь должна стать сплошнымъ ужасомъ, ибо все, что внѣ большевизма, отдано на разграбленіе всей хулиганщинѣ.

Не пришлось бы въ скоромъ времени и нашимъ союзничкамъ испытать такую же смертную чашу; провозглашенные большевиками лозунги такъ аппетитны, что противъ нихъ можетъ не устоять западноевропейскій пролетаріатъ; средства же противодѣйствія требованіямъ толпъ всюду достаточно поослабли.

9 Ноября. Духонинъ удаленъ отъ должности съ провокаторскимъ обвиненіемъ въ совершеніи великаго преступленія передъ трудящимися всего міра. Это очень искусный ходъ, чтобы безвозвратно оторвать солдатскія массы отъ послѣднихъ остатковъ стараго порядка и подчеркнуть, что ихъ спасеніе только въ поддержкѣ власти большевиковъ.

Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ прапорщикъ Крыленко, извѣстный по 1905 году товарищъ Абрамъ; онъ сынъ мелкаго чиновника въ г. Люблинѣ, физическій и нравственный уродъ; былъ учителемъ въ городской школѣ и, будучи сыномъ крещенаго еврея, отличался жестокостью гоненія бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей (эти данныя даны мнѣ чинами 18 дивизіи, стоявшей въ Люблинѣ и до сихъ поръ числящей въ своихъ спискахъ этого прапорщика).

Это назначеніе является вершиной позора, до котораго дошла русская армія; несомнѣнно, что въ лицѣ большевиковъ Россія получила такую власть, которая ни передъ чѣмъ не остановится.

Назначеніе Главковерхомъ Керенскаго было уже достаточно позорно, но то, что случилось сегодня, превосходить всѣ границы. Я послалъ командарму рапортъ, что при слагающейся обстановкѣ считаю для себя позорнымъ оставаться на занимаемой должности, но не желая нарушать установленныхъ законовъ, оставляю должность на правахъ эвакуаціи, и передаю командованіе корпусомъ инспектору артиллеріи генералу Власьеву.

Первымъ распоряженіемъ новаго Главковерха или, какъ его сразу наименовали, Верхопрапа было радіо, приказывавшее «каждому полку самостоятельно заключить на своемъ участкѣ перемиріе». Въ этомъ распоряженіи вылилось все военное, политическое и умственное убожество этого ублюдка російской дѣйствительности.

У него не хватило мозговъ, чтобы понять, что по ту сторону фронта стоитъ настоящая армія и что на подобное предложеніе оттуда даже и не отвѣтятъ.

Изъ сообщенія Ставки выяснилось, что Духонинъ даже не отказался прямо начать мирные переговоры, а только запросилъ, какими путями можно осуществить присланное ему распоряженіе, такъ какъ ему извѣстно, что на подобное заявленіе, обращенное полторы недѣли тому назадъ къ союзникамъ и къ врагамъ со стороны «Правительства», никакого отвѣта не послѣдовало.

Опять пріѣзжали французы; изъ разговоровъ съ ними убѣдился, что союзники совершенно не понимаютъ того ужаснаго состоянія, въ которомъ находятся и арміи, и вся страна. Французскій майоръ изъ состава военной миссіи разливался на тему, что они не имѣютъ права вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла изъ чувства деликатности, и что они глубоко увѣрены въ томъ, что то, что сейчасъ у насъ происходитъ, это лишь временное явленіе, такъ какъ несомнѣнно, что Россія скоро опомнится, и наши солдаты поймутъ недопустимость сепаратнаго мира.

По обстановкѣ было совершенно бесполезно говорить этому слѣпому, глухому и, очевидно, очень легкомысленному представителю французской арміи, какъ глубоко и безнадежно онъ ошибается, да я и не въ правѣ пускаться въ такія откровенности. Сказать все это давно и сказать громко, рѣзко, ничего не скрывая, должна была Ставка, и, если не хотѣлъ Керенскій, то обязаны были сдѣлать начальникъ его Штаба и Главнокомандующіе фронтами (такъ же точно, какъ они обязаны были въ концѣ 1916 года сказать всю правду Государю и не морочить его увѣреніями въ полномъ спокойствіи и вѣрно-подданности). Но неспособные сказать правду своему Царю, они не сумѣли развязать своихъ языковъ и тогда, когда каждый день и часъ грозно кричалъ о томъ, куда катится ихъ страна и руководимыя ими арміи.

Все утро провелъ въ корпусномъ комитетѣ при многолюдномъ участіи представителей отъ всѣхъ частей, «защищая» разработанный мной проектъ послѣдовательной смѣны дивизій на боевыхъ участкахъ, на началахъ абсолютной справедливости; все было изложено такъ ясно, что всѣ комитеты приняли его единогласно и обѣщали привести его въ исполненіе.

Но ни у комитетовъ, ни у сидѣвшаго тутъ же корпуснаго комиссара нѣтъ никакихъ средствъ заставить полки выполнить эту схему въ томъ случаѣ, если какой либо изъ полковъ закинется и не захочетъ повиноваться.

Въ радіо Крыленки о немедленномъ заключеніи перемирія имѣется пунктъ, приказывающій арестовать всѣхъ генераловъ; однако, этотъ пунктъ до сихъ поръ не выполненъ.

Радіо и декреты сыпятся, какъ изъ мѣшка; даже большевистскіе комитеты ошалѣли и временами становятся въ тупикъ надъ получаемыми распоряженіями и ихъ удивительной редакціей.

10 Ноября. Заключеніе перемирія возложено Петроградомъ на военнореволюціонный комитетъ пятой арміи, какъ, вѣроятно, на наиболѣе надежный.

Въ своихъ заявленіяхъ Ленинъ и Троцкій договорились до того, что «законы» и «парламентская техника» это «выдумки буржуазіи». Конечно, это все условности извѣст-

наго порядка человеческого сожительства, но, вѣдь, надо же хоть чѣмъ нибудь отличаться отъ звѣрей.

Хлѣбъ на фронтѣ подходитъ къ концу; какой можетъ быть подвозъ въ странѣ, охваченной анархіей и междоусобицей? Большевики обѣщаютъ, что хлѣбъ будетъ, и на короткѣ, вѣроятно, что-нибудь и сдѣлаютъ, ибо рѣшительности имъ занимать ни у кого не приходится. Но никакая держимордовщина не поможетъ тамъ, гдѣ при массовыхъ потребностяхъ можетъ выручить только система сбора, налаженность подвоза и вообще отчетливая работа всего аппарата снабженій.

Сейчасъ мы перешли въ довольно привычный для исторіи, но необычный по размаху періодъ владычества штыковъ — штыкократіи; впереди грядетъ какая-то смѣсь спартакщины, крестьянскихъ войнъ, пугачевщины, засилія преторіанцевъ новой красной формации и все это подъ густымъ, прянымъ и дразнящимъ всѣ звѣриныя инстинкты соусомъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и переворачиванія соціальной лѣстницы верхними ступеньками внизъ.

Много разъ эта опасность грозила и цивилизаціи, и положенію правящихъ и имущихъ классовъ, но до сихъ поръ въ ихъ рукахъ было и золото, и вооруженная сила, и они всегда выходили побѣдителями; сейчасъ золото попрежнему въ ихъ власти, но вооруженной силой сдѣлался весь народъ, что и является серьезнѣйшей угрозой для исхода начавшейся борьбы пролетаріата и соціальныхъ низовъ противъ аристократіи всѣхъ сортовъ.

11 Ноября. Наконецъ то проснулись дремавшія дѣвы союзныхъ миссій; проснулись тогда, когда помочь намъ уже поздно. И проснувшись, все же не поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и вмѣсто самыхъ внушительныхъ дѣйствій разразились грознымъ по внѣшности протестомъ противъ нарушенія договоровъ и начала мирныхъ переговоровъ, съ предупрежденіемъ, что нарушеніе принятыхъ Россіей обязательствъ передъ союзниками вызоветъ для нея самыя тяжелыя послѣдствія. Неужели же всѣ союзные представители до того слабоумны, что не понимаютъ всей практической безцѣльности своего протеста.

Пустопорожнія теперь это, сѣры, мистеры и мусье, слова; развѣ они могутъ произвести какое либо впечатлѣніе на Петроградскихъ товарищей, случайныхъ захватчиковъ всей власти, исполняющихъ съ одной стороны волю своихъ нѣмецкихъ нанимателей и хозяевъ, а съ другой стороны стремящихся заразить своей пропагандой весь міръ и разрушить всѣ существующія формы жизни.

Что этимъ жуликамъ старые договоры; что имъ Россія; что имъ всѣ эти угрозы! Вѣдь такіе дипломатическіе ходы могутъ быть дѣйствены для тѣхъ, у кого есть Родина, есть передъ ней святая обязанности; есть передъ кѣмъ то отвѣтственность; для кого обязательно данное слово, договоры, условія; для кого существуютъ слова: честь, традиція, порядочность . . .

Въ Россіи же власть попала въ руки шайки самой грязной смѣси разныхъ элементовъ, въ которой, если вѣрить тому, что про нихъ говорятъ, есть 1—2% сумасшедшихъ маніаковъ, убѣжденныхъ маніаковъ, для которыхъ всѣ вышеуказанныя понятія — круглый ноль, гнилые пережитки ненавистнаго имъ буржуазнаго строя; остальные же 98—99% состоятъ изъ совершенно безпринципныхъ авантюристовъ самаго гнуснаго сорта, нанятыхъ нѣмецкихъ агитаторовъ и всевозможныхъ выкидышей подонковъ пролетаріата, преступной улицы и каторги, для которыхъ столь случайно и неожиданно доставшаяся имъ власть нужна, чтобы за ея счетъ попировать въ волюшку. Сейчасъ для сохраненія ихъ власти имъ очень кстати дерзкіе и тѣшачіе звѣриныя инстинкты массъ лозунги большевизма; ими они только и держатся и только подъ ихъ сѣнью могутъ жить, наслаждаться, жрать и пить. Терять этой бандѣ нечего; патриотизмъ, родина, честь и совѣсть для нихъ пустыя слова. Договоры имъ ненавистны, ибо исполненіе ихъ лишитъ ихъ основы ихъ существованія — поддержки темныхъ и загнившихъ массъ, а потому къ чорту всѣ договоры и неудобныя обязательства.

Угрозы союзниковъ для нихъ не страшны, ибо взобравшись на верхи власти, они сидятъ все время подъ другими, безконечно болѣе близкими и реальными угрозами. Они играютъ и будутъ играть до конца свою каторжную игру со смѣлостью и упорствомъ каторжниковъ, которымъ все равно печего терять, и которые всегда готовы къ возмож-

ности такъ же фейерверочно улетѣть въ ту грязь, изъ которой они вылѣзли. Ихъ идеологія намъ близко знакома по тѣмъ экземплярамъ комитетчиковъ, комиссаровъ и демагоговъ, подстрекателей солдатскихъ толпъ, съ которыми насъ познакомили послѣдніе полгода нашей кошмарной жизни.

Что имъ союзныя угрозы; это все равно, что пугать евангеліемъ какого-нибудь закоренѣлаго язычника или убѣдительными надписями защищаться отъ волковъ и гіенъ. Такіе бандиты признаютъ только грубую реальную силу, когда та возьметъ ихъ шиворотъ и такъ тряхнетъ, что глаза на лобъ выскочатъ; такую сволочь или гнутъ въ бараній рогъ или . . . покупаютъ. Лучше, если бы союзники прямо умыли бы руки вмѣсто того, чтобы дѣлать столь бесполезныя глупости.

Совсѣмъ иное было бы, если бы вмѣсто протеста къ Москвѣ во время были бы двинуты отъ Архангельска и со стороны Сибири союзныя войска — единственное средство остановить развалъ арміи и страны; тогда и протесты произвели бы вездѣ совсѣмъ иное впечатлѣніе, ибо товарищи знали бы, что дальше стоитъ — и стоитъ близко и реально кулакъ, за коимъ послѣдуетъ немедленно соотвѣтственный и очень непріятный жестъ. Если бы союзники не были слѣпы, то всегда имѣли бы возможность подкрѣпить восточный фронтъ нѣсколькими американскими дивизіями въ его сѣверной части и японскими на югъ. А при такихъ ледникахъ гніеніе фронта сразу бы остановилось.

Теперь все это уже поздно; событія летятъ съ быстротой урагана и теперь союзные контингенты не могутъ уже поспѣть на нашъ погибшій и конченный фронтъ.

Борьба идетъ неравная; старая власть разбѣжалась; ея авторитетъ безвозвратно потерянь; она изжита и стала ненавистна тѣмъ, кого ея же дряблость, нежизненность и ошибки сдѣлали силой; ея сторонники разсѣяны, неорганизованы, запуганы и забиты и для спасенія своей шкуры, достоянія и привилегій (не всѣ конечно, но къ сожалѣнію большинство) готовы на всякіе уступки, компромиссы, жертвы и даже подлости. Организациія сохранившихся здоровыхъ элементовъ сейчасъ уже очень трудна; все ненадежное съ точки зрѣнія новой большевистской власти уже взято подъ подозрѣніе и подъ неослабный надзоръ.

Новая власть народныхъ комиссаровъ находится сейчасъ въ совершенно пныхъ условіяхъ: она переживаетъ медовый мѣсяцъ своего существованія и, прилепивая къ себѣ толпы, расточаетъ имъ самыя заманчивыя обѣщанія и жирные посулы; она гарантируетъ имъ немедленное избавленіе отъ всѣхъ реальныхъ непріятностей войны и сулитъ самое широкое осуществленіе всѣхъ давно накопившихся вождедѣній. Она повелительница массъ и всей вооруженной силы страны; она ничѣмъ не связана, ничего не боится (потому что нечего терять) и дерзка до послѣднихъ предѣловъ.

Ея сторонники сорганизованы, захватили всѣ рули и средства управленія; они дерзки, жадны и готовы отчаянно защищать то, что пріобрѣли и что уже начали пожирать.

Ясно, условія борьбы и силы сторонъ слишкомъ неравны; несомнѣнно также, что и обаянію власти товарищей комиссаровъ тоже наступитъ конецъ, ибо неизбѣжные законы жизни заставятъ ихъ скоро начать принужденія и воздѣйствія (что они кое въ чемъ уже и начали), а когда это произойдетъ, то массы поднимутся противъ нихъ такъ же охотно, какъ онѣ поднялись и противъ Царя, и противъ Временнаго Правительства, и противъ Керенскаго. Трудно свалить первую власть, первые авторитеты, а потомъ это дѣлается и легко, и охотно; наша интеллигенція очень постаралась, чтобы сдѣлать возможнымъ первый опытъ и подрубить тѣ суки, на которыхъ сама сидѣла; ну, а теперь разные товарищи и руководимыя ими массы будутъ повторять этотъ опытъ съ каждымъ, кто захочетъ наложить на нихъ ярмо принужденія.

Играть въ дудку инстинктовъ толпы большевики большіе мастера: достаточно почитать большевистскія газеты, наполненныя заманчивыми декретами и еще болѣе сулящими обѣщаніями, и умѣло поданными и раздутыми восхваленіями всего уже якобы сдѣланнаго новой властью для солдатъ, народныхъ массъ и трудящихся.

Сосѣдній 27 корпусъ объявилъ, что будетъ всемѣрно поддерживать власть народныхъ комиссаровъ и начинаетъ переговоры о мирѣ; наши комитеты всѣ присоединились къ этому рѣшенію. Задерживаю свой отъѣздъ, желая дождаться пріѣзда замѣстителя;

оставаться и изображать какую-то гнусную пародію на Корпуснаго командира не могу и не хочу. Послѣ обѣда получены двѣ телеграммы, достаточно ярко показывающія въ какія руки попала Всероссійская власть и какой курсъ она принимаетъ; первая телеграмма за подписями новыхъ дуумвировъ Левина и Троцкаго, призывающая къ беспощадной борьбѣ противъ буржуевъ, помѣщиковъ и чиновниковъ; ко всѣмъ инакомыслящимъ приказывается примѣнять ни передъ чѣмъ не останавливающійся терроръ, съ заключеніемъ въ Петропавловку и на Кронштадтскіе форты. Вся горечь современной дѣйствительности, всѣ грѣхи прошлаго и вся отвѣтственность и за прошлое, и за будущее очень искусно сваливается на буржуазію и на контръ-революціонныхъ генераловъ; повидимому, мы уже не только въ преддверіи, но уже въ сѣняхъ самой черной коммуны, но уже не въ парижской, а въ чисто русской редакціи.

Другая телеграмма изъ противоположнаго лагеря отъ еще уцѣлѣвшаго гдѣ-то Комитета Спасенія Родины и Революціи (тошнота беретъ отъ одного этого названія) съ призывомъ къ массамъ одуматься и понять, къ чему ведетъ Россію сепаратный миръ и соглашеніе съ нѣмцами. Неравная опять борьба: у красныхъ дерзкая, чисто каторжная рѣшительность, оглушительное дѣйствіе и самыя крайнія средства террора; а у ихъ противниковъ жалкіе уговоры, исканіе тѣхъ струнъ, которыхъ у слушателей нѣтъ, и попытки заставить понять головой и почувствовать сердцемъ тѣхъ, у которыхъ эти органы къ такимъ операціямъ не приспособлены. По прежнему интеллигентные классы пытаются разговаривать съ массами своего собственнаго измышленія и не замѣчаютъ всей бесполезности такого занятія; неужели восьми мѣсяцевъ было мало для того, чтобы убѣдиться, что всѣ эти нѣжные средства не по адресу направлены и совершенно негодны.

Тотъ рейсъ, которымъ несутся событія, заставляетъ бояться, что всѣхъ насъ ждуть впереди еще болѣе ужасные дни, еще болѣе тяжкія испытанія. Временное правительство не сумѣло приручить звѣрей; большевики же спустили звѣря съ цѣпей, и начинается его царство; пока его не запрутъ опять (на что мало надежды) или онъ самъ не подохнетъ, до тѣхъ поръ будетъ мракъ и ужасъ, стоны, смерть и кровь.

Нужны великія муки и страшныя испытанія для того, чтобы массы постигли, что людямъ нельзя жить по звѣриному.

Вечеромъ получили телеграмму армискома, что въ его составъ возвратились ушедшіе ранѣе социалисты и что армискомъ принялъ на себя порученіе начать съ нѣмцами мирные переговоры; корпусные представители умѣренныхъ социалистовъ говорятъ, что имъ пришлось измѣнить свою тактику въ виду безвыходности создавшагося положенія и для того, чтобы, принявъ участіе въ переговорахъ, постараться побольше спасти и выторговать въ пользу Россіи, не давая большевикамъ сдѣлать все это единолично и въ крайнихъ, несомнѣнно крайне вредныхъ для насъ тонахъ.

Погода стоитъ, какъ нельзя быть хуже; дороги стали совершенно непроѣзжими; въ окопахъ, блиндажахъ и баракахъ-землянкахъ невѣроятно грязно и мерзко, ибо ни чистить, ни поправлять никто изъ товарищей не хочетъ; крутости окоповъ обвалились, половина окоповъ залита жидкой грязью; подъ нарами навозныя кучи; товарищи отправляютъ всѣ естественныя потребности тутъ же въ сосѣднихъ ходахъ сообщенія и рядомъ съ землянками; всѣ помѣщенія обратились въ какія то свалки соломенной трухи, подсолнуховой шелухи, костей, консервныхъ банокъ, корокъ хлѣба и т. п.

Конскій составъ валится сотнями. Съ продовольствіемъ отчаянно плохо; нѣкоторыя части отправили въ тылъ цѣлыя вооруженныя экспедиціи добывать муку и мясо.

Товарищъ Луначарскій разразился какимъ-то весьма нелѣпымъ обращеніемъ къ новоявленной опорѣ большевизма красной гвардіи и выражаетъ увѣренность, что въ будущемъ красногвардейцы «создадутъ невиданные еще шедевры ослѣпительной красоты». Видимо, въ припадкѣ краснаго кликушества можно договориться и до такихъ вещей! Одно можно только сказать, что міру не поздоровится отъ этихъ шедевровъ и свѣтъ померкнетъ отъ этой красоты.

12 Ноября. Мелкій, какъ сквозь сито, дождикъ съ примѣсью снѣга. Осень въ этой мѣстности всегда мерзкая, но въ этомъ году природа какъ будто бы рѣшила побить всѣ рекорды мерзости.

Телеграмма изъ Вашингтона сообщаетъ, что Правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшило остановить отправку всего заготовленнаго тамъ для Россіи (а заготовлено не болѣе, не менѣе, какъ на 8¹/₂ миллиардовъ рублей); вмѣстѣ съ симъ дѣлается предупрежденіе, что если у власти останутся большевики и будетъ заключено съ нѣмцами перемиріе, то всякія отправки изъ Америки будутъ окончательно воспрещены.

Распоряженіе совершенно естественное, ибо было бы глупо отправлять въ Россію боевое снабженіе, которое въ ближайшемъ будущемъ попадетъ въ руки нѣмцамъ и будетъ обращено противъ тѣхъ же американцевъ.

Но только все это поздно, ибо ничѣмъ этимъ нашихъ командующихъ товарищей уже не испугать. Обидно узнавать про эти запоздалыя попытки остановить Россію въ ея безумномъ прыжкѣ въ темныя глубины самыхъ изувѣрскихъ экспериментовъ.

Боевая и командная дѣятельность начальниковъ совершенно атрофировалась; исчезла даже послѣдняя тѣнь возможности вліять на событія попытками объяснять войскамъ происходящія событія и этимъ удерживать отъ крайности совершенно безсознательное и бродящее за вожаками стадо; при современномъ составѣ частей разъ говоритъ генераль, значить или вретъ, или отводитъ глаза съ какой-нибудь контръ-революціонной цѣлью: Сейчасъ, напр., пропаганда въ частяхъ убѣдила солдатъ, что французскіе и англійскіе солдаты на ихъ сторонѣ, требуютъ того же самаго, но пока еще сдерживаются своимъ имперіалистическимъ начальствомъ. Еще въ іюлѣ я нѣсколько разъ просилъ нашего командарма выхлопотать присылку намъ въ прикомандированіе къ каждой части по нѣсколько французскихъ и англійскихъ солдатъ (изъ крестьянъ и рабочихъ), которые отъ себя познакомили бы нашихъ съ условіями военной службы въ иностранныхъ арміяхъ и жизни за границей; къ сожалѣнію, верхи очевидно не поняли глубокаго практическаго значенія этой мѣры и она осталась неосуществленной.

Троцкій началъ печатать въ Извѣстіяхъ С. и Р. Депутатовъ документы изъ секретной переписки Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; ничего особо секретнаго и сенсационнаго въ опубликованныхъ документахъ нѣтъ; только самый фактъ печатанія характеризуетъ всю гнусность власти, которая этимъ занимается, торопясь расплатиться съ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ за полученные когда-то серебрянники. Стараются развернуться сразу во всю ширь своей подлости. Имъ не важно, что для людей, способныхъ разобраться во всѣхъ этихъ документахъ, ихъ значеніе очень ничтожно; они бьютъ на скандалъ, на щекотаніе темныхъ массъ волнующей и очень выгодной по результатамъ сенсацией; матерьялъ умѣло готовится опытными по этой части человечками, знающими, что надо пропустить, а что такъ оттѣнить, заgrimировать, а въ случаѣ надобности и поддѣлать, чтобы било въ носъ и подкладывало бы свинью и союзникамъ, и старому режиму, и Керенскому со товарищи.

Для меня нѣкоторые изъ опубликованныхъ документовъ очень интересны, такъ какъ ярко показываютъ до какой степени было слѣпо Временное Правительство и какъ оно не знало и не понимало ни положенія, ни настроенія страны и армій. Терещенко разсылалъ нашимъ посламъ самыя розовыя и успокоительныя телеграммы въ то время, когда все уже трещало и разлѣзалось по всѣмъ швамъ.

Выходитъ, что и при революціонномъ Правительствѣ все оставалось по старому, какъ было при Царяхъ; по старому продолжалось безсовѣстное втираніе очковъ, замазываніе самыхъ кричащихъ прорѣхъ и безобразій; по старому всюду кипѣли, пресмыкались и творили свое злое дѣло такіе же прохвосты, жулики и лжецы, какъ та придворная клика, которая погубила Царское Село.

Теперь становится болѣе или менѣе понятно, почему союзники были такъ плохо освѣдомлены объ истинномъ положеніи Россіи; многочисленныя военныя миссіи, несмотря на свою распространенность по всему фронту, видимо, тоже питались информацией изъ казенныхъ источниковъ, сидѣли при большихъ штабахъ и прозѣвали то, что творилось въ странѣ, въ правительствѣ и въ арміи.

Съ почи вся власть надъ пятой арміей передана въ руки военнореволюціоннаго комитета и всѣ наши командныя распоряженія отданы подъ контроль комиссаровъ.

Послалъ телеграмму въ штабъ арміи, что съ сего числа не считаю себя больше командиромъ корпуса, и въ виду неприсылки замѣстителя, прибѣгаю къ способу эвакуаціи; передалъ командованіе инспектору артиллеріи генералу Власьеву, очень спокойному и равнодушно на все смотрящему человѣку.

Въ засѣданіи Цика одинъ изъ большевиковъ назвалъ приказъ Крыленки о перемиріи величайшей безтактностью и легкомысліемъ — оцѣнка очень правильная, но по выраженіямъ слишкомъ мягкая по отношенію къ этой квинтэссенціи военной безграмотности.

Вечеромъ получена телеграмма Троцкаго, сообщающая товарищамъ, что заявленія начальниковъ союзныхъ военныхъ миссій — ложь, и что всѣ воюющіе народы жаждутъ заключить миръ, но этому мѣшаютъ имперіалистическія правительства и контръ-революціонные генералы, а потому товарищи солдаты призываются къ самой беспощадной борьбѣ за миръ.

Тошнотворно противенъ весь этотъ наборъ спеціально митинговыхъ фразъ и терминовъ, обычной бутафоріи дешевенькихъ демагоговъ-ораторей, рожденныхъ изъ грязной пѣны современной хулиганщины и quasi-революціонныхъ круговъ.

Весь активъ этихъ любезныхъ толпѣ словоизвергателей состоитъ въ привычкѣ скоро, туманно и по книжному говорить, уснащивая свою рѣчь множествомъ заученныхъ (подчасъ смутно понимаемыхъ самимъ ораторомъ) иностранныхъ словъ, часть которыхъ уже пріобрѣла для толпы значеніе жупела и сдѣлалась лозунгами и любимыми поговорками.

Собираюсь въ отъѣздъ. Богъ вѣсть, удастся ли когда-нибудь вернуться; ѣду искать въ Россіи или за границей ряды тѣхъ, кто будетъ продолжать бороться за Россію съ навалившейся на нее бѣдой. Безконечно тяжело уѣзжать; три года тяжелыхъ испытаній, радостно переносимыхъ ради родины во исполненіе того, чему была отдана вся жизнь, — окончились ужасомъ, горечью и позоромъ послѣднихъ восьми мѣсяцевъ. Прошлое погибло; будущее черно. Куда идти? что дѣлать и что ждетъ впереди? Полтора года напряженной работы надъ 70 дивизіей сдѣлали ее когда-то въ двухъ арміяхъ образцомъ порядка, благоустройства и воинской доблести; это была моя гордость, и все развалилось.

Я никогда не былъ оптимистомъ, но невѣроятно быстрый развалъ частей явился и для меня слишкомъ неожиданнымъ. Позоръ и горечь всего пережитаго за послѣднее время и тѣ черныя перспективы, которыя грезятся мнѣ впереди, заставили какъ то оупѣть и потерять способность остро чувствовать, изумляться и негодовать. Съ такимъ чувствомъ оупѣнія я подписалъ послѣдній приказъ (приказъ какого-то огороднаго чучела, котораго никто не слушается) по корпусу и сижу въ своей маленькой комнатѣ Шенгейдскаго помѣщичьяго дома, съ чувствомъ безразличнаго равнодушія, подобно человѣку, все уже потерявшему, все испытавшему.

Поздно вечеромъ полковникъ Гейдеманъ изъ штаба арміи передалъ, что въ Двинскъ прибылъ Главковерхъ (съ позволенія сказать) Крыленко и дважды требовалъ къ себѣ командующаго арміей генерала Болдырева, но тотъ категорически отказался это выполнить, заявивъ, что онъ такого Главнокомандующаго не знаетъ. Простилъ за это Болдыреву многія его ошибки и вихляніе; ему тоже надо было лавировать въ надеждѣ выиграть время, но когда пришелъ часъ, то онъ поступилъ такъ, какъ то обязывало его положеніе, и, когда надо было сказать прямо «да» или «нѣтъ», то онъ сказалъ: нѣтъ.

13 Ноября. Собираясь ѣхать въ Двинскъ на вокзалъ, узналъ объ арестѣ Болдырева; узналъ также, что утромъ Власьевъ выѣхалъ въ Двинскъ, куда Крыленкой вызваны всѣ командиры корпусовъ. Рѣшилъ отложить свой отъѣздъ, чтобы не могли сказать, что я спѣшно, въ виду происшедшихъ событій, удралъ изъ корпуса.

Власьевъ вернулся поздно вечеромъ; на вызовъ Крыленки пріѣхали всѣ корпусные командиры арміи, за исключеніемъ командира 27 корпуса генерала Рычкова.

По мнѣнію Власьева Крыленко не ожидалъ такого успѣха, и это его подбодрило до неспособности скрывать свою радость; онъ былъ необычайно любезенъ, разсмѣялся въ увѣреніяхъ самаго глубокаго уваженія къ командному составу, цѣну и значеніе котораго онъ, Крыленко, отлично понимаетъ; увѣрялъ, что побезпокоилъ командировъ только изъ желанія ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и проливалъ крокодиловы слезы

по поводу того, что генераль Болдыревъ «не пожелалъ исполнить его покорнѣйшей просьбы захватить къ нему въ вагонъ».

Свой приказъ о заключеніи перемирія полками Крыленко призналъ ошибкой, вполне естественной въ той лихорадочной обстановкѣ, въ которой онъ отдавался; свои угрозы по адресу генераловъ просилъ понимать ограничительно и только по адресу тѣхъ, кто бунтуетъ противъ власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Утверждалъ, что ни о какомъ сепаратномъ мирѣ они не думаютъ, а говорятъ объ общемъ мирѣ, такъ какъ знаютъ, что мира хотятъ всѣ воюющіе; пытался доказать, что ихъ не такъ понимаютъ и что союзниковъ они нисколько не боятся, а отъ японцевъ уже получили гарантію полного нейтралитета въ восточныхъ дѣлахъ.

Относительно сопротивленія Ставки и Духонина Крыленко заявилъ, что «имъ надоѣла кровь», а поэтому они не двигаютъ на Могилевъ свои Петроградскія войска, — которая де въ одинъ день могутъ смести всю Ставку, — такъ какъ увѣрены, что сопротивление ликвидируется само собой, какъ только Ставка увидитъ, что она одинока.

Такова, въ передачѣ Власьева, суть бесѣды; командиры корпусовъ, по словамъ В., говорили съ Крыленкой рѣзко и правдиво, особенно же командиръ 47 корпуса генераль Сухановъ. При прощаніи Верхопрапъ былъ утонченно вѣжливъ, благодарилъ за откровенное изложеніе своихъ мыслей и высказалъ, что считаетъ, что прибывшій къ нему командный составъ дѣйствительно любитъ свою родину, такъ какъ пошелъ на встрѣчу его протянутой рукѣ.

Тутъ онъ заявилъ, что смѣщаетъ съ должности генерала Болдырева и назначаетъ его начальникомъ дивизіи, а поэтому проситъ посоветовать, кого назначить командующимъ арміей, а также и Главнокомандующимъ фронтомъ на мѣсто удаленнаго отъ командованія генерала Черемисова.

Бывшіе на совѣщаніи комиссары стали выдвигать мою кандидатуру, и Крыленко поручилъ корпусному комиссару Антонову спросить меня, согласенъ ли я на такое назначеніе. Я отвѣтилъ, что при современномъ положеніи не желаю командовать ни однимъ солдатомъ, а не то, что арміей или фронтомъ.

Повидимому, наша армія единственная, куда новоявленный Главверхъ могъ проѣхать безпрепятственно; намъ очень напортило сидѣнье на прямомъ сообщеніи Двинскъ—Петроградъ при исключительномъ удобствѣ распространенія по тыламъ и резервамъ всякой нечисти и пропаганды; даже 12-я, худшая по составу и заболѣвшая большевизмомъ ранѣе, армія въ концѣ концовъ обольшевизилась не такъ скоро, какъ мы.

14, 15, 16 Ноября. Довольно тяжелый переѣздъ въ Петроградъ; пришлось пройти всѣ эвакуаціонныя мытарства. Въ Петроградѣ спокойно; улицы переполнены толсто-мордыми и отлично одѣтыми углубителями революціи. Немедленно по приѣздѣ домой стали собираться ѣхать на югъ въ Новороссійскъ; говорятъ, что на казачьихъ земляхъ большевизмъ не можетъ получить широкаго развитія.

17 Ноября. Большевики все болѣе и болѣе раскрываютъ свои карты; эпоха правленія наступаетъ, кажется, самая крутая, такъ что и Держиморда позавидуетъ, но по всему видно, что большевистская дубинка идетъ въ прокъ; россійскому народу веселіе не только въ томъ, чтобы пити, а и въ томъ, чтобы быть биты. Мирные переговоры направлены очевидно къ сепаратному миру, но все это идетъ ступеньками; за то на союзниковъ большевики опредѣленно плюютъ.

18 Ноября. Былъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба; старшіе чины сидятъ въ постоянномъ ожиданіи ареста, однако, работа идетъ по прежнему руслу. Узналъ, что на заключеніе мира заставили ѣхать въ качествѣ военныхъ экспертовъ Полковниковъ Генеральнаго Штаба Шишкина и Стапиславскаго. Вся задача Главнаго Управленія сводится сейчасъ къ тому, чтобы всѣми мѣрами задержать разрушительную работу большевистскихъ военныхъ верховъ и направить реформаторскую дѣятельность Смольнаго въ хоть сколько-нибудь осмысленное и не вредное для Россіи русло; дѣлаются попытки получить право редакціи декретовъ, касающихся арміи, для того, чтобы облекать ихъ въ грамотную форму. Всѣ надѣются на то, что большевизмъ долго не продержится, и стараются сохранить старыя учрежденія и всю систему для будущаго; я не

раздѣляю здѣшняго оптимизма, ибо не вижу того, что отняло бы власть у комиссаровъ, заключающихъ миръ, развязывающихъ отъ всѣхъ обязанностей и сулящихъ массамъ всякія пріятности. Очень жаль всѣхъ старшихъ чиновъ управленія; положеніе ихъ дѣйствительно каторжное и хуже нашего фронтowego; конечно, для текущихъ дней они дѣлаютъ серьезную работу, но вся трагедія въ томъ, что работа-то бесполезна, никакіе мягкіе эволюціонные пріемы съ большевизмомъ не сладятъ; по всей же системѣ, принятой комиссарами, для меня ясно, что сейчасъ они выбираютъ тѣхъ, кто пойдетъ къ нимъ служить и налаживаютъ свои аппараты военнаго управленія; когда послѣдніе будутъ готовы, то они разобьютъ все старое и вышвырнутъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ съ ними.

19 Ноября. Пріѣхалъ съ фронта мой денщикъ; по его рассказамъ состояніе войны съ нѣмцами фактически прекратилось; братанье идетъ по всему фронту; нѣмцы ходятъ по окопамъ, забираются въ наши тылы, но къ себѣ нашихъ товарищей не пускаютъ; дезертирство увеличилось до невѣроятныхъ размѣровъ и роты таютъ.

Большевики продолжаютъ показывать свои отточенные нѣмцами коготки: аресты, разгоны, реквизиціи, воспрещенія, угрозы сыплются изъ Смольнаго непрерывнымъ потокомъ; массы пока рукоплещутъ, ибо ихъ шкурки и животики все это пока еще не затрогиваетъ, а отдается на чужой спинѣ. Но одно можно сказать, что такого «тащить и не пущать» не было и при первоклассныхъ Угрюмъ Бурчевыхъ.

20 Ноября. Большевики закрыли всѣ даже соціалистическія газеты; всѣ молчатъ и покоряются, а съ насильниками ничего не дѣлается. Силой разогнали городскую думу и посмѣялись надъ ея протестами.

Ставка арестована; туда отправился Верховпрапъ Крыленко съ новымъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго товарищемъ Шнеуромъ (поручикъ, выгнанный судомъ офицеровъ изъ какого то гусарскаго полка); для пошло-опереточнаго Верховпрапа нашелся подходящий Наштапрапъ; умершую русскую армію ничто уже оскорбить не можетъ.

Представителями «Россіи» на заключеніе мира назначены «чисто кровавые» русскіе, товарищи Юффе и Розенфельдъ-Каменевъ; есть ничтожное облегченіе въ томъ, что на исполненіе этого позорнаго, гнуснаго и предательскаго акта пошли не русскіе люди.

Ходятъ слухи, что Корниловъ подъ охраной 400 Текинцевъ спасся изъ Быхова и пробивается на югъ. Легко вздохнулось при этомъ извѣстїи, такъ какъ судьба Быховскихъ заключенныхъ все время висѣла мрачнымъ кошмаромъ; теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, что они пробьются на Донъ или, если погибнуть, то честно, въ бою, а не подъ лапами и муками красныхъ палачей.

Похоже на то, что подъ впечатлѣніемъ захвата общероссійской власти, Россія расколется на свои составныя части: Украина уже объявила себя самостоятельной, Западная Сибирь тоже, какое то движеніе идетъ на Дону . . .

21 Ноября. Сидимъ въ полной неизвѣстности; газеты закрыты, и большевики сообщаютъ только то, что имъ выгодно. Городская милиція, укомплектованная старыми солдатами, распущена, и городъ управляется красногвардейцами и матросами — встрѣтили на Кронкверкскомъ проспектѣ трехъ такихъ товарищей съ мордами хоть сейчасъ въ альбомъ Сахалинскихъ типовъ Дорошевича.

Объявлено, что Ставка занята войсками Крыленки и что Духонинъ убитъ; вотъ же и «намъ надоѣла кровь»!

22 Ноября. Ввиду невозможности выбраться на югъ безъ какого-нибудь официальнаго документа, отправился на эвакуаціонный пунктъ и получилъ разрѣшеніе на отправку на Кавказъ для лѣченія. Арестованы военный министръ Маниковский и начальникъ генеральнаго Штаба Марушевскій и увезены въ Смольный; за что арестованы — неизвѣстно. Крыленко въ газетахъ изливаетъ свое негодованіе по поводу убійства Духонина и пытается умыть руки. Конечно, физическій убійца не товарищъ Абрамъ, а тѣ солдаты, которые разорвали на куски послѣдняго Верховнаго Главнокомандующаго Русской Арміи и которые были натравлены на погибшаго тѣми обвиненіями, которые возвели на него Крыленко и Ко.

На фронтѣ во исполненіе декрета народныхъ комиссаровъ о выборномъ начальствѣ идетъ выборъ начальниковъ; Петроградъ наполняется толпами низверженныхъ командировъ всѣхъ ранговъ; эти еще счастливые, ибо имъ разрѣшили уѣхать; куда хуже положеніе тѣхъ, которые силой оставлены на фронтѣ и разжалованы на должности кашеваровъ, конюховъ и т. п. и погружены въ невѣроятнѣйшую атмосферу брани и насилій.

23 Ноября. На мирныя предложенія большевиковъ нѣмцы отвѣтили съ гордымъ снисхожденіемъ и заявили, что согласны на сепаратный миръ при условіи полнѣйшей покорности съ нашей стороны, они великолѣпно учитываютъ наше положеніе, знаютъ, что мы воевать не можемъ и сдерутъ съ присланныхъ ими на управление Россіей товарищей, сколько имъ захочется.

Большевики сконфуженно молчатъ; они не такъ еще окрѣпли, чтобы воочію показать наложенныя на ихъ сердца, совѣсть и воровскія руки нѣмецкія клейма. Тѣ обрывки донесеній о мирныхъ переговорахъ, которые имъ пришлось опубликовать, даютъ достаточную картину униженій, которыя испытываютъ ихъ представители, ведущіе эти переговоры (вѣрнѣе сказать, должны испытывать).

24 Ноября. Свидѣтельствовався на распредѣлительномъ пунктѣ, пока еще старымъ порядкомъ безъ товарищей и комиссаровъ. Свидѣтельствовалось 70 человекъ и съ ними управились въ два часа; въ общемъ одна комедія и отличный путь для уклоненія отъ службы разныхъ симулянтовъ и шкурниковъ. Много приходилось ранѣ слышать о нашихъ эвакуаціонныхъ нравахъ и порядкахъ, но я никогда не думалъ, что все это можетъ дѣлаться столь откровенно и безцеремонно.

Выпущенъ декретъ, коимъ упраздняются Сенатъ, всѣ суды и мировые судьи, — еще новая подачка всѣмъ тѣмъ, у кого остались счета съ этими непріятными для свободныхъ товарищей учрежденіями.

За эти дни испыталъ стояніе въ разныхъ продовольственныхъ хвостахъ; какое это должно быть мученіе для людей одинокихъ, старыхъ, слабыхъ, занятыхъ службой или работой. Перешли на дачу хлѣба по три восьмыхъ фунта въ день, причемъ половина состоитъ изъ соломы; солома эта съ непривычки ранитъ горло, и я принялъ эти раны за заболѣваніе ангиной. Когда удастся купить картофель, то перепекаемъ наши дачи хлѣба въ нѣмецкій К. К. бродъ.

Цѣны растутъ не по днямъ, а по часамъ; у кого есть деньги, тотъ можетъ все покупать у товарищей солдатъ, добывающихъ себѣ все въ большомъ избыткѣ при помощи угрозы разными колющими и стрѣляющими инструментами.

25 Ноября. Съ ночи и весь день толпы черни, солдатъ, матросовъ и набравшейся въ Петроградъ хулиганщины громили винные погреба Зимняго Дворца; шла перестрѣлка, трещали пулеметы, временами доносилось пьяное ура.

Народные комиссары оказались не въ силахъ справиться съ бандами товарищей, рѣшившихся поживиться запасами царскихъ погребовъ.

26 Ноября. Осчастливлены декретомъ, отмѣняющимъ права собственности на дома, которые переходятъ во власть мѣстныхъ совѣтовъ.

Вернулась съ фронта мирная депутація; предложенія нѣмецкаго командованія держатся въ строгомъ секретѣ; на ушко въ Главномъ Управленіи сообщили, что они настолько позорны и унизительны, что даже большевики стѣсняются ихъ опубликовать, боясь, что остатки національнаго стыда еще не успѣли окончательно заглохнуть.

Въ большевистскихъ верхахъ очередной скандалъ: начальникъ штаба Верхопрапа товарищъ Шнеуръ оказался бывшимъ агентомъ одного изъ охранныхъ отдѣленій; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго ибо 90% такихъ агентовъ представляли изъ себя самыхъ отборныхъ мерзавцевъ, за деньги готовыхъ на что угодно и химически чистыхъ отъ всякихъ убѣжденій и принциповъ; люди они бывалые, смѣлые и тѣмъ, кто избѣжалъ регистраціи, предстоитъ большое плаваніе въ большевистскихъ моряхъ; они это хорошо сознаютъ, что и объясняютъ, почему и въ мартѣ и въ октябрѣ такъ старательно уничтожались архивы охранокъ и сыскныхъ отдѣленій: многимъ крупнымъ шишкамъ революціи надо было уничтожать слѣды своихъ близкихъ и платныхъ отношеній съ этими мало почтенными съ революціонной точки зрѣнія учрежденіями.

27 Ноября. Большевики продолжают привлекать къ себѣ расположеніе и поддержку всѣхъ низовъ рѣшительностью своей расправы съ правами верховъ и стремительностью раздачи низамъ разныхъ благъ; они сумѣли даже расколоть крестьянство на его общемъ съѣздѣ. Среди офицеровъ ходятъ слухи, что на югѣ началось антибольшевистское возстаніе, и что казаки и хохлы поднимаются противъ петроградскихъ большевиковъ.

28 Ноября. Послѣ перваго періода ошалѣнія отъ захвата власти большевиками, начинается какая-то реакція противъ совершившагося, но, къ сожалѣнію, только на почвѣ болтологіи; на улицахъ устраиваютъ манифестаціи въ пользу Учредительнаго Собранія, въ которомъ видятъ единственное спасеніе отъ власти комиссаровъ. Много рѣчей, но развѣ въ рѣчахъ сила? вѣдь, если за Собраніемъ будутъ стоять только слова, резолюціи и вздохи, то, если оно не будетъ большевистскимъ, оно не проживетъ и часа — комиссарская рѣшительность тому порукой.

29 Ноября. Говорятъ, что вчера собралось что-то въ родѣ Учредительнаго Собранія: сошлись, открылись и закрылись. Завтра ожидается декретъ объ уничтоженіи чиновъ и орденовъ; низы и чернь рукоплещутъ этому событію, видя въ томъ великую побѣду. Не рано ли радуешься многоликая, безголовая, гульливая, бурливая и глупая толпа? Не придетъ ли время, когда начнешь стонать и жалѣть о прошломъ?

30 Ноября. Становится несомнѣннымъ, что югъ Россіи возсталъ противъ Петрограда; большевикамъ сейчасъ это кстати, такъ какъ даетъ имъ богатый матеріалъ, чтобы пугать товарищей грознымъ призракомъ надвигающейся контръ-революціи, которая только и идетъ за тѣмъ, чтобы отнять у нихъ то, чѣмъ большевики набили ихъ рты, животы, карманы.

Всякому ясно, что большинство населенія не на сторонѣ большевизма; но ясно также, что большевикамъ дали столько времени, чтобы овладѣть симпатіями массъ, что съ ними теперь уже не справиться въ столичныхъ, набитыхъ товарищами и фронтowychъ районахъ, гдѣ все антибольшевистское приравнивается немедленно къ самой черной контръ-революціи.

Говорятъ, что противъ Дона двинутъ Черноморскій флотъ и направлены какія-то надежныя части 5 арміи. Замерла война на нѣмецкомъ фронтѣ; загорается на новомъ, и загорается надолго, ибо большевики власти не отдадутъ, а значительная часть съ ихъ главенствомъ не помирится.

Вся надежда теперь на казаковъ и украинцевъ; туда даже по частнымъ свѣдѣніямъ спасаются съ фронта офицеры, старые солдаты, часть служебной интеллигенціи. Все дѣло теперь въ разумныхъ и талантливыхъ вождяхъ, которые отбросятъ гадости и стараго, и новаго порядковъ и сумѣютъ овладѣть искреннимъ довѣріемъ всей страны; тогда нашъ полетъ въ глубины анархіи и пугачевщины 20 вѣка можетъ быть скоро остановленъ. Я не знаю совершенно Каледина, но говорятъ, что онъ можетъ быть такимъ вождемъ.

1 Декабря. По городу все время идетъ рѣдкая перестрѣлка; товарищи ходятъ толпами или развѣзжаютъ на автомобиляхъ и громятъ оставшіеся частные винные склады и погреба; на улицахъ масса пьяныхъ и идетъ открытая продажа награбленныхъ рѣдкихъ винъ.

Въ Брестѣ застрѣлился Скалонъ, принужденный комиссарами отправиться туда въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по заключенію перемирія. Трудно себѣ представить, что пришлось ему пережить на своемъ скорбномъ крестномъ пути.

Получилъ письма изъ корпуса; всюду вступили въ должности выбранные начальники; у насъ въ 70 и 18 дивизіяхъ эта процедура прошла еще достаточно разумно, но рядомъ творятся всякія безобразія; въ артиллеріи старыхъ дивизионеровъ посадили коренными ѣздовыми (самая трудная служба), ротныхъ командировъ назначили кашеварами и уборщиками нечистотъ. Гдѣ-то южнѣе были случаи продажи нашими товарищами нѣмцамъ своихъ пулеметовъ и орудій. Чудовищно все это, но при нашихъ товарищахъ, къ ужасу, не невозможно.

2 Декабря. По свѣдѣніямъ союзныхъ миссій нѣмцы уже увезли съ нашего фронта около сорока дивизій. Союзникамъ скоро придется на собственной шеѣ испытать послѣдствія своей близорукости, позволившей разложиться и погибнуть нашей арміи.

Выбиваюсь изъ силъ въ попыткахъ достать билеты для проѣзда на югъ; надо заплатить большія комиссіонныя, а денегъ нѣтъ. Всѣ стремленія направлены къ тому, чтобы уѣхать куда угодно, но только подальше отъ Петрограда; фронтъ какъ-то поблекъ въ памяти; вспоминаю о немъ, какъ о далекомъ покойникѣ.

Братъ горничной семьи генерала К., солдатъ какой-то артиллерійской бригады съ очень длиннымъ номеромъ, только-что дезертировавшій съ фронта, хвастался сестрѣ, что ему перепало нѣсколько сотъ рублей отъ дѣлежки суммы, полученной его батареей съ нѣмцевъ за проданныя имъ орудія; когда сестра (лично мнѣ это рассказывавшая) стала его ругать за такую мерзость, то онъ нѣсколько смутился и возразилъ: «чего же было свое терять, когда сосѣди продали и раздѣлили; чѣмъ мы хуже?»

При такомъ скотскомъ міровоззрѣніи возможны самыя невѣроятныя мерзости.

По городу ползаютъ пущенные кѣмъ то слухи, что вся работа большевиковъ направлена въ пользу возстановленія у насъ монархіи, и что таково приказаніе Вильгельма; многіе охотно вѣрятъ этой нелѣпости.

3 Декабря. Троцкій заявилъ, что ввиду начатой противъ нихъ борьбы, они даютъ мѣсяць, чтобы одуматься, а затѣмъ переходятъ на систему настоящаго террора и введутъ гильотину для всѣхъ враговъ народа. Крѣпко, но по крайней мѣрѣ опредѣленно и не воняетъ дряблостью.

Въ Петроградскомъ гарнизонѣ началось антибольшевистское движеніе; поздненько спохватились товарищи присяжные охранители завоеваній революціи! Используя гарнизонъ для сверженія Керенскаго, комиссары отлично учли ту опасность, которую представляли эти распустившіяся и привыкшія уже свержать правительства войсковыя части; они ввели въ Петроградъ латышскіе полки и послѣ этого начали понемногу гнуть товарищей. Особенно не нравится новое положеніе Семеновцамъ, Преображенцамъ и Волынцамъ, игравшимъ до сихъ поръ роли первыхъ революціонныхъ любовниковъ.

Большевики уже начали рѣшительную игру, указавъ войскамъ Сѣвернаго фронта, требующимъ смѣны, что таковая вполне возможна при помощи частей Петроградскаго гарнизона, все время стоящихъ въ тылу и не нюхавшихъ еще пороха.

4 Декабря. Нѣмцы предлагаютъ комиссарамъ купить у насъ оставшуюся у насъ матерьяльную часть и боевые запасы. Приѣхалъ съ южнаго фронта полковникъ М.; разговаривалъ съ нимъ по поводу іюньскаго наступленія; онъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, что наступленіе было крайне несвоевременно, безнадежно, и сыграло весьма серьезную роль въ усиленіи въ войскахъ большевизма. Спросилъ у него, можно ли было у нихъ рассчитывать на поддержку частями войскъ Корниловскаго выступленія; оказалось, что такъ же, какъ и у насъ на фронтѣ, — нѣтъ, нельзя было.

Очевидно, что мы, строевые начальники сѣвернаго фронта, были правы, считая это выступленіе совершенно безнадежнымъ и несвоевременнымъ; его надо было дѣлать или ранѣе іюньскихъ авантюръ, или же попозднѣе, когда массы познаютъ, что такое большевизмъ.

Вечеромъ выпущены бюллетени о заключеніи перемирія, о приѣздѣ въ Брестъ Кюльмана и Чернина и о выѣздѣ туда же Троцкаго.

Въ пять недѣль большевики обдѣлали одно изъ крупнѣйшихъ событій текущаго вѣка, сбросили съ боевыхъ счетовъ 10 милліоновъ русскихъ штыковъ и развязали нѣмцамъ руки на всемъ восточномъ фронтѣ.

Союзникамъ предстоитъ горячая баня и только помощь американской техники можетъ ихъ спасти; одинъ изъ моихъ сегодняшнихъ собесѣдниковъ высказалъ мысль, что Брестское перемиріе можетъ быть губительно и для самихъ нѣмцевъ, такъ какъ извѣстіе о томъ, что русскіе прекратили воевать и будутъ пользоваться всѣми благами міра можетъ вредно отразиться и на воинственности настроенія германскихъ войскъ.

По городу все шире распространяются слухи о предстоящемъ возстановленіи монархіи; думаю, что здѣсь прежде всего сказывается затаенное желаніе большинства пришибленныхъ «завоеваніями революціи» обывателей, которые, подъ ужасомъ всего переживаемаго, забыли все, чѣмъ прежде попрекали Царскій режимъ, и готовы цѣловать вновь появившагося городского, если бы онъ воскресъ.

5 Декабря. Все время идет рѣдная перестрѣлка, продолжается грабежъ винныхъ погребовъ; около Биржевого моста воздухъ напоенъ запахомъ шампанскаго отъ разгромленныхъ складовъ, бывшихъ подъ зданіемъ биржи; вечеромъ впечатлѣніе такое, какъ будто бы находишься на фронтѣ и идетъ перестрѣлка секретовъ. Большевики приняли суровыя мѣры противъ винныхъ погромовъ, но пока безсильны съ ними справиться; на этой почвѣ происходятъ острые конфликты между солдатами гарнизона и красноармейцами.

Петроградъ сейчасъ залитъ дезертирами и всевозможными отбросами фронта, торгующими, жирѣющими и благоденствующими.

Вечеромъ по городу распространилось сенсаціонное извѣстіе о занятіи японцами Владивостока и о предъявленіи союзниками какого-то ультиматума. Занятіе Владивостока можетъ имѣть огромное значеніе для спасенія всего Приамурья отъ распространенія тамъ большевизма; природнаго большевизма тамъ быть не можетъ, но опасенъ большевизмъ привозной, специфически городской, подслоенный каторжными и хулиганскими элементами.

Что же касается ультиматумовъ, то въ данномъ случаѣ союзнички не на тотъ крестъ молятся; хоть бы теперь пора мистерамъ и мусью разглядѣть, съ кѣмъ приходится вести дѣло.

6 Декабря. Получилъ письмо изъ корпуса; демократизація и развалъ летятъ тамъ бѣшенымъ темпомъ. Товарищи заняты преимущественно торговлей; нѣмцы платятъ за съѣстные припасы и за мыло огромныя цѣны (кто-то изъ телефонистовъ штаба 70 дивизіи получилъ золотыя часы въ обмѣнъ за два куска мыла).

Комиссары объявили войну Украинѣ; быть можетъ, на этомъ они расквасятъ свои морды; украинцы, какъ въ 70 дивизіи, такъ и въ частяхъ 21 корпуса (почти цѣликомъ украинизированнаго) рѣзко выдѣлялись среди остальныхъ товарищей своей разумностью и уравновѣшенностью и держались особнякомъ, не поддаваясь большевизму; одно время я даже думалъ основать на нихъ закрѣпленіе порядка въ 70 дивизіи, но по революціонной неопытности ждалъ разрѣшенія и опоздалъ; надо было, не ожидая никакихъ разрѣшеній, украинизировать полки, и тогда навѣрно они удержались бы (хотя бы потому, что тогда я не получилъ бы для дивизіи тѣ ужасныя хулиганскія пополненія, которыя гноимъ залили дивизію въ августѣ и сентябрѣ).

По тому, что я видѣлъ въ частяхъ, имѣвшихъ преимущественно составъ изъ украинскихъ губерній, думается, что никакого народнаго сепаратизма у хохловъ нѣтъ; это ученіе городское или зарубежное и для интересовъ Россіи безопасное.

Казакъ шевелятся; получено извѣстіе, что Калединъ занялъ Ростовъ и разгромилъ тамошнихъ большевиковъ; съ этимъ именемъ связываютъ большія надежды; говорятъ, что это человекъ идеи, твердый, рѣшительный, способный на подвигъ; дай Богъ, чтобы это было такъ; хочется хоть гдѣ-нибудь искать просвѣта и надежды.

Объединенная Украина и казакъ могутъ сыграть рѣшающую роль въ дѣлѣ спасенія Россіи; только бы не разсорились, по славянскому обычаю, изъ за какихъ-нибудь мелочей и не забыли, что сейчасъ главное свалить большевиковъ.

Мѣстная анархія въ Петроградѣ разрастается; синодикъ разгромовъ, грабежей и всевозможныхъ насилій ширится. Большевики объявили осадное положеніе — довольно смѣшной съ ихъ стороны жестъ (должно быть отрывка старыхъ временъ, когда объявленіе этого положенія считалось *ultima ratio* для прекращенія всякихъ беспорядковъ); вѣдь осадное положеніе это отмѣна законныхъ гарантій и установленіе крутой военно-административной диктатуры, ну а что же установлено большевиками съ конца октября, какъ не самая дикая диктатура, во много разъ крѣпче и безпardonнѣе любого осаднаго положенія прежняго времени.

Интересно также, какими силами располагаютъ сейчасъ комиссары для обузданія революціей, Керенскимъ и ими сугубо распушенныхъ товарищей; пока что — только латышскими полками, которые со смакомъ и съ холодной жестокостью расправляются со своими недавними господами и хозяевами; помогаетъ комиссарамъ и посѣянная ими вражда между солдатами и красноармейцами. Отдувается же за все ошалѣвшій отъ страха и наведенныхъ новой властью порядковъ обыватель.

7 Декабря. Стрѣльба и погромы, несмотря на всѣ комиссарскія угрозы продолжаются; намываюсь въ попыткахъ достать билеты для проѣзда на Кавказъ; хочется удрать всей семьей; всѣ вещи отправили въ Новороссійскъ. Безконечное стояніе въ разныхъ очередяхъ и хвостахъ выматываетъ всѣ силы, но за то приучаетъ къ терпѣнію.

8 Декабря. Отвѣтъ украинской рады большевикамъ великолѣпенъ: что ни словечко, то перлъ хохлацкаго остроумія и злой ударъ по заправиламъ Смольнаго; въ то же время видно, что авторы не лишены пониманія наличной обстановки и чувства разумной государственности. Хорошо бы Рѣпину написать картину на тему «отвѣтъ Украинской Рады Смольному». Характерно то, что въ отвѣтѣ подчеркнуто, что Украина стремится къ федераціи, а не къ самостоятельности.

Сейчасъ самое опасное это вмѣшательство украинцевъ австрійской оріентаціи, что несомнѣнно будетъ поощряться нѣмецкимъ командованіемъ, коему не съ руки все, что можетъ свалить его петроградскихъ ставленниковъ.

Наконецъ то, газеты подняли животрепещущіе вопросы о грядущемъ голодѣ, о неизбежномъ при принятіи большевиками курсѣ экономическомъ крахѣ и о катастрофическомъ состояніи транспорта со всѣми вытекающими изъ сего послѣдствіями. Этимъ спеціально занялась «Новая Жизнь»; ея сводки даютъ ужасныя картины того, что творится на Руси: товарищи на желѣзныхъ дорогахъ творятъ великія безобразія, избиваютъ служащихъ, и дороги корчатся въ послѣднихъ судорогахъ. Заводы и фабрики постепенно закрываются, ибо никакая производительная работа невозможна при современныхъ расцѣнкахъ и при ничтожной работоспособности. Одна изъ петроградскихъ фабрикъ, занимавшаяся во время войны постройкой деревянныхъ частей для аэроплановъ, захотѣла перевести свои деревянные мастерскія на выдѣлку ходовой мебели; послѣ выдѣлки первой партіи обыкновенныхъ письменныхъ столовъ, стоившихъ прежде 40—45 рублей, произвели подсчетъ себѣстоимости и оказалось, что матерьялъ и работа стола обошлись въ 1800 руб.

И такъ вездѣ и во всѣхъ отрасляхъ производства.

9 Декабря. Верхопрапъ Крыленко не на шутку собрался воевать съ Украиной. Троцкій объявилъ, что имъ дано разрѣшеніе формировать особые отряды изъ военноплѣнныхъ, сочувствующихъ углубленію русской революціи и диктатурѣ пролетаріата; несомнѣнно эта попытка направлена къ образованію особыхъ частей, чтобы справляться съ непокорными товарищами. Товарищъ Троцкій торопится и не боится дѣлать то, что боялся сдѣлать товарищъ Керенскій.

Вообще по всему тому, что говорятъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба про работу военнаго комиссаріата, очевидно, что комиссары понимаютъ, что товарищи были хороши для того, чтобы свалить старую власть, но что надо возможно скорѣе завести свои спеціальныя большевистскія части и на нихъ опереть свое вліяніе. Троцкій отлично сознаетъ, что приходитъ часъ, когда надо имѣть надежныя скорпіоны, чтобы погонять и обузывать эти слишкомъ разошедшіяся звѣриныя кучи; латышей едва хватаетъ для Петрограда.

10 Декабря. Судя по газетамъ, на югѣ образовался новый внутренній фронтъ и началась настоящая война; туда спѣшно отправляются части красной гвардіи; комиссары убиваютъ одновременно двухъ зайцевъ, такъ какъ этими отправками очищаютъ Петроградъ отъ наиболѣе активныхъ и опасныхъ элементовъ. Пытаюсь достать какіе-нибудь товарищескіе документы, чтобы пробраться на югъ, такъ какъ при данной обстановкѣ открытый проѣздъ съ документами на командира корпуса, генерала и барона совершенно не возможенъ; такъ говорятъ всѣ пробравшіеся съ юга къ своимъ петроградскимъ семьямъ. Красноармейцы отправляются на югъ съ воинственными манифестаціями; они еще не ошпарены впечатлѣніемъ войны.

Идетъ приготовленіе общественнаго мнѣнія и петроградскаго населенія къ подошедшему уже вплотную продовольственному краху со взваливаніемъ всей вины на буржуевъ и на старый режимъ. Большевики въ объясненіяхъ вообще не стѣсняются: вѣдь объявили же они, что пьяные погромы послѣднихъ дней организуются кадетской партіей съ цѣлью ухудшить общее положеніе и использовать для контръ-революціи пьяное

настроение толпы. Вѣдь говорилъ же Троцкій, что, если Учредительное Собрание пойдетъ на непочетный для Россіи миръ, то большевики уйдутъ изъ собранія и пойдутъ противъ него. Развѣ слова теперь къ чему-нибудь обязываютъ.

Пока что несомнѣнно только то, что къ намъ пришелъ Царь Голодъ, а съ нимъ экономическій и промышленный крахъ.

11 Декабря. Первый день, прошедшій безъ новыхъ декретовъ; или матерьялъ для нихъ истощился, или южныя событія слишкомъ отвлекли вниманіе комиссаровъ.

По части продовольственнаго кризиса комиссары призываютъ рабочихъ справиться съ нимъ «своими средствами»; какъ сіе понимать въ обращеніи къ рабочимъ не повѣдано, но, при выяснившемся уже арсеналѣ большевистскихъ способовъ, средства должны быть весьма рѣшительныя и для насъ буржуевъ, контръ-революціонеровъ и старорежимниковъ достаточно колючія.

Въ газетахъ сообщается о занятіи Харбина китайскими войсками и помѣщена грозная телеграмма Троцкаго, посланная имъ въ Харбинъ, объ арестѣ тамъ всѣхъ, способствовавшихъ этому событію русскихъ властей. Товарищи комиссары, самымъ безцеремоннымъ образомъ тяпающіе по головамъ всѣхъ попавшихъ подъ ихъ лапу русскихъ, вообразили, что право этого тяпанія распространяется чуть ли не на весь міръ. Троцкій не соображаетъ, что если Харбинъ занятъ китайцами, то кто же изъ его комиссаровъ или сподручныхъ окажется въ состояніи произвести требуемый имъ арестъ.

12 Декабря. Сообщение съ югомъ прекратилось; рѣшилъ пробираться на Дальній Востокъ; весь вопросъ въ томъ, какъ добыть средства на дорогу; всѣ наши несчастныя сбереженія мы по чувству долга обращали въ военные займы, погибшіе подъ декретомъ большевиковъ.

Голодъ надвигается во всю, такъ какъ Украина и Донъ остановили весь подвозъ съ юга; остаются только далекіе запасы хлѣба въ Сибири, но какъ ихъ подать при хромающихъ на всѣ колеса желѣзныхъ дорогахъ? Большевистскій режимъ, распуская всѣ низы, уничтожаетъ даже надежду на то, что грядущее Учредительное Собрание окажется въ состояніи возстановить какой-нибудь порядокъ.

13 Декабря. Получилъ въ Главномъ Штабѣ послѣднія воспоминанія объ Императорской Россіи — звѣзды и ордена за время этой войны; прежде была бы радость, а теперь только одна горечь всего пережитаго.

Официально объявлено, что подвозъ хлѣба изъ Сибири и съ юга прекратился, а потому надо ожидать настоящаго голода «со всѣми его послѣдствіями»; не надо быть пророкомъ, чтобы догадаться, что всѣ эти послѣдствія обрушатся на насъ, такъ какъ товарищи голодать не хотятъ. Сейчасъ голодъ даже съ руки большевикамъ, ибо оставався повелителями распредѣленія наличныхъ и притекающихъ запасовъ продовольствія, они владѣютъ средствомъ привлеченія къ себѣ единомышленниковъ и вольныхъ и невольныхъ прислужниковъ, несравненно болѣе сильнымъ, чѣмъ декреты, пропаганда, убѣжденія и т. п. «Хочешь быть съ нами, дадимъ ѣсть; а не хочешь — пеній па себя», таковъ сейчасъ лозунгъ большевистской политики по отношенію ко всему населенію. А вѣдь ради прокормленія семьи и просящихъ ѣсть дѣтей къ большевистскимъ ногамъ склонятся очень многія непреклонныя при другихъ обстоятельствахъ шеи.

Остановка многихъ заводовъ и фабрикъ увеличиваетъ толпы безработныхъ и бродягъ. Невеселыя впереди перспективы.

14 Декабря. Газеты наполнены перечнями грабежей и убійствъ въ городахъ и безпорядковъ и разгромовъ, учиняемыхъ товарищами на желѣзныхъ дорогахъ. Объявлено, что хлѣба въ Петроградѣ осталось на пять дней и что на востокъ посланы особые отряды добывать хлѣбъ и продвигать его къ красной столицѣ.

Вспоминается проклятіе Петрограду раскольниковъ, гибшихъ при Петрѣ Великомъ на работахъ при осушкѣ здѣшнихъ болотъ, и ихъ предсказаніе, что «черезъ два ста лѣтъ быть этому проклятому мѣсту пусту».

15 Декабря. Сегодня узнали, что большевики заняли всѣ частныя банки и объявили ихъ національной собственностью; въ городѣ по этому случаю полная паника, такъ

какъ многіе, боясь держать цѣнности дома, положили ихъ въ сейфы и теперь разомъ потеряли все.

Лично я всегда былъ настроенъ противъ банковъ и считалъ ихъ жадными пауками и родителями всевозможныхъ спекулянтовъ и узаконенныхъ грабителей, но принятая большевиками мѣра бьетъ по всѣмъ безъ разбора и погубить только Россію; не намъ, корчащимся въ анархіи и нищетѣ, предписывать міру столь сногшибательныя новшества, да еще по финансовой части; эксперименты въ экономикѣ во много разъ опаснѣе таковыхъ же въ политикѣ, ибо экономическія волны распространяются глубже, дальше, проникаютъ больше во внутрь и разводятъ за собой массу мелкихъ зыбей и волненій. Особенно остро разразился надъ обывателями декретъ о реквизиціи всѣхъ металлическихъ цѣнностей, находящихся въ сейфахъ; спокойно чувствуютъ себя только тѣ ловкачи, которые во время перевели свои капиталы за границу.

Сегодня же объявлено о прекращеніи выдачи пенсій и о разрѣшеніи всѣмъ офицерамъ старше 43 лѣтъ выйти въ отставку.

Французы просили вернуть имъ только что присланныя намъ двѣсти орудій, но получили отказъ.

16 Декабря. Положеніе офицеровъ, лишенныхъ содержанія, самое безвыходное, а для нѣкоторыхъ равносильное голодной смерти, такъ какъ всѣ боятся давать офицерамъ какую-нибудь, даже самую черную работу; доноскики множатся всюду, какъ мухи въ жаркій лѣтній день и всюду изыскиваютъ гидру контръ-революціи.

Придетъ время, и недолго его ждать, когда всѣ, радующіеся нашему офицерскому несчастью, сами восплачутъ и возрыдають.

Сегодня объявлено, что если подвозъ хлѣба прекратится, то буржуи будутъ лишены и тѣхъ $\frac{3}{8}$ фунта, которые имъ выдаютъ; это распоряженіе равносильно огульному присужденію къ голодной смерти. Вотъ тебѣ и *égalité*, надъ которой захлебывалась наша интеллигенція.

17 Декабря. Манифестація по поводу заключенія перемирія, причемъ приказано показать во всемъ блескѣ мощь россійскаго революціоннаго пролетаріата. На улицахъ можно было обзрѣвать великолѣпнѣйшія коллекціи самыхъ хулиганскихъ рожъ и какихъ-то человѣческихъ обмылковъ, ползавшихъ по петроградскимъ стогнамъ во всеоружіи краснаго тряпья разныхъ размѣровъ. Несмотря на всѣ административныя и спиритуальныя вспрыскиванія, настроеніе толпы сѣро-слизкое и совсѣмъ нерадостное; думаю, что у большинства еще не совсѣмъ исчезъ стыдъ, или, вѣрнѣе сказать, его остатки, за совершенное и совершаемое.

Временами между манифестантами проявлялась пугливость стада, дѣлающаго что-то не совсѣмъ хорошее, и еще не отрѣшившагося отъ старой привычки трусливо ждать неизбежнаго за то нагоняя и вздрючки; при малѣйшемъ гамѣ, а тѣмъ болѣе при случайномъ выстрѣлѣ, толпа съ воплями разсыпалась и бросалась прятаться по подъѣздамъ и воротамъ, а вооруженные натопорчивались и начинали стрѣлять вверхъ.

На сіи процессіи взирали, — не знаю съ какимъ чувствомъ, — почетные гости на этомъ позорищѣ не только Россіи, но и всей цивилизаціи, мирные послы Вильгельма Кейзерлингъ, Мирбахъ и Ко., осчастливившіе Петроградъ своимъ посѣщеніемъ.

Нѣмцамъ, строящимъ свое благополучіе на славянскихъ костяхъ, или, по ихъ выраженію, на славянскомъ навозѣ, должно быть было радостно видѣть, до какого разложенія дошелъ ихъ восточный сосѣдь.

18 Декабря. Въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба сообщили, что вчера вечеромъ въ засѣданіе демобилизаціонной комиссіи пріѣхали Крыленко, Ленинъ и Троцкій и заявили, что положеніе съ миромъ почти безнадежно, такъ какъ нѣмцы наотрѣзъ отказались признать принципъ самоопредѣленія народовъ; поэтому совѣтъ народныхъ комиссаровъ считаетъ необходимымъ во что бы то ни стало возстановить боеспособность арміи и получить возможность продолжать войну.

Представители Генеральнаго Штаба заявили, что возстановленіе боеспособности существующей арміи совершенно невозможно, и что единственный исходъ это переходъ

немедленно на добровольческую армию небольшого размѣра, содержимую на принципѣ строжайшей военной дисциплины.

Крыленко съ этимъ принципомъ согласился, но при условіи, что добровольцы должны принадлежать обязательно къ ихъ партіи.

Твердость нѣмецкаго положенія показываетъ, что они учли развалъ нашей армии и понимаютъ отлично, что, что ни дѣлай теперь комиссары, все равно русскіе воевать уже не могутъ. Комиссары же хорохорятся только для виду, а можетъ быть, и потому, что, какъ говорятъ, Смольный получилъ какія-то опредѣленные требованія отъ своихъ заграничныхъ единомышленниковъ о необходимости продолжать войну для разрушенія нѣмецкаго имперіализма, до тѣхъ поръ пока нѣмецкіе товарищи не усилятся настолько, чтобы заставить свое правительство съ ними считаться.

Надъ офицерами совершили послѣднее надруганіе, лишивъ ихъ семьи всякаго содержанія и сдѣлавъ это безъ всякаго предваренія; въ довольствующихъ учрежденіяхъ сегодня происходили потрясающія сцены, такъ какъ нѣкоторыя жены и вдовы пріѣхали изъ пригородовъ на занятія деньги и имъ не на что вернуться домой, гдѣ сидятъ некормленныя дѣти; положеніе многихъ такое, что въ управленіи воинскаго начальника писаря не выдержали и, забывъ про контръ-революцію, собрали между собой нѣкоторую сумму денегъ и роздали наиболѣе нуждающимся.

19 Декабря. Сегодняшній тонъ «Правды» подтверждаетъ, что между нѣмцами и большевиками пробѣжала черная кошка; газета наполнена горькими упреками по адресу имперіалистическихъ нѣмецкихъ генераловъ, тормозящихъ заключеніе мира; очевидно, Смольному предъявлены такія требованія, что даже тамошніе диктаторы не въ состояніи на нихъ согласиться.

Верхопрапъ Крыленко выступилъ на митингѣ товарищей въ Морскомъ манежѣ и показалъ тамъ всю свою настоящую подоплеку; его рѣчь — это рекордъ подлой злобы противъ офицеровъ, безшабашнаго хвастовства завистливаго неудачника, пробравшагося наконецъ въ люди, и великаго убожества мысли и собственнаго внутренняго содержанія; это какая-то сгущенная квинтъ-эссенція классовой ненависти интеллигентнаго разночинца, изжившаго свою молодость въ ѣдкой атмосферѣ неудовлетворенной жадности, злобной ненависти ко всему, что выше, лучше и счастливѣе и зависти; должно быть тяжелая учительская ляпка большевистскаго Главковерха здорово его исковеркала и сдѣлала изъ него настоящее укусное гнѣздо.

Депутация офицерскихъ женъ цѣлый день моталась по разнымъ комиссарамъ съ просьбою отмѣнить запрещеніе выдать содержаніе за Декабрь; одна изъ представительницъ, жена полковника Малютина спросила помощника военного комиссара товарища Бриллианта, что же дѣлать теперь офицерскимъ женамъ, на что товарищъ съ столь ослѣпительной русской фамиліей, сквозь зубы процѣдилъ: «можете выбирать между наймомъ въ поломойки и поступленіемъ въ партію анархистовъ».

20 Декабря. Прочиталъ въ газетахъ, что въ Томскѣ образуется автономное управленіе Сибири подъ главенствомъ Потанина; порадовался этому извѣстію, такъ какъ увѣренъ, что настоящіе кондовые сибиряки большевизму не поддадутся и сумѣютъ отстоять отъ него свою Сибирь. Встрѣтилъ есаула Перфильева, который сообщилъ, что среди сибиряковъ идетъ секретная организація и отправка въ Сибирь офицеровъ и сохранившихся солдатъ, чтобы потомъ сразу образовать Уральскій фронтъ и положить предѣлъ распространенію большевизма на востокъ. Совершенно неожиданно получилъ предложеніе отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба ѣхать на Дальній Востокъ для временнаго исполненія должности военного агента въ Токио. Несмотря на всю завидность этого предложенія, дающаго мнѣ возможность на законномъ основаніи удрать изъ Петрограда и получить даровой проѣздъ, отказался, такъ какъ неудобно принимать какія-нибудь назначенія отъ Главнаго Управленія, сидящаго между двумя стульями. Вечеромъ у меня былъ М., называлъ Донъ Кихотомъ и уговаривалъ согласиться, какъ для себя лично, такъ и ради спасенія воснной агентуры, которую большевики хотятъ уничтожить. Я по своему дальневосточному цензу единственный кандидатъ, котораго можно отправить, не вызывая комиссарскаго подозрѣнія. Но я все же отказался.

Газеты заговорили о неудачѣ мирныхъ переговоровъ. Большевистская «Правда» наполнена угрозами по адресу нѣмецкихъ имперіалистовъ.

21 Декабря. Большевики продолжаютъ бить по головамъ буржуевъ; даже неудачу мирныхъ переговоровъ взвалили на этихъ несчастныхъ козловъ отпущенія, обвинивъ ихъ въ соглашеніи съ нѣмецкими генералами и во внушеніи послѣднимъ непріемлемыхъ для Смольнаго требованій. Большевистскій офиціозъ внушительно сообщаетъ, что ввиду задержки въ ходѣ мирныхъ переговоровъ товарищъ Крыленко «отбылъ на фронтъ къ своимъ арміямъ».

Несомнѣнно, нѣмцы умрутъ отъ страха и откажутся отъ всего своего имперіализма, какъ только до нихъ дойдетъ грозная вѣсть, что самъ «Наполеону равный» товарищъ Абрамъ, специализировавшійся за время сидѣнія въ разныхъ обозахъ и тыловыхъ убѣжищахъ на стратегическомъ вожденіи армій, принимаетъ на свою гениальную голову руководство военными дѣйствіями и становится во главѣ непобѣдимыхъ разнузданныхъ бандъ, продающихъ врагу свои пушки и пулеметы, и способныхъ только на грабежъ населенія, да на убійства и измыванія надъ отданными на ихъ произволъ офицерами.

Конечно, вся эта комедія продѣлывается по взаимному соглашенію съ нѣмцами для того, чтобы постепенно подойти къ неизбѣжности принятія нѣмецкихъ условий; вѣдь и Троцкій, и Крыленко знаютъ, что армія воевать не можетъ, и направляютъ свои воинственные громы только для одураченія населенія.

22 Декабря. Меня усиленно убѣждаютъ согласиться на японскую командировку, затянуть, насколько возможно, разгромъ большевиками нашей военной агентуры. Щ. и другіе сослуживцы считаютъ, что было бы глупо отказаться отъ такой возможности, которая никакъ чему не обязываетъ, такъ какъ съ момента выхода изъ сферы власти комиссаровъ, откроется возможность и получить полную свободу дѣйствій; это даже будетъ очень эффектно удрать изъ подъ большевистской лапы за большевистскій же счетъ. Одинъ изъ народныхъ комиссаровъ Склянскій упорно настаиваетъ на томъ, чтобы или уничтожить военныхъ агентовъ совсѣмъ, или временно замѣнить ихъ партійными работниками (онъ тоже не расчухалъ, что никто его партійныхъ работниковъ и на границу къ себѣ не пуститъ).

Обѣщаль подумать и завтра пойти въ Главное Управление для окончательной тамъ ориентировки и рѣшенія.

Въ видѣ очередной бутафоріи большевики грозятъ объявить нѣмцамъ священную войну и призвать къ оружію все мужское населеніе. Все это сказки для дѣтей младшаго возраста, ибо комиссары знаютъ, что при всей ихъ аракчеевской рѣшительности, они не чудотворцы и воскресить умершую русскую военную мощь они не въ силахъ; да и не для этого они присланы сюда нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ.

23 Декабря. Ввиду полной невозможности пробраться на югъ, даже по Волгѣ, пошелъ на уговоры своихъ друзей и далъ свое согласіе на командировку меня въ Японію; иного способа уѣхать изъ Петрограда и вывезти свою семью у меня нѣтъ. Сегодня же узналъ, что причиной увольненія большевиками нашихъ военныхъ агентовъ въ Лондонѣ, Римѣ и Токіо явилась присылка Ермоловымъ, Энкелемъ и Яхонтовымъ телеграммъ съ изложеніемъ чувствъ негодованія по поводу захвата власти большевиками; телеграммы эти попали въ руки комиссаровъ и очень усложнили и безъ того корявое положеніе Главнаго Управленія, продолжающаго вести еще всѣ официальные сношенія съ союзными миссіями и въ то же время исполнять распоряженія военнаго комиссаріата. Представители союзныхъ миссій продолжаютъ бывать въ Управленіи и даже очень хлопочутъ о полученіи русскихъ орденовъ согласно ранѣ имѣвшихся на этотъ счетъ предположеній; Главный Штабъ занятъ разверсткой этихъ орденовъ и при миѣ тамъ были разговоры о какой-то замѣнѣ орденовъ старшими для одного изъ японскихъ генераловъ и для нѣсколькихъ французскихъ и итальянскихъ офицеровъ. Всѣ эти награжденія проводятся заднимъ числомъ, какъ бы за время состоянія Военнымъ Министромъ Генерала Маниковского. Военный Комиссаріатъ, очевидно, объ этомъ знаетъ, такъ какъ всюду сидятъ его комиссары, но смотритъ на все это сквозь пальцы. Характерная Россійская каша:

большевики заключаютъ миръ съ нѣмцами и плюютъ на союзниковъ, а союзныя миссіи приходятъ въ Главный Штабъ за полученіемъ русскихъ орденовъ.

24 Декабря. Сильный морозъ и снѣжная мятель; ко мнѣ заходили солдаты, пріѣхавшіе съ фронта, поздравить съ наступающимъ праздникомъ (какъ будто бы можетъ быть какой-нибудь праздникъ при теперешней обстановкѣ; рассказали, что на фронтѣ совсѣмъ тихо, въ ротахъ остались только тѣ, кому идти некуда или не охота возвращаться домой — человекъ по 20—25 въ ротѣ; это сразу облегчило продовольственный вопросъ, и ѣдятъ сейчасъ на фронтѣ обильно и хорошо.

Въ городѣ распространился слухъ, что Крыленко рѣшилъ объявить священную войну всему міру. Положеніе народныхъ комиссаровъ сейчасъ очень неважное: совершили самыя отборныя подлости, отдали на поруганіе всѣ національныя святыни, сманили на свою сторону товарищей, суля имъ немедленный миръ, а вмѣсто этого и на внѣшнемъ фронтѣ что-то не клеится, да и въ самой странѣ получились новые внутренніе фронты, гдѣ придется воевать и воевать серьезно, ибо оттуда поднимается волна на уничтоженіе комиссародержавія и большевизма.

25 Декабря. Печальное, небывало грустное Рождество; сидимъ во мракѣ; электричество даютъ вечеромъ отъ 9 до 10 часовъ, а свѣчи не по карману. Праздничное довольствіе выразилось въ дачѣ еще одной восьмой фунта хлѣба.

Вспоминается прошлое Рождество среди частей 70 дивизіи, въ расцвѣтѣ боевыхъ надеждъ, когда такой близкой казалась возможность скорой побѣды надъ врагомъ, когда и въ мысляхъ не могло быть, что придется встрѣчать слѣдующее Рождество въ такой ужасной обстановкѣ.

26 Декабря. Былъ въ Главномъ Управленіи у генерала Рябикова, вѣдающаго всей агентурой; онъ сообщилъ, что принципиально моя командировка рѣшена, но надо какъ нибудь получить согласіе военныхъ комиссаровъ, въ какомъ направленіи дѣло сейчасъ и ведется. Управление Генераль-квартирмейстера пока еще держится по старому, ведетъ всѣ заграничныя сношенія.

Всѣ концы приходится дѣлать пѣшкомъ, такъ какъ трамваи не ходятъ; утромъ натыкаешься иногда на трупы убитыхъ ночью или на лужи крови; по послѣднимъ всѣ проходятъ также равнодушно, какъ если бы это были лужи воды. По утрамъ на улицахъ бредутъ массы офицеровъ въ штатскомъ, самомъ разношерстномъ одѣяніи; сегодня попался одинъ въ наспѣхъ перешитой женской шинели и въ папахѣ съ выпоротымъ галуномъ; изъ подъ шинели торчали высокіе сапоги.

27 Декабря. Утромъ вышли разрѣшенныя большевиками газеты; содержаніе — обычный винегретъ изъ воплей эсеровъ объ Учредительномъ Собраніи и изъ пережевываній вопроса о заключеніи мира. Заходилъ пріѣхавшій съ фронта телефонистъ 70 дивизіи; говоритъ, что сейчасъ въ частяхъ стало совсѣмъ сносно, ибо самыя отъявленные трусы и шкурники дезертировали, а главные и наиболѣе ѣдкіе агитаторы устремились или въ Петроградъ, или домой въ надеждѣ сдѣлать тамъ большевистскую карьеру и проскочить въ комиссары; на фронтѣ же остались наиболѣе инертные и по сути спокойные солдаты; войны нѣтъ, службы нѣтъ почти никакой, кормятъ сносно, деньги даютъ, чего же еще больше желать. Когда уходили по домамъ, то растаскивали полковые запасы (дѣлили «чихаусы»), а часть обозныхъ и артиллеристовъ уѣхали на долгихъ, запрягши въ казенныя повозки облюбованныхъ и сохранныхъ лошадей.

28 Декабря. Былъ у Управляющаго Военнымъ Министерствомъ генерала Н. М. Потапова (мой сослуживецъ по Л. гв. 3 артиллерійской бригадѣ); во внѣшности все по старому, тотъ же кабинетъ начальника Генеральнаго Штаба, тотъ же секретарь, тотъ же порядокъ пріема.

Не завидую я всѣмъ, застигнутымъ большевизіей на петроградскихъ постахъ и вынужденнымъ продолжать работу и тянуть ставшую каторжной лямку въ надеждѣ, что случится какое-то чудо; это не служба, а какой-то мрачный и невыносимый винегретъ изъ уступокъ собственной совѣсти, компромиссовъ, ухищреній, выторговываній, поддѣльваній подъ тонъ комиссаровъ, въ надеждѣ спасти хоть какіе-нибудь осколки здороваго стараго.

29 Декабря. Насъ перевели на $\frac{1}{4}$ фунта хлѣба; спасаемся только картофелемъ, но и тотъ дошелъ до 30 руб. за пудъ, да чтобы его достать приходится съ 2—3 часовъ ночи становиться въ хвосты и отчаянно мерзнуть. По свѣдѣніямъ газетъ, во многихъ частяхъ Россіи начался свирѣпый голодъ, а въ Туркестанѣ убиваютъ стариковъ. Здѣсь начинаютъ чертобродить именующіе себя анархистами, а въ дѣйствительности отборные подонки тюрьмы и хулиганщины.

Пріѣхалъ мой бывшій начальникъ штаба корпуса полковникъ Бѣловскій; по его словамъ, никакой арміи нѣтъ; товарищи спятъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, ничьихъ приказовъ и распоряженій не исполняютъ; средства связи брошены, телеграфныя и телефонныя линіи свалились, и даже полки не соединены со штабомъ дивизіи; орудія брошены на позиціяхъ, заплыли грязью, занесены снѣгомъ, тутъ же валяются снаряды со снятыми съ нихъ алюминіевыми колпачками (перелиты въ ложки, подстаканники и т. п.). Нѣмцамъ все это отлично извѣстно, такъ какъ они подъ видомъ покупокъ забираются въ наши тылы верстъ на 35—40 отъ фронта; нашихъ товарищей нѣмцы къ себѣ не пускаютъ, держатъ ихъ въ струнѣ и позволяютъ торговать только у особо поставленныхъ рогатокъ. Видѣлъ бывшего командира 27 корпуса ген. Кузьмина-Караваева, только что пріѣхавшаго изъ Тифлиса отъ Главнокомандующаго Кавказской арміей; ѣхалъ сейчасъ, по его словамъ, хуже всякой каторги; онъ самъ видѣлъ нѣсколькихъ пассажировъ, въ томъ числѣ двухъ дамъ, которые были втиснуты въ разрушенныя уборныя, завалены тамъ солдатскими вещами, и ѣхали такъ 10 дней, покупая дорогой цѣной приносимую имъ товарищами воду.

Бѣловскій, между прочимъ, рассказывалъ, что оставшійся въ послѣднее время корпуснымъ комиссаромъ старый солдатъ приходилъ къ нему по вечерамъ и тихонько шепталъ на тему, что теперь все спасеніе въ томъ, чтобы Царя назадъ вернуть.

30 Декабря. Всячески, но пока безплодно пытаюсь достать себѣ не внушающіе подозрѣнія документы, чтобы, при неуспѣхѣ комбинаціи съ японской командировкой, пытаться пробраться на югъ; ругаю себя за малую революціонную опытность: надо было еще при старомъ корпусномъ комитетѣ и комиссарѣ заручиться нѣсколькими бланками за печатями; можно было достать тоже и изъ армейскаго комитета.

31 Декабря. Послѣдній день рокового для Россіи года; за этотъ годъ прожиты многія сотни лѣтъ, а результаты его отразятся на жизни многихъ десятковъ грядущихъ поколѣній. Сидимъ въ самомъ мрачномъ настроеніи, такъ какъ всѣ попытки достать необходимые для отъѣзда документы провалились.

Черноморскій флотъ разразился звѣрскимъ истребленіемъ своихъ офицеровъ. Большевики хорошо понимаютъ, что на ихъ пути къ овладѣнію Россіей и къ погруженію ея въ бездну развала, ужаса и позора главнымъ и активнымъ врагомъ ихъ будетъ русское офицерство и стараются во всю, чтобы его истребить.

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа перелѣзаемъ въ Новый годъ; несмотря ни на что, хочется на что-то надѣяться, но пусто отзывается это въ сердцѣ; слишкомъ мрачны и неприкрашены тѣ пучины русской дѣйствительности и тѣ звѣриныя инстинкты водителей темныхъ массъ русскаго народа, которые «обло, стозѣвно, лаяй и искій кого бы поглотити» вылѣзли наружу и своимъ гноемъ залили все прошедшее и погубили всякія надежды на будущее.

1918 годъ.

1 Января. Трамваи не ходятъ; газетъ нѣтъ; электричество не горитъ; въ животѣ пусто, а въ головѣ и на душѣ какая-то сѣрая слякоть. По истинѣ правъ я былъ, отвѣтивъ на прошлую Пасху на поздравленіе Жилинскаго объ набавленіи меня отъ большой опасности (снарядъ хватилъ между ногами моей лошади, и я отдѣлался только контузіей), что, быть можетъ, я былъ бы счастливѣе, если бы снарядъ попалъ нѣсколько ближе и выше. Умирать все равно когда-нибудь надо.

Спасительный картофель все лѣзетъ вверхъ, сегодня фунтъ его стоитъ уже одинъ рубль, а самъ онъ мерзлый, тяжелый, да земли на немъ еще на гривенникъ.

2 Января. Сидѣть въ темнотѣ при теперешнемъ настроеніи — это кошмаръ, хуже голода; ни читать, ни заниматься; завидуешь тѣмъ квартирантамъ, которые по наряду домоваго комитета сторожатъ входные подъѣзды и ворота и въ распоряженіе которыхъ дается фонарь. Кругомъ вооруженные грабежи, кражи; вчера толпа расправилась самосудомъ съ двумя пойманными около насъ ворами; вообще самосудъ начинаетъ прививаться; очевидно, онъ сродни намъ, а сейчасъ, кромѣ того, даетъ хоть какой-нибудь отвѣтъ на общій вопль найти гдѣ-нибудь защиту. Интересно, что въ самосудѣ принимаютъ участіе многіе интеллигентные по виду зрители, и даже дамы; нервы у всѣхъ такъ взвинчены, что большинство бессильно противостоятъ заболѣванію эмоціями толпы въ ихъ острыхъ проявленіяхъ.

3 Января. Въ Главномъ Управленіи считаютъ, что наша командировка прошла, такъ какъ, повидимому, удалось измѣнить или преодолѣть желаніе военнаго комиссара Склянскаго похерить всѣхъ военныхъ агентовъ; говорятъ, что помогло неопредѣленное положеніе съ заключеніемъ перемирія, и родившаяся изъ того тенденція повременить открытымъ разрывомъ съ союзниками; говорятъ также, что, давая согласіе на командировку трехъ офицеровъ генеральнаго штаба, (меня, Водара и Гудимъ-Левковича) Склянскій сказалъ: «пусть ѣдутъ, но только обязуются насъ не ругать».

Положеніе Главнаго Управленія съ каждымъ днемъ тяжелѣе и невыносимѣе; надняхъ одинъ изъ чиновниковъ, желая подслужиться къ большевикамъ, донесъ Смольному, что не всѣ заграничныя телеграммы докладываются начальникомъ Генеральнаго Штаба; послѣдовалъ обыскъ, отобраніе всѣхъ шифровъ и полная невозможность дальнѣйшей секретной оріентаціи нашихъ агентовъ и пословъ.

Вечеромъ видѣлъ телеграмму генераль-квартирмейстера Западнаго Фронта Подполковника Соллогуба, очень ярко рисующую картину разложенія всѣхъ армій фронта, разрушенія всей организаціи; доносится, что арміи даже нельзя тронуть съ мѣста и отвести назадъ, такъ какъ все, еще оставшееся, немедленно разсыпется, ринется домой и уничтожитъ всѣ прилегающіе къ тыламъ армій районы.

Повседневная административная работа замираетъ, ибо старые цензовые работники разогнаны, а выбранные на ихъ мѣста крикуны, весь цензъ которыхъ только въ глоткѣ и ни передъ чѣмъ не останавливающейся дерзости, ни уха, ни рыла не понимаютъ въ томъ дѣлѣ, вертѣтъ которое взялись.

4 Января. Вызывали въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба; нѣсколько чело-вѣкъ нашихъ офицеровъ судорожно пытаются спасти положеніе, сохранить организацію и всячески тормозить работу большевиковъ на разрушеніе, въ надеждѣ, что царство звѣря продолжится недолго. Я высказалъ имъ свое мнѣніе, что ихъ самопожертвованіе бесполезно, ибо комиссары очень хорошо понимаютъ, какъ къ нимъ относятся, и спѣшно работаютъ надъ созданіемъ собственнаго аппарата военнаго управленія, составленнаго изъ своихъ или изъ надежно купленныхъ людей; то, что дѣлается сейчасъ въ военномъ комиссаріатѣ и въ штабѣ красной арміи, куда перетягиваются цѣлые отдѣлы Главныхъ Управленій, показываетъ достаточно убѣдительно, къ чему стремятся большевики. Намеки на это я слышалъ еще въ Двинскѣ незадолго до своего отъѣзда, когда кто-то изъ большевистскихъ комитетчиковъ, только что вернувшійся изъ Петрограда отъ Склянскаго и Подвойскаго, разболтался по поводу грядущихъ реформъ, желая этимъ показать, очевидно, свою близость къ высокимъ сферамъ; онъ тогда прямо сказалъ, что старыя учрежденія будутъ шадиться до тѣхъ поръ, пока на ихъ мѣсто не построятся комиссарами свои собственныя.

Собираю въ генераль-квартирмейстерствахъ всѣ данныя о дѣйствительномъ положеніи фронта и страны, чтобы имѣть возможность по пріѣздѣ на Дальній Востокъ оріентировать наши посольства въ Токио и Пекинѣ; захватъ шифровъ лишилъ Главное Управленіе возможности дѣлать это телеграфомъ. Приходится все накапливать въ памяти, такъ какъ при современномъ положеніи брать съ собой какіе-либо документы невозможно. Общее настроеніе въ Главномъ Управленіи очень оптимистическое; надѣются на здравый смыслъ народа (они не были на фронтѣ) и увѣряютъ, что ко времени прибытія командиремыхъ за границу на мѣста обстановка рѣзко измѣнится къ лучшему.

Сегодня вышло новое положеніе объ окладахъ содержанія; Главный Штабъ и Управленія выдержали страшную борьбу, но умудрились внести въ это положеніе много здраваго смысла; самое главное, что абсолютное равенство окладовъ признано абсурднымъ и вся реформа свелась къ тому, что младшимъ прибавили, а старшимъ убавили, и сдѣлали это разумно, такъ какъ высшіе оклады военнаго времени были у насъ непомерно велики; послѣ удачной войны можно раздавать особо отличившимся денежныя награды, дарить дома и земли, но бессмысленно въ тяжелое время войны разсыпать милліоны на выдачу такихъ окладовъ, которые по своимъ размѣрамъ ведутъ или къ невѣроятно роскошной жизни или къ накопленію состояній.

Городъ въ ажитациі по поводу предстоящаго открытія Учредительнаго Собранія; слухи ползаютъ самыя пестрые и разнообразныя; большевики готовятся во всю, чтобы остаться хозяевами положенія, и несомнѣнно не останутся ни передъ чѣмъ. Въ Неву привели линейный корабль, два крейсера и нѣсколько миноносцевъ, а составъ гарнизона усиленъ латышами и надежными матросскими отрядами. Что могутъ противопоставить сему товарищи эсеры и прочіе говорливые, но мало дѣйственные сторонники Учредительнаго Собранія.

5 Января. Въ нашемъ районѣ день прошелъ спокойно; въ сторонѣ Литейнаго и Таврическаго Дворца была стрѣльба; пришедшіе отсюда говорятъ, что есть убитые и раненые; обыватель пришипился и только собираетъ слухи. По улицамъ ѣздятъ вооруженные автомобили и ходятъ патрули, съ самыми хулиганскими мордами.

Состоялось ли открытіе «Учредиловки», какъ ее вульгарно теперь называютъ, неизвестно; большевики вѣдь все равно власти не отдадутъ: не для того они ее захватывали; кому охота лишаться всѣхъ матерьяльныхъ и честолюбивыхъ сладостей, связанныхъ съ нахожденіемъ у власти, и уходить въ небытіе подъ пяту новаго властелина или прятаться въ подполье и начинать вновь голодное нелегальное существованіе.

Сами комиссары не уйдутъ, а прогнать ихъ силой въ распоряженіи Учредительнаго Собранія нѣтъ средствъ; болтать за него языкомъ охотниковъ много, а поработать руками почти никого; всѣ будто очень довольны, если придетъ какой-то дядя и прогонитъ сквернаго буку, но никто не желаетъ прогнать его самъ, боясь опасности и непріятныхъ послѣдствій.

Робкій и трясущійся обыватель способенъ только на жалобы (да и то больше шопоткомъ), на тайныя мольбы о приходѣ избавителя, на громкія иногда резолюціи, но не болѣе. Достаточно подходящаго количества матросни и красноармейщины, чтобы обывательщина забралась въ свои мурьи и, обливаясь отъ страха холоднымъ потомъ, была готова лобызать любяя лапы, лишь бы сохранить прикупленные запасы и свои обывательскіе животишки.

Тряслись передъ опричниками, тряслись передъ голубыми ангелами и гороховыми пальто, теперь трясутся передъ товарищами комиссарами.

Въ безформенности, слякотности и трусости нашего обывателя главнымъ образомъ и кроется та нелѣпность, которая позволяетъ уголовно-хулиганской шайкѣ уже второй мѣсяцъ верховодить Россіей, являя міру гнуснѣйшіе образцы охлократіи.

Вчера наканунѣ созыва «Учредилки» большевики выстрѣлили въ массы весьма сумбурной деклараціей правъ.

Вообще векселей и обязательствъ подписано и выброшено во всеобщее употребленіе цѣлая куча; расплачиваться за нихъ вѣдь не комиссарамъ, а Россіи; времл же расплаты комиссары постараются оттянуть насколько возможно, а, если кто подумаетъ торопить, то покажутъ латышскіе и матросскіе штыки.

6 Января. Оказывается, что открытіе Учредительнаго Собранія состоялось, но окончилось его разгономъ. Суть недолгаго засѣданія свелась къ руготнѣ двухъ враждующихъ сторонъ. Преобладаше въ собраніи эсеровъ, на которыхъ большевики смотрятъ какъ на срочныхъ и наиболѣе опасныхъ враговъ, предрѣшило его судьбу. Большевики слишкомъ цѣнятъ власть, чтобы потерять ее только на основаніи голосованій и резолюцій; они дадутъ говорить пулемету, штыку, кулаку и дубинѣ — основнымъ инструментамъ ихъ оркестра.

7 Января. Вышелъ большевистскій декретъ о роспускѣ Учредительнаго Собранія; какъ явно контръ-революціоннаго — въ ярлыкахъ и терминахъ комиссары не стѣсняются и берутъ образцы позабористѣй и похлеще. Теперь очередь за учрежденіемъ російскаго конвента.

Можно себѣ представить какіе вопли поднимуть теперь эсеровскія газеты и какое море негодованія будетъ ими разведено по поводу этого неизбѣжнаго событія.

Эсеровскіе вожди должны были давно уже прозрѣть, кто такой ихъ противникъ, на чемъ онъ базируется и въ чемъ его сила; тогда они обязаны были подумать, чтобы ко времени рѣшительнаго столкновенія противопоставить силу — силѣ, а не ораторскіе надрывы Чернова и Ко. латышскому штыку и матросскому кулаку.

Эсеровскіе вожди обязаны были понять, что передъ ними стоитъ врагъ, несравненно болѣе рѣшительный, чѣмъ былой Царскій режимъ, а кромѣ того несравненно болѣе неприязнистый, жестокой и способный на все. При Царяхъ, наравнѣ со многими, рожденными придворнымъ болотомъ недостатками, стояло благородство аристократической расы, состраданіе, подчасъ величіе души и всегда тѣ сдерживающіе стимулы, которые отличаютъ цивилизованнаго человѣка отъ гориллы и звѣроподобнаго дикаря. Нынѣ же все попало подъ власть больной, патологической и звѣриной похоти и прихоти изувѣровъ-маніаковъ, подкрѣпленныхъ бандами негодяевъ, преступниковъ и хулигановъ, случайно выбившихся на верхъ и на проломъ идущихъ къ намѣченной цѣли.

Большевики не постѣснились позавчера встрѣтить пулеметами толпы народа, попытавшіяся манифестировать въ пользу Учредительнаго Собранія, а когда Собраніе оказалось неподходящаго состава, то его въ два счета разогнали латышскими стрѣлками (последнихъ не трудно понимать, такъ какъ чѣмъ хуже Россіи, тѣмъ больше челолюбивыхъ надеждъ у разныхъ мелкихъ народностей).

Стрѣльба 5 Января все же очень «недемократична», и поэтому всю вину и отвѣтственность за нее комиссары валяютъ опять на буржуевъ, этихъ новоявленныхъ мальчиковъ для сѣченія за всѣ вины большевистской власти. Направляя толпы на буржуевъ, большевики чужими руками расправляются съ опасными для нихъ элементами и въ то же время даютъ направленіе для разряда неудовольствія и ненависти, накапливающихся и противъ нихъ самихъ въ тѣхъ массахъ и подонкахъ населенія, которымъ они столько обѣщали, но удовлетворить во всю ширину ихъ вождѣлений не могли, и которымъ также хочется дорваться до власти и попировать вволюшку.

8 Января. Былъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, гдѣ засталъ интересное засѣданіе: изъ Бреста пріѣхалъ членъ мирной депутаціи ген. штаба Капитанъ Липскій и привезъ на разрѣшеніе цѣлую кучу вопросовъ, на которые сегодня же надо дать отвѣтъ; узналъ, что нѣмцы рѣшили провести будущія границы Россіи по линіи современнаго фронта, и что однимъ изъ условій мира поставлена немедленная демобилизація русской арміи; Курляндія и Польша остаются занятыми нѣмецкими войсками, такъ какъ эти страны уже «самоопредѣлились и, по заявленію нѣмцевъ, желаютъ находиться подъ нѣмецкимъ протекторатомъ (послѣ большевистскихъ экспериментовъ запрощись подъ любой протекторатъ, лишь бы избавиться отъ комиссаровъ!)

Предлагаемая нѣмцами граница сбрасываетъ насъ на сотни лѣтъ назадъ и ставитъ Россію въ невѣроятно невыгодное стратегическое положеніе, такъ какъ всѣ главныя желѣзнодорожныя узлы остаются внѣ этой границы, и все что сдѣлано по постройкѣ стратегической сѣти нашихъ пограничныхъ районовъ въ корнѣ уничтожается.

Кромѣ того по проекту договора Эзель и Даго отходятъ отъ Россіи и входы въ Финскій заливъ находятся не въ нашихъ рукахъ. Всѣ эти требованія, по словамъ Липскаго поставлены нѣмцами въ самой ультимативной формѣ, а вопросъ о границахъ южнѣе Бреста будетъ рѣшаться съ украинцами самостоятельно.

Прямо одурь беретъ отъ того, какой цѣной расплачиваются большевики за представленіе имъ возможности захватить власть надъ Россіей; вѣдь даже проиграй мы прямо войну, условія не были бы хуже и позорнѣе.

Видѣлъ своего стараго врага по крѣпостнымъ вопросамъ, безталаннаго, но вліятельнаго евнуха нашей военно-инженерной техники генерала Величка; онъ изображаетъ

что-то въ родѣ Инспектора по инженерной части и пріѣхалъ изъ Ставки, управляемой Бончъ Бруевичемъ, мерзѣйшей памяти «Маскоттой» старичка Рузскаго. Величко увѣряетъ, что представители союзниковъ до сихъ поръ торгуются съ большевиками по части сохраненія на русскомъ фронтѣ призрака состоянія войны и отказа отъ идеи заключенія сепаратнаго мира; при этомъ большевики ничего опредѣленно не говорятъ, но ставятъ первымъ условіемъ официальное признаніе союзниками ихъ власти.

Ночью красноармейцы убили въ Маріинской больницѣ перевезенныхъ туда изъ Петропавловской крѣпости Кокошкина и Шингарева; послѣдній былъ крупной и очень симпатичной политической фигурой чисто практическаго характера.

9 Января. Весь день прошелъ въ бѣготнѣ по полученіи права на выѣздъ изъ Петрограда; порядокъ или, вѣрнѣе, беспорядокъ такой же, какъ и раньше, но безъ присущей прежнему режиму дѣловитости и опредѣленности (даже въ необходимыхъ смазкахъ); новые чины ничего не понимаютъ въ своемъ дѣлѣ, но строго соблюдаютъ всѣ вишія формы, что еще болѣе затягиваетъ всю процедуру ихъ дѣлопроизводства. Всюду надписи, «просятъ не оскорблять швейцаровъ и курьеровъ предложеніемъ чаевыхъ», но берутъ такъ же, какъ и прежде. Надо получить какой-нибудь паспортъ для себя и для жены, взамѣнъ наличныхъ генеральскихъ, дабы избѣжать по пути всякихъ неприяностей.

Комиссаръ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба положилъ свою печать и подпись на удостовѣреніи личности, данномъ этимъ управленіемъ, но у жены паспортъ на имя жены генераль-лейтенанта.

10 Января. Заходилъ въ кредитную канцелярію, чтобы узнать нельзя ли получить нѣкоторое количество валюты въ обмѣнъ на рубли; оказалось, что въ самомъ началѣ большевистскаго хозяйничанья вся наличная въ канцеляріи валюта куда-то исчезла, остались только греческія драхмы и румынскія леи. Порядки въ канцеляріи самые современные: никто не зналъ, что у нихъ имѣется по части валюты, а затѣмъ принесли ящикъ и стали считать сваленныя туда иностранныя деньги, раздѣляя ихъ тутъ же по категоріямъ.

Съ паспортами еще хуже, такъ какъ послѣ трехдневныхъ мытарствъ заявили, что безъ разрѣшенія Троцкаго не выдаютъ паспортовъ лицамъ, уѣзжающимъ за границу, и что поэтому мнѣ надо отправляться въ Смольный Институтъ и хлопотать о разрѣшеніи.

На такую поѣздку я совершенно не способенъ, даже если бы она и дала мнѣ право на выѣздъ. Рѣшилъ попробовать еще разъ достать паспортъ въ бывшемъ Градоначальствѣ, а если не удастся, то пытаться пробраться на Дальній Востокъ и при одномъ удостовѣреніи Главнаго Управленія.

Скверно то, что по всѣмъ этимъ мытарствамъ приходится ходить пѣшкомъ съ Петроградской стороны, да еще въ полуголодномъ состояніи.

11 Января. Пускаюсь на всякія ухищренія для добычи паспорта, даннаго совѣтской властью; получилъ необходимые квитки отъ домоваго комитета и отъ комиссара Петроградской части. Но въ Градоначальствѣ опять налетѣлъ на требованіе доставить разрѣшеніе отъ кого-нибудь изъ военныхъ комиссаровъ, старые служащіе градоначальства относятся ко мнѣ очень сочувственно, но комиссаръ сама непреклонность. Мои товарищи по командировкѣ пытались добыть паспорта черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ и сначала была надежда на успѣхъ; но затѣмъ товарищъ комиссара Легранъ, обѣщавшій «дать», поссорился съ товарищемъ комиссара Залкиндомъ, который приказалъ «не давать», заявивъ, что онъ постарается похерить всѣ заграничныя командировки и посылать туда надежныхъ товарищей, а не контръ-революціонныхъ генераловъ.

12 Января. Послѣ трехдневныхъ и трехночныхъ стояній въ хвостахъ досталъ билеты на сибирскій экспрессъ, отходящій 23 Января; рѣшилъ ѣхать безъ совѣтскихъ документовъ; говорятъ, что достаточно проскочить за Уралъ, а тамъ досмотры и повѣрки значительно рѣже. Очень боюсь, что за это время комиссары разберутся въ никчемности нашихъ командировокъ и насъ всѣхъ здѣсь прихлопнутъ.

Начали ходить трамваи, но на нихъ можно попасть при наличіи крѣпкой головы и увѣсистыхъ кулаковъ; давка въ вагонахъ такая, что у одной дамы вырѣзали спину каракулеваго пальто, что она замѣтила только послѣ того, какъ вылѣзла изъ вагона.

Встрѣтилъ только-что вернувшагося изъ Кіева полковника Станиславскаго; по его словамъ пѣсня Рады уже спѣта, такъ какъ на ея сторонѣ осталась только интеллигенція, а солдаты и крестьяне уже перешли на сторону большевиковъ, ослѣпленные полученными ими заманчивыми посулами.

Съ Дона тоже идутъ невеселыя вѣсти; повидимому, и тамъ начались какіе-то внутренние раздоры на почвѣ борьбы за власть, вопроса о подчиненіи и т. п.

13 Января. Большевики скушали Учредительное Собраніе и животикъ у нихъ отъ этого не заболѣлъ. Встрѣтилъ нѣсколькихъ эсеровъ, членовъ стараго армейскаго комитета и разогнанной Учредилки. Спросилъ ихъ почему они не примѣняютъ противъ комиссарской власти тѣхъ пріемовъ, коими они подрывали и терроризировали монархію; получилъ отвѣтъ, что такіе пріемы недопустимы въ демократической борьбѣ и что они желаютъ бороться въ открытую.

Въ городѣ пострѣливаютъ; по ночамъ ходить не безопасно, такъ какъ появились шайки грабителей, которые не только обираютъ все цѣнное, но и раздѣваютъ, снимая все платье и обувь.

14 Января. Скороспѣшная свадьба дочери; въ первый разъ надѣлъ всѣ ордена, включая и полученные за эту войну; положеніе было рискованное, такъ какъ въ церкви Ксеніинскаго пріюта, гдѣ происходило вѣнчаніе, пѣли пѣвчіе Семеновскаго полка и если бы кто-нибудь сообщилъ ближайшему комиссару, что въ церкви собрались генералы и офицеры въ погонахъ и орденахъ, то намъ была бы раздѣлка и всѣхъ насъ забрали бы въ узилище.

15 Января. Троцкій на съѣздѣ заявилъ, что требованія нѣмцевъ невыносимы, но воевать мы не можемъ; поэтому онъ не въ состояніи гарантировать заключенія «честнаго демократическаго мира». Весьма пустозвонный и малопонятный наборъ словъ; думается, что и самъ ораторъ не въ состояніи объяснить въ чемъ должна заключаться «честность» и «демократичность», тѣмъ болѣе что оба эти понятія въ большевистскомъ обиходѣ совершенно неизвѣстны.

Въ общемъ одна изъ послѣднихъ сценъ комедіи, разыгрываемой подъ нѣмецкаго режиссера, умѣлое сдабриваніе сквернаго блюда, подносимаго бараньему стаду покорныхъ слушателей.

16 Января. Съ паспортомъ потерпѣлъ полное фіаско; комиссаръ градоначальства изволилъ «демократически разсердиться» и приказалъ мнѣ сказать, чтобы безъ разрѣшенія военнаго комиссаріата я не смѣлъ являться.

Приходится пускаться въ обильный повѣрками путь съ довольно ненадежнымъ документомъ.

17 Января. Въ Главномъ Управленіи видѣлъ интересное секретное сообщеніе изъ Парижа, передающее интимныя подробности Бернской соціалистической конференціи; изъ словъ нѣмецкихъ соціалистовъ видно, что Германія не надѣется на окончательную побѣду и считаетъ колоніи и вліяніе въ Сиріи и Мессопотаміи потеряннымъ; поэтому-то и надо получить свободный рынокъ въ Россіи и тутъ возмѣстить и наверстать всѣ свои колониальныя потери.

Вообще, на возможный исходъ войны смотрится почти исключительно съ коммерческой точки зрѣнія; знаменательно то, что интересы Турціи и Болгаріи совершенно игнорируются и за ихъ счетъ проэктируются разныя расплаты и компенсаціи.

18 Января. Весь день провелъ въ разныхъ хвостахъ; 2½ часа простоялъ у кассы переводовъ Государственнаго Банка, чтобы получить присланные изъ корпуса 400 рублей, — за все это время удовлетворили только одиннадцать человекъ.

19 Января. Начались обыски квартиръ въ поискахъ скрытыхъ и накопленныхъ запасовъ разныхъ продуктовъ. Совѣтскія газеты оповѣщаютъ о какихъ-то замѣчательныхъ успѣхахъ своихъ войскъ на внутреннемъ южномъ фронтѣ и о томъ, что въ Германіи вспыхнула революція; послѣднюю сказку мы слышимъ уже не въ первый разъ: вспоминаю, какъ бѣсновалась на Невскомъ толпа, кажется, 2 Марта, когда по улицамъ носились автомобили, выкрикивали и разбрасывали плакаты съ объявленіями объ убійствѣ Вильгельма и раненіи Кроппринца.

Заходилъ Перфильевъ; говорить, что Сибиряки усердно работают и готовятъ для грядущаго Сибирскаго Учредительнаго Собранія проекты по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства, экономической и общественной жизни, дабы сразу же приступить къ созидательной работѣ.

20 Января. Усилились пьяные погромы; въ районѣ Вознесенскаго проспекта и Екатериненскаго канала происходятъ цѣлые бои между бандами погромщиковъ и латышскими стрѣлками; рассказываютъ, что послѣ одной экзекуціи нѣсколько большихъ грузовиковъ вывозили на взморье трупы убитыхъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Сидимъ на голодной дачѣ; радуемся уже и $\frac{3}{8}$ фунтамъ хлѣба, ибо чаще получаемъ только четвертушку.

Товарищи торгуютъ во всю; у нихъ можно доставать хлѣбъ, сало, ветчину, отличное масло, сахаръ и всевозможные спиртные напитки; посредниками служатъ обыкновенно швейцары.

21 Января. Большевики захватили Александро-Невскую лавру, причемъ убить священникъ Скипетровъ; это вызвало сильное возбужденіе среди всѣхъ слоевъ населенія. Завтра предполагается грандіозный крестный ходъ и провозглашеніе анаемы всѣмъ покушающимся на церковь. Конечно, по своимъ нравамъ Александро-Невская лавра учрежденіе малопочтенное и весьма коммерческое, но здѣсь затронуты религиозныя чувства, очень эмоціональныя и способныя вызвать взрывы дѣйственности даже и у слабыхъ волей.

22 Января. Крестные ходы состоялись и кончились благополучно; картина была очень внушительная и чувствовалось, что тутъ затронуты весьма чувствительныя струны. Комиссары поняли, что есть такіе отдѣлы жизни, гдѣ не надо доводить настроеніе толпы до опасной точки кипѣнія, и не только не препятствовали крестному ходу, но и приказали своей опричнинѣ не задѣвать участвующихъ и вести себя корректно.

23, 24, 25 Января. 23-го вечеромъ тронулись въ далекій путь въ родныя сибирскія мѣста. При посадкѣ украли чемоданъ со всѣми моими документами, старыми фамильными бумагами и всѣми фотографіями родныхъ и дѣтей. Судьба какъ бы хочетъ показать, что прошлому полный конецъ; душа такъ обмозолилась, что я довольно тупо, съ чувствомъ уже оглушеннаго животнаго перенесъ эту потерю, которая въ былыя времена нанесла бы мнѣ жесточайшій ударъ. Послѣ того, что потеряно за время съ 1 Марта 1917 года, чувствительныхъ потерь быть уже не можетъ.

Но все же дорогой цѣной пришлось заплатить за разставанье съ проклятымъ Петроградскимъ болотомъ.

Бдемъ прилично; коридоры вагоновъ заполнены товарищами, которые ведутъ себя прилично, въ купе не лѣзутъ и даже стараются услужить, исполняя разныя мелкія порученія; объясняется это отчасти пожилымъ составомъ ѣдущихъ (старые солдаты срока службы 1901—2 годовъ), а также и строгими мѣрами, принятыми комиссарами, противопоставившими солдатамъ красную армію и красную милицію.

Бдемъ медленно, такъ какъ впереди идетъ воинскій поѣздъ, перегнать который товарищи никому не позволяютъ. Чѣмъ дальше отъ Петрограда, тѣмъ больше на станціи продуктовъ и тѣмъ ниже цѣны. На станціяхъ полное безлюдье, такъ какъ желѣзнодорожныя служащіе прячутся отъ товарищей, требующихъ отправки поѣздовъ внѣ всякихъ правилъ и творящихъ при отказѣ самую жестокія насилія (кладутъ на рельсы и давятъ паровозами; засовываютъ въ локомотивныя топки и т. п.

Торговки съѣстными припасами сидятъ за толстыми деревянными рѣшетками — послѣреволюціонное повшество, котораго прежде не было.

Среди ѣдущихъ съ нами товарищей никакихъ политическихъ разговоровъ не слышно; всѣ мысли направлены къ дому и семьѣ, а затѣмъ къ покупкѣ хлѣба и добычѣ кипятку на станціяхъ.

На второй день пути въ поѣздъ стали лѣзть отставшіе отъ впереди идущихъ воинскихъ эшелоновъ; этотъ сортъ товарищей много похуже — расхлябанные, нахальные, многіе въ полпьяна, съ постоянной матерщиной на языкѣ, типичные представители городской и деревенской хулиганщины. Часть изъ нихъ ѣдетъ съ вшитовками и ручными

гранатами, довольно неприятное сосѣдство, такъ какъ гранаты недостаточно тщательнаго изготовленія склонны къ самовзрыванію.

Когда подходили къ станціи Шарья, то тамъ происходило побоище между прибывшимъ на станцію эшелонѣмъ и мѣстными милиціонерами; побоище окончилось восьмью убитыми и нѣсколькими десятками раненыхъ.

26 Января. Только утромъ добрались до Вятки, гдѣ насъ угостили форменнымъ обыскомъ съ выворачиваніемъ всѣхъ вещей; у меня даже откупорили всѣ бывшія у меня шесть бутылокъ Боржома; искали оружіе, спиртные напитки и драгоценныя металлы; едва успѣлъ спрятать часы и уцѣлѣвшую у меня золотую медаль. При производствѣ обыска была видна опытная рука, но наружно были утонченно вѣжливы, сами ничего не трогали, а все заставляли дѣлать самихъ владѣльцевъ.

Вагонъ-ресторанъ у насъ анекспровали для какого-то чрезвычайнаго комиссара Сѣверной Области, носящагося въ великолѣпномъ поѣздѣ изъ царскихъ вагоновъ и творящаго судъ и расправу; на станціи рассказывали, что сегодня утромъ онъ нагналъ эшелонъ, устроившій побоище на ст. Шарья, и разстрѣлялъ тутъ же на полотнѣ всѣхъ зачинщиковъ.

Увидавъ въ нашемъ поѣздѣ вагонъ-ресторанъ грозный комиссаръ рѣшилъ, что буржуи могутъ обойтись и безъ этого вагона, и перевелъ его на свой меридіанъ; намъ это все равно, ибо мы имъ не пользуемся, но за то въ отчаяніи опіопровозители, составляющіе половину пассажировъ: оказывается, что у нихъ въ стѣнкахъ вагона-ресторана задѣлано восемь пудовъ опіума, стоимостью свыше полумилліона. Одинъ изъ нихъ остался въ Вяткѣ, очевидно для того, чтобы выручать свой товаръ.

Купилъ «Вятскую Правду» (всѣ «Правды» большевистскія); хроника сообщаетъ, что 23-го Января у Александровскаго Собора разстрѣляно пять грабителей; отмѣчено, что высшая мѣра наказанія — разстрѣлъ примѣнена потому, что при грабежахъ они именовали себя «большевиками».

27 Января. Подвижной составъ нашего поѣзда совсѣмъ расхлябанъ, чинимся чуть ли по пять-шесть разъ въ день. Двигаемся очень медленно, зато отъѣдаемся во всю; хлѣбъ всюду отличный, а главное, покупай его сколько тебѣ захочется. Ъдемъ подъ угрозой, что дальше Екатеринбурга не пустятъ, такъ какъ желѣзнодорожные комиссары рѣшили уничтожить буржуйныя экспрессы.

Разговорился съ ѣдущими въ нашихъ коридорахъ солдатами, преимущественно съ западнаго фронта; на революцію они смотрятъ съ точки зрѣнія перехода къ нимъ земли, а поднявшагося безпорядка въ большинствѣ не одобряютъ; социализмъ въ земельномъ отношеніи понимаютъ въ томъ смыслѣ, что земля должна быть отдана имъ и затѣмъ дѣлается ихъ неотъемлемой собственностью съ правами наслѣдства и т. п.; представленія о томъ, что получится, если раздать всѣ церковныя, государственныя и помѣщичьи земли, не имѣютъ никакого; когда я спросилъ, сколько же по ихъ мнѣнію придется на брата, то они замаялись, а потомъ одинъ нерѣшительно вымолвилъ, а другіе подхватили, что по сотни двѣ десятины, навѣрно, придется. Когда я имъ объяснилъ дѣйствительное положеніе, то на меня посмотрѣли недоувѣрчиво и хорошія отношенія, бывшія между нами уже нѣсколько дней, сразу потускнѣли.

То же самое было и у меня въ корпусѣ; главной задачей моей Креславской школы и было дать солдатамъ крестьянамъ реальныя знанія по основамъ государственной, общественной и деревенской жизни

28 Января. За сутки проѣхали только 300 верстъ, много остановокъ изъ-за поломки подвижнаго состава. Встрѣчныя пассажирскіе поѣзда безъ стеколъ, съ выломанными дверями; въ мягкихъ вагонахъ вся внутренность выдрана. Подсаживающіеся къ намъ, отставшіе отъ эшелоновъ товарищи, уходя, тащатъ съ собой коврики, занавѣски, оконныя ремни, даже мѣдные гвоздики, но страдаютъ только коридоры и уборныя.

Опять попали въ голодный районъ; на станціяхъ пусто, нельзя достать ни хлѣба, ни молока.

Въ поѣздѣ сѣло нѣсколько уральскихъ общественныхъ дѣятелей, пробирающихся въ Томскъ; по ихъ словамъ всюду на заводахъ идетъ полный развалъ, и если такъ будетъ

продолжаться, то весь Уралъ скоро станетъ; будутъ продолжаться работы чисто мѣстнаго, полукустарнаго характера. Всюду идетъ страшное воровство, а гдѣ можно и грабежъ складовъ; кое-гдѣ начали разворовывать заводское оборудованіе.

29 Января. Въѣхали въ страну съ обиліемъ плодовъ земныхъ; Екатеринбургъ проскочили благополучно и ѣдемъ по линіи Тюмень—Омскъ; станціонные лотки завалены гусями, поросятами, бараниной, сыромъ, сливочнымъ масломъ, калачами и бѣлымъ хлѣбомъ; цѣны очень низкія, и оголодавшіе пассажиры жуютъ цѣлый день.

Въ Тюмени къ намъ сѣлъ Барнаульскій городской голова; по его словамъ въ Сибири идетъ уже большевистское движеніе, но не такое рѣзкое и радикальное, какъ у насъ въ Россіи. Настроеніе деревни пестрое: тамъ, гдѣ много солдатъ вернулось съ фронта, тамъ большевистское, а гдѣ поменьше — тамъ спокойное. Города, за исключеніемъ Семипалатинска, Кургана и Ирбита, махрово-большевистскіе и въ рукахъ пріѣзжихъ (по сибирски «навозныхъ») большевиковъ самаго каторжнаго типа; съ разваломъ власти, много уголовныхъ и каторжныхъ перекрасились въ политическіе мученики и вылѣзли въ крупныя политическія дамки.

Сейчасъ въ Сибири кипитъ большая работа по предстоящему переустройству всей сибирской жизни, стиснутой раньше давленіемъ Петрограда и Москвы; перспективы пока самыя радужныя, особенно въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Съ довольствіемъ вообще хорошо; хуже въ городахъ. Алтайскій край переполненъ хлѣбомъ, но населеніе не хочетъ его продавать изъ ненависти къ городамъ. Сибирь за время войны очень разбогатѣла, продавая свое сырье.

30 Января. Проѣхали Омскъ; здѣсь узналъ, что большевики арестовали весь составъ Сибирской Областной Думы, и что заключенъ миръ съ Германіей. Значитъ вся Сибирская работа пошла на смарку; и здѣсь государственно настроенные элементы опоздали организаціей, не сумѣли во время создать реальную силу и на нее опереться; инертное населеніе ихъ не поддержало, и они рухнули подъ напоромъ городского большевизма. Всюду то же самое; всюду однѣ и тѣ-же ошибки. Страшно обидно за Сибирь; я очень надѣялся, что она станетъ оплотомъ противъ большевизма, и что на ней можно организовать спасеніе всей Россіи; вѣдь природнаго большевизма здѣсь нѣтъ.

Мира, собственно говоря, не заключили, а «прекратили состояніе войны»; новое международное, очень хитроумное понятіе.

Вышли декреты объ аннулированіи всѣхъ займовъ и о націонализаціи пароходныхъ предпріятій.

Коридоры вагоновъ, опустѣвшіе около Екатеринбурга и Тюмени, опять наполнились солдатами мѣстнаго сообщенія; многіе изъ нихъ жалуются, что деревню заѣдаетъ самогонка, разводящая небывалое еще пьянство; оттого и хлѣба мало, потому что много зерна идетъ на приготовленіе самогонки; пудъ зерна даетъ этимъ путемъ до ста рублей чистой прибыли; аппаратовъ же для гонки сколько угодно, такъ какъ ими были полны склады разгромленныхъ акцизныхъ управленій, въ которыхъ хранились отобранные въ прежнія времена у населенія самогоночные аппараты.

31 Января. Едва выскочилъ, да и выскочилъ-ли еще изъ очень сквернаго положенія. Въ Ново-Николаевскѣ при провѣркѣ документовъ какой-то прыщавый товарищъ обратилъ вниманіе на паспортъ моей жены, написанный на имя генераль-лейтенанта и уже почти передъ отправленіемъ снялъ меня съ поѣзда и отправилъ въ мѣстный совдепъ; тамъ засѣдало нѣсколько прапорщиковъ и старыхъ солдатъ подъ предсѣдательствомъ какого-то интеллигентнаго субъекта докторскаго или учительскаго типа. Выслушавъ докладъ взявшаго меня товарища, предсѣдатель коротко распорядился «снять съ поѣзда и отправить на гауптвахту». Я пытался указывать на свою оффиціальную командировку; заявилъ, что я ѣду съ чрезвычайно серьезнымъ порученіемъ въ Японію и что задерживающіе меня рискуютъ отвѣтить передъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ.

На послѣднее предсѣдатель очень рѣзко буркнулъ, что они очень мало беспокоятся, какъ отнесется къ нимъ Москва; выручила меня добавочная фраза предсѣдателя «много васъ тутъ ѣдетъ со всякими документами; чѣмъ вы докажете, что вы тотъ, за кого себя выдаете». На мое счастье въ помѣщеніи совдепа оказался ѣхавшій на Дальній Востокъ

назначенный туда комиссаромъ поручикъ Левицкій, бывшій гимназистъ Владивостокской гимназіи, знавшій меня по отношенію къ бойскоутскимъ организаціямъ, который и заявилъ, что знаетъ, что я дѣйствительно то лицо, которое означено въ имѣвшихся у меня документахъ.

Въ мою судьбу вмѣшались бывшіе въ совдепѣ солдаты и въ концѣ концовъ рѣшили арестовать меня въ поѣздѣ и отдать подъ надзоръ комиссара Левицкаго, а за это время запросить Петроградъ и рѣшить мою судьбу уже въ Иркутскѣ. Предсѣдатель долго упирался, настаивалъ на томъ, что если бы у меня дѣйствительно было важное порученіе въ Японію, то мои документы были бы за подписью Троцкаго и военныхъ комиссаровъ, и только подъ давленіемъ членовъ солдатъ, стоявшихъ за необходимость пропустить меня скорѣе въ Японію, сдался на предложенный компромиссъ. Причину ярости предсѣдателя я усматриваю изъ его интереса, не брать ли я прокурора Красноярскаго окружнаго суда; вѣроятно, съ тѣмъ у него остались какіе-нибудь счеты по старой судимости.

Передъ возвращеніемъ въ поѣздъ долго допытывались, не знаю ли я по Дальнему Востоку какого-то казачьяго есаула Семенова.

1 Февраля. Вездѣ на станціяхъ уже 14 февраля, такъ какъ большевики декретировали переходъ на новый стиль. Ъду подъ вагоннымъ, такъ сказать, арестомъ. Нашъ поѣздъ медленно ползетъ въ хвостѣ пачки изъ пяти эшелоновъ демобилизованныхъ солдатъ, которые никого впередъ не пускаютъ. Жена спросила одного начальника станціи, почему они не пропустятъ экспресса впередъ во время остановки товарищей на продовольственныхъ пунктахъ, на что тотъ ей отвѣтилъ: «сударыня, развѣ охота кому умирать раньше времени и насильственной смертью».

Наши опиоторговцы отъ Вятки въ угнетенномъ состояніи; ѣдущій съ нами владивостокскій купецъ Поповъ рассказываетъ, что опиоторговля за послѣднее время получила прочную организацію и имѣетъ цѣлую сеть конторъ и агентовъ; наиболѣе дорогой опиумъ везется изъ Персіи и Туркестана въ Петроградъ, тамъ задѣлывается въ стѣнки экспрессныхъ поѣздовъ и переѣзжаетъ въ Харбинъ. Главная агентура состоитъ изъ очень нарядныхъ, но также очень развязныхъ дамъ, умѣющихъ въ нужныхъ случаяхъ быть дамами, пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, для тѣхъ агентовъ власти, кои могутъ мѣшать торговлѣ; зарабатываютъ онѣ по нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ рублей въ рейсъ и потому швыряютъ деньгами во всю.

2 Февраля. Встрѣтилъ въ коридорѣ сосѣдняго вагона нѣсколькихъ старыхъ солдатъ своего бывшего корпуса, ѣдущихъ съ фронта; очень жалуются на то, что по дорогѣ имъ не было житья отъ красноармейцевъ, занимающихъ большія станціи; солдатъ всячески притѣсняютъ, бьютъ и даже разстрѣливаютъ. Быстро разсчитываются комиссары съ тѣми, при помощи кулаковъ и темноты которыхъ они вылѣзли на верхи Россійской власти. Цейхгаузы на фронтѣ всѣ подѣлили, а кто поближе, ушелъ домой съ конями и съ повозками.

3 Февраля. Попадающіяся по дорогѣ сибирскія газеты даютъ достаточно яркую картину захвата Сибири большевиками; центръ большевизма повидимому Иркутскъ, томскія же областническія организаціи совершенно разгромлены. Мѣстные большевики считаютъ себя автономными и связанными съ Петроградомъ только партійными интересами; мнѣ это очень не улыбается ввиду предстоящаго рѣшенія моей судьбы въ Иркутскѣ.

Былъ испытываемъ везущимъ меня комиссаромъ Левицкимъ по поводу тѣхъ порученій, съ которыми я ѣду въ Японію; отвѣтилъ, что до пріѣзда на мѣсто, это совершенно исключительный секретъ начальника Генеральнаго Штаба и не можетъ быть никому сообщенъ. Узналъ, что для комиссаровъ проѣздъ на Харбинъ закрытъ, такъ какъ въ районѣ Читы сидятъ казаки какого то есаула Семенова, которые разстрѣляли попавшагося имъ въ поѣздѣ товарища морскаго комиссара, а его спутникамъ матросамъ всыпали по 150 нагаекъ и вернули ихъ обратно въ Иркутскъ.

Отпускъ выпоротыхъ товарищей обратно не особенно умень, такъ какъ они начнутъ мстить, отчего будутъ страдать тѣ офицеры, которые съ большими опасностями и лишениями пробираются на Дальній Востокъ, пытаюсь тамъ найти убѣжище отъ комиссаро-

державія. На нихъ уже и сейчасъ идетъ ожесточенная охота; въ эшелонахъ осматриваютъ руки и всѣхъ съ бѣлыми нерабочими руками сажаютъ на гауптвахты.

4 Февраля. Проскочилъ Иркутскъ благополучно; тамъ происходилъ какой-то большевистскій съѣздъ и какія-то внутреннія осложненія и мой гардіенъ-комиссаръ, которому было очевидно не до меня, умчался въ городъ. Поѣздъ скоро двинулся дальше и я, считая себя арестованнымъ при моемъ вагонѣ, отправился дальше; хотя надо проскочить еще за Читу, но шансы попасть въ руки товарищей въ отместку за выпоротыхъ матросовъ стали много меньше. Только къ вечеру догадался, какъ былъ неостороженъ, продолжая эти дни везти при себѣ письма и двѣ тетради дневника.

5 Февраля. За Иркутскомъ пошли съ приличной скоростью; вездѣ тихо и порядокъ; на платформахъ благообразные милицейскіе, въ буфетахъ чисто, столы накрыты скатертями, однимъ словомъ все по хорошему, по старому. Пугали обысками въ Читѣ, гдѣ, какъ говорятъ, пришедшіе съ фронта казаки арестовали офицеровъ и собираются грабить городъ, чтобы получить обѣщанныя кѣмъ-то деньги. Проѣхали, однако, благополучно; въ Читѣ видны только разбитыя окна магазиновъ и слѣды уличныхъ погромовъ. За Читой царство большевизма кончилось и впервые за четыре дня я вздохнулъ свободно и почувствовалъ, какой мечъ висѣлъ надо мной это время; попади я на Ново-Николаевскую гауптвахту, тамъ бы мнѣ и крышка; спасибо, что судьба бросила на мою дорогу этого Левицкаго.

6 Февраля. Проѣхали станцію Маньчжурію, новоявленную штабъ-квартиру антибольшевистской организаціи есаула Семенова; на вокзалѣ большой порядокъ, ходятъ офицерскіе патрули; произвели повѣрку документовъ и багажа очень вѣжливо и предупредительно; почувствовалъ себя опять человѣкомъ, а не безправной пѣшкой, доступной произволу всякаго штыкократа.

Говорятъ, что большевики начали наступленіе на передовыя части Семенова; когда мы были на станціи Даурія, то ея гарнизонъ садился въ вагоны, чтобы отходить къ границѣ.

Положеніе на станціи Маньчжурія обезпечивается китайскими войсками, которыя заявили, что никого черезъ границу не пустятъ; повидимому, китайцы ведутъ себя умнѣе другихъ союзниковъ, показывая большевикамъ кулаки и зубы, то-есть примѣняя одинаковое съ противниками оружіе; такъ было ими сдѣлано нѣсколько недѣль тому назадъ при разоруженіи Харбинскихъ большевиковъ.

Съ нашего поѣзда сняли двухъ матросовъ съ «Андрея Первозваннаго», причемъ тутъ же ихъ избили; хотя видъ у нихъ самый углубительный, но это не можетъ оправдать ихъ избіенія; намъ нельзя опускаться до тѣхъ пріемовъ, коими отличается большевистская сволочь; надо сохранить порядочность и законность; можно разстрѣливать по суду сотни, но нельзя тронуть пальцемъ ни одного виновнаго, какъ бы ни горьки и ужасны были прошлыя переживанія.

Наружная сторона на ст. Маньчжурія мнѣ не особенно понравилась; я вообще большой скептикъ на счетъ того, что можно создать что-либо прочное изъ такъ называемыхъ офицеровъ военнаго времени; обвинять ихъ самихъ въ этомъ нельзя, такъ какъ не они въ томъ виноваты, но считается съ этимъ приходится. Ротмистръ, начальникъ пропускнаго пункта, рассказалъ, что среди мѣстной организаціи очень развитъ картежь и выпивка, и очень мало внутренней дисциплины.

Надо всю эту молодежь собрать и засадить въ самыя тяжелыя условія службы и работы и настоящей духовной дисциплины; тогда черезъ годъ изъ нихъ можетъ получиться нѣчто надежное и устойчивое; сейчасъ же эта смѣсь прапорщиковъ, юнкеровъ и кадетъ своимъ распущеннымъ (внутрине; по внѣшности они утрированно, по юнкерски подтянуты) видомъ и бьющимъ въ глаза правственнымъ разгильдяйствомъ очень меня огорчила.

Типы современнаго молодого офицерства мы видѣли достаточно на фронтѣ; встрѣтились съ ними даже и въ нашемъ поѣздѣ, въ которомъ, скрываясь отъ комиссаровъ, ѣхало нѣсколько молодыхъ офицеровъ, переодѣтыхъ солдатами; мы ихъ напоили, накормили, прятали ихъ въ куле при осмотрахъ, собрали имъ нѣсколько сотъ рублей денегъ. Какъ

стало нѣсколько безопаснѣе, они уже предложили себя въ качествѣ партнеровъ въ карты (игра шла по крупной) и были очень обижены, когда удивленные пассажиры отказались ихъ принять.

Проѣхавъ ст. Маньчжурію, эти типы совершенно распустились, обнаглѣли и едва унавали тѣхъ людей, которые ихъ спасали и снабдили деньгами.

7 и 8 Февраля. Добрались до Харбина. Здѣсь нѣтъ большевиковъ, но порядки неважные, особенно для меня, стараго Амурца, свидѣтеля и участника того, какъ создавалась здѣсь русская мощь и какой высоты она достигала. Съ одной стороны меня сразу рѣзнуло несомнѣнное засилье китайцевъ, которые сразу вернули многое изъ того, что они постепенно уступали и теряли, начиная съ 1900 года; они, какъ никто другой, учли слабость русскаго медвѣдя, сваленнаго съ ногъ революціей и ея постепеннымъ углубленіемъ.

Обольшевиченіе русскихъ войскъ, стоявшихъ въ полосѣ отчужденія (ополченскія части и желѣзнодорожная бригада), слѣпо допущенное центральной и мѣстной властями, какъ нельзя лучше сыграли въ руку китайцевъ; декабрьскіе беспорядки среди харбинскихъ войскъ дали китайцамъ поводъ обезоружить, запереть въ вагоны и вышвырнуть изъ предѣловъ Маньчжуріи всѣ остатки русскихъ вооруженныхъ силъ, и послѣ этого стать на почву основного договора, допускавшаго здѣсь только охрану дороги особыми охранными, но не воинскими частями. То, чего мы добивались такъ долго, когда ввели наши регулярныя войска въ предѣлы дороги и создали Заамурскій Округъ Пограничной Стражи, было потеряно въ нѣсколько дней. Было огромной ошибкой то, что увели пограничный корпусъ на войну, не сформировавъ вмѣсто него Ersatz-части.

А теперь возвратъ къ старому, повидимому, уже невозможенъ.

Другой скверной стороной здѣшняго положенія является то, что сюда набились рааные спасители отечества, которые думаютъ создать цѣлую армію изъ офицеровъ и добровольцевъ и двинуться противъ большевиковъ; основаніемъ для этой арміи хотятъ взять Семеновскій отрядъ. Городъ набитъ темными авантюристами и очень разболтанными офицерами. Всѣ жаждутъ хорошихъ штатовъ и назначеній, достойныхъ тѣхъ, кто первыми подняли знамя борьбы съ большевиками (пока что борьба идетъ китайскими руками, подъ крыломъ китайскаго дракона; безъ этого здѣсь прочно сидѣли бы большевики и правили комиссары); психологія у большинства та же комиссарская, только подъ другимъ соусомъ; всѣ считаютъ себя въ правѣ сдѣлаться высокимъ начальствомъ, рѣшительно распоряжаться и быть щедро оплачиваемымъ; заниматься же грязнымъ дѣломъ борьбы на фронтѣ предоставляется экзальтированной молодежи, кадетамъ и юнкерамъ, а также немногимъ сохранившимся офицерамъ старой закалки, готовымъ за идею все отдать и всѣмъ пожертвовать.

Ожидаютъ прибытія изъ Никольска сидящаго тамъ бывшаго командира 1 Сибирскаго корпуса генерала Плѣшкова, выдвинутаго для возглавленія всѣхъ образовавшихся здѣсь организацій, никого не слушающихъ и другъ на друга топорщащихся.

По моему трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ, такъ какъ Плѣшковъ это типичная фигура стараго командованія, добродушный, обходительный баринъ, ничѣмъ остро не интересующійся, любящій спокойную и безъ волненій, равнотекущую жизнь высокаго военнаго начальника довоеннаго времени, — однимъ словомъ, совершенно не то, что нужно сейчасъ, чтобы собрать и организовать всю эту разношерстную и несомнѣнно очень распустившуюся толпу, забрать ее въ ежовыя рукавицы и заставить работать и учиться, ибо только трудъ, внутренняя дисциплина и воспитаніе въ духѣ жертвеннаго подвига и безкорыстнаго служенія идеѣ можетъ дать то, что сейчасъ такъ остро и спѣшно нужно Россіи, то-есть корпусъ добровольцевъ, рыцарей Бѣлаго Креста, чистыхъ подвижниковъ, ничего себѣ не ищущихъ, и все готовыхъ отдать на служеніе великому и святому дѣлу.

То, что мы видѣли на фронтѣ; то, что я видѣлъ и слышалъ по дорогѣ и что узналъ въ Харбинѣ, убѣждаетъ, что для достиженія такой цѣли нужна желѣзная рука, великій организаторскій талантъ, большія военныя знанія и огромный житейскій и служебный опытъ; вѣдь все сейчасъ такъ разболталось и отвыкло отъ идеи повинненія и принужде-

нія; огромное большинство неустоявшейся, больной переживаніями войны и революціи, молодежи недалеко ушло отъ большевизма, только другого цвѣта; желанія у него самыя большевистскія: побольше наслажденій и поменьше испытаній; побольше денегъ и вкусныхъ правъ и поменьше работы и неприятныхъ обязанностей; исполненіе приказовъ и распоряженій только постольку, поскольку они пріятны исполняющему, и вообще поскольку онъ намѣренъ и расположенъ ихъ исполнять.

Протестъ противъ принужденія, склонность къ произволу, лѣни у всѣхъ насъ въ крови и достаточно малѣйшаго послабленія, чтобы мы всѣ раздрессировались; кромѣ того, всѣ мы слишкомъ привыкли къ тому, что обязанности внизу, а права и вкусныя вещи наверху, а потому всѣмъ хочется наверхъ.

Противно то, что всѣ эти, собственно говоря, звѣрия, перешедшія отъ первобытныхъ предковъ возжелѣнія прикрываются фіговымъ листомъ любви къ отечеству, борьбы за идею, борьбы съ большевизмомъ, а по секрету и подъ пьяную руку огнедышащею преданностью монархіи (на неприятныя воспоминанія память коротка, и всѣ забыли, какъ спокойно предали они эту монархію годъ тому назадъ).

Повидимому, правый большевизмъ расцвѣлъ здѣсь махровымъ цвѣтомъ, ободрился и хозяйничаетъ; все, что противъ него и съ нимъ несогласно, наименовывается краснымъ большевизмомъ, а далѣе возможны эксцессы и насилія до убійства включительно; такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, встрѣченные сегодня знакомые и сослуживцы самаго безпристрастнаго и праваго лагеря.

Сейчасъ всѣ усилія этихъ бѣлыхъ товарищей направлены къ тому, чтобы свалить начальника охранной стражи генерала Самойлова, здраво смотрящаго на существующее положеніе, успѣвшаго спасти отъ расхищенія серебряный запасъ бывшаго Заамурскаго Округа и упорно отстаивающаго отъ разграбленія довольно солидное имущество этого округа; зная Самойлова очень давно, я увѣренъ, что онъ хочетъ побѣды надъ большевиками и спасенія Россіи больше чѣмъ тысячи этихъ господъ, но онъ, какъ старый и опытный служака, понимаетъ, что такія нешуточные цѣли достигаются организаціей, дисциплиной и тяжелымъ трудомъ, а не бахвальствомъ, распушенностью, лѣнью, развратомъ и насиліемъ.

Говорятъ, что спасители недовольны и Хорватомъ; послѣдній по обыкновенію играетъ роль двуликаго Януса; онъ поддерживаетъ образовавшіеся отряды деньгами, а на убѣжденія Самойлова въ опасности этихъ организацій, разлагающихъ и безъ того неустойчивое офицерство, отвѣтилъ: «да, разумомъ я съ Вами, а сердцемъ я съ ними».

Казалось бы, что приказчику случайно уцѣлѣвшаго стараго русскаго учрежденія, вознесенному сейчасъ въ положеніе высокой отвѣтственности, слѣдовало бы руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ головой, а не сердцемъ; послѣдній органъ можетъ превалировать только у неограниченныхъ монарховъ или у частныхъ лицъ, играющихъ на свой личный счетъ. Въ большой политикѣ сердце и прекраснодушіе приводятъ всегда или къ катастрофѣ, или заводятъ въ безысходные, часто темные и грязные тупики. Лицу, на долю котораго, видимо, выпадаетъ доминирующая роль въ судьбахъ возстановленія здѣсь государственности, слѣдовало бы понимать, что нельзя базироваться на истерическіе и авантюристическіе пузыри типа народившихся здѣсь организацій; въ сути послѣднихъ есть много хорошаго, но родились они въ больное время и ихъ составъ почти весь боленъ нашими общими и хроническими старыми, и случайными новыми болѣзнями. Посему государственному человѣку необходимо приложить всю свою власть, средства и умѣнье для того, чтобы исцѣлить образовавшіеся антибольшевистскія организаціи отъ всѣхъ ихъ золь и болѣзней и направить ихъ на истинный, здоровый путь.

Въ этомъ отношеніи я, только что пріѣхавшій, совершенно сошелся во взглядахъ съ сидящимъ здѣсь Самойловымъ и нѣсколькими старшими офицерами, сохранившими умственное равновѣсіе и понимающими, что образовавшіеся отряды принимаютъ вредное и ничего добраго не сулящее направленіе. Это безконечно печально; не зная совершенно, что творится въ полосѣ отчужденія, какъ по части сохраненія здѣсь всей силы русской власти, такъ и организаціи здѣсь антибольшевистскихъ силъ, надѣялся, что здѣсь можно будетъ образовать безопасное убѣжище для всѣхъ уходящихъ отъ большевизма

русскихъ людей, отсортировать ихъ по качествамъ и начать организацію тѣхъ кадровъ, которые черезъ нѣсколько времени понадобятся, чтобы начать организованную борьбу противъ сѣвшихъ на голову Россіи комиссаровъ и ихъ бандъ. Я надѣялся именно на полосу отчужденія, такъ какъ наше положеніе здѣсь давало полную гарантію противъ агрессивныхъ дѣйствій большевиковъ и предоставляло огромныя удобства для организаціи антибольшевицкихъ силъ; казармы и запасы Заамурскаго округа казались мнѣ отличнымъ основаніемъ для размѣщенія и перваго обзаведенія.

Вмѣсто этого, повидимому, наверхъ здѣсь выплыла кучка авантюристовъ, почуввавшихъ, что настали такія времена, которыя позволяютъ дерзать, и жаждущихъ дорваться до власти; идеи у нихъ внутри никакой, кромѣ плача о потерянномъ, злобной, личной — а не міровой — ненависти къ насильникамъ и острой жажды реванша (тотъ же, но только паршивенькій и не красочный Кобленцъ съ полупочтенными дѣльцами, авантюристами и разночинцами вмѣсто маркизовъ и петиметровъ французской революціи).

За идею стоять, гибнуть и готовы гибнуть только кучки старыхъ офицеровъ и ихъ дѣтей — кадетъ, гимназистовъ, юнкеровъ, — представителей старыхъ идей долга и служенія государству за совѣсть; но ихъ очень немного.

Всѣ эти организаціи помимо денежной помощи отъ Хорвата поддерживаются какимъ то комитетомъ изъ Харбинскихъ и Иркутскихъ купцовъ, трясущихся при мысли о господствѣ большевиковъ и готовыхъ пожертвовать крупными суммами изъ нажитыхъ милліоновъ, чтобы найти руки и сердца, готовые на борьбу съ этимъ страшнымъ для нихъ чудовищемъ.

Изъ рассказовъ узналъ, что до 13 декабря здѣсь сидѣли большевики, поддержанные стоявшими въ Харбинѣ на линіи дружинами ополченія; 13-го же декабря китайцы разоружили дружины, посадили ихъ въ вагоны и вывезли въ предѣлы Забайкалья; туда же вывезли затѣмъ расформированные и разоруженные батальоны Заамурской желѣзнодорожной бригады. Въ одинъ день китайцы сдѣлались военными хозяевами полосы отчужденія.

Жизнь здѣсь дорога, но за то все имѣется въ изобиліи; дороговизна же происходитъ только вслѣдствіе паденія курса нашего рубля.

Вечеромъ экстренные выпуски телеграммъ повѣдали намъ, что нѣмцы съ 7 февраля объявили вновь состояніе войны и перешли въ наступленіе по всему фронту; нашимъ войскамъ комиссарами приказано оказывать всюду сопротивленіе (интересно, какое сопротивленіе можетъ оказывать теперь тотъ жалкій остатокъ того, что было когда-то русской арміей, который остался на фронтѣ). Идіотскій проектъ заключенія мира, рожденный свихнувшимися утопистами и несвихнувшимися Іудами, разразился совершенно неожиданнымъ финаломъ; обезсиленная и искромсанная подлыми руками Россія отдана на волю нѣмцевъ. Къ сожалѣнію, современные Іуды не послѣдуютъ примѣру своего Каріотскаго предшественника и не удавятся, такъ какъ вѣроятно и этотъ нѣмецкій ходъ входитъ въ условленные тридцать сребренниковъ (только послѣдующая исторія узнаетъ, какой курсъ былъ при переводѣ сребренниковъ на марки).

Прибывъ въ Харбинъ, послалъ Главному Управленію Генеральнаго Штаба заявленіе объ отставкѣ; послѣ многихъ колебаній рѣшилъ все же проѣхать въ Японію для того, чтобы ориентировать нашу миссію въ томъ, что творится въ Россіи, что затѣвается въ Харбинѣ, и просить нашего военнаго агента сдѣлать что нибудь, чтобы облегчить спасеніе нашего офицерства, закупореннаго въ Россіи и обреченнаго тамъ на сожраніе большевиками. Хотя теперь и очень поздно, но все же можно еще многое сдѣлать, помогая намъ въ районѣ Румыніи, Дона, Кавказа, Финляндіи и на Дальнемъ Востокѣ. Мы столько сдѣлали для союзниковъ, что имѣемъ право рассчитывать на то, чтобы и они помогли намъ въ столь тяжкія времена.

Ѣхать въ Японію мнѣ очень неприятно, такъ какъ по телеграммамъ изъ Петрограда сидящіе тамъ господа, не понимающіе нашего положенія, могутъ подумать, что я ѣду въ командировку отъ большевиковъ. Но ѣхать надо, ибо письменно не разсказать того, что дѣлается съ арміей и Россіей, и что надо сдѣлать, чтобы намъ помочь; вѣдь я, вѣроятно, первый, кому удалось такъ скоро продрать сюда изъ Петрограда.

Былъ на вокзалѣ, смотрѣлъ, какъ провожали Хорвата, уѣзжавшаго въ Пекинъ по дѣламъ дороги и охранной стражи. Было больно видѣть хозяйничанье на вокзалѣ китайцевъ, постановку всюду китайскихъ часовыхъ, колотившихъ прикладами непонимавшихъ ихъ окриковъ русскихъ пассажировъ.

Все, чему мы отдали всѣ лучшіе годы своей жизни, все пошло прахомъ!

Харбинъ живетъ и дышетъ спекуляціей и темными дѣлами; спекулянты очень огорчены прекращеніемъ правильнаго сообщенія Харбина съ Западомъ, такъ какъ придется распрощаться съ отправкой въ Россію винъ, водки, кожи и разныхъ товаровъ, дававшихъ баснословные барыши и сдѣлавшихъ недавнихъ санкюлотовъ и мелкихъ комиссіонеровъ милліонерами.

Курсъ нашего рубля неизмѣнно ползетъ внизъ, на что вліяетъ, какъ общее положеніе, такъ и введеніе въ обращеніе разныхъ суррогатовъ денегъ въ видѣ керенокъ, почтовыхъ марокъ, кредитныхъ билетовъ старыхъ образцовъ и т. п. Надо знать китайскій рынокъ и быть очень осторожнымъ при введеніи новыхъ для него денежныхъ знаковъ, такъ какъ китайцы очень недоверчивы.

9 Февраля. Газеты сообщаютъ, что Украинская Рада, угрожаемая большевиками, обратилась за помощью къ Германіи и что нѣмцы двинулись на Рѣжицу, Полоцкъ и Витебскъ по путямъ на Петроградъ и Москву, и на Кіевъ. Думается мнѣ, что такъ далеко нѣмцы не пойдутъ; имъ въ первую голову важно захватить всю укрѣпленную полосу фронта и сосредоточенные на ней огромные запасы боевого снаряженія, и этимъ навсегда обезпечить себя отъ возможности какого-нибудь рецидива на нашемъ фронтѣ.

Впечатлѣнія отъ Харбина тяжелыя; не то ожидалъ я здѣсь увидѣть; на улицахъ шатаются и носятся на извозчикахъ совсѣмъ разболтавшіеся офицеры (очень много въ нетрезвомъ видѣ); по вечерамъ это явленіе усиливается; настроеніе у этихъ господъ очень воинственное, съ готовностью обнажать оружіе и стрѣлять по первому подвернувшемуся подъ руку поводу. Иногда харбинскія улицы начинаютъ напоминать намъ то, что мѣсяць тому назадъ мы видѣли въ Александровскомъ саду и на Кронверкскомъ проспектѣ: тѣ же малостѣсняющіяся парочки, та же развинченая походка, тѣ же кудлы волосъ . . .

10 Февраля. Приѣхалъ новый предсѣдатель правленія Восточно-Китайской дороги генераль Го (китайцы впервые осуществили свое право имѣть предсѣдателемъ дороги китайца), собралъ старшихъ агентовъ дороги и очень рѣшительно указалъ имъ, что внутренніе беспорядки Россіи не должны отражаться на продуктивности работы этой очень важной для всего Китая желѣзной дороги, и что они, китайцы, примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дорога работала какъ слѣдуетъ.

Сейчасъ же, по мнѣнію Го, на дорогѣ очень много разговариваютъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами; надо работать, а кому такой порядокъ не нравится, тотъ можетъ получить заштатныя деньги и уѣзжать въ Россію; на работѣ дороги это не отразится, такъ какъ если уйдутъ русскіе служащіе, то въ распоряженіи Го имѣется до тридцати тысячъ китайцевъ, которые готовы занять всѣ могущія освободиться мѣста.

Рѣчь очень дѣловая и опредѣленная. Сейчасъ въ рукахъ Хорвата задача огромной важности сохранить дорогу въ рукахъ Россіи и не дать китайцамъ стать полными хозяевами положенія; прежде всего, надо изгнать изъ обихода служащихъ политику; вѣдь сейчасъ при бѣгствѣ изъ Россіи массъ интеллигенціи и техническихъ силъ, можно подобрать для дороги рѣдкій составъ отборныхъ служащихъ; всѣхъ смутьяновъ и политикановъ отсортировать и отправить ихъ наслаждаться порядками комиссародержавія, а ихъ мѣста занять дѣльными, честными и далекими отъ политики людьми, которые будутъ осчастливлены полученіемъ обезпеченнаго заработка; я, напримѣръ, съ величайшей радостью пошелъ бы на мѣсто начальника какой-нибудь скромной станціи, чтобы получить пріютъ и кусокъ хлѣба, и былъ бы добросовѣстнымъ и полезнымъ для дѣла служащимъ; а такихъ, какъ я, цѣлыя сотни и ими было бы можно замѣнить и то жулье, и тѣхъ съезжившихся и притаившихся товарищей, которые сидятъ и въ управленіи, и на линіи.

Вечеромъ былъ у Самойлова и слушалъ про безчинства, чинимыя Семеновымъ и его отрядомъ; приѣхавшій недавно пограничникъ генераль Чевакинскій былъ свидѣтелемъ,

какъ на ст. Даурія Семеновскіе офицеры убили взятаго ими съ поѣзда пассажира за его отчаянные протесты по поводу отобранія у него законно ему принадлежавшихъ 200.000 рублей; этого пассажира пристрѣлили тутъ же на платформѣ и тѣло его выбросили за перила, ограждавшія платформу.

И такихъ случаевъ десятки. Меня это не удивляетъ; я слишкомъ хорошо познакомился съ тѣмъ матерьяломъ, изъ котораго состоитъ наше офицерство военнаго и революціоннаго времени, и знаю, до чего они могутъ распуститься въ обстановкѣ полной свободы и безнаказанности. Революція распустила насъ всѣхъ, а молодежь раг ex-cel-ленсе. И я вполне увѣренъ, что большая часть тѣхъ ужасовъ, про которые украдкой рассказываютъ въ Харбинѣ и которые творятся въ «Даурскихъ сопкахъ», куда уводятъ снимаемыхъ съ поѣздовъ пассажировъ, не преувеличена.

Несомнѣнно, что наравнѣ съ краснымъ большевизмомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ бѣлымъ большевизмомъ.

Особенно шумитъ и безобразничаетъ здѣсь генеральнаго штаба генераль Доманевскій; судя по рассказамъ объ его дѣяніяхъ, это совершенно спившійся алкоголикъ, распустившійся до полной потери офицерскаго достоинства, и которому мѣсто только въ больницѣ для алкоголиковъ и нервнобольныхъ. А онъ играетъ здѣсь какую-то роль государственнаго и военнаго дѣятеля. Всѣ потѣшаются надъ его пьяными и дикими выходками, но нѣтъ власти, которая положила бы предѣлъ такимъ безобразіямъ, онъ кутитъ по кабакамъ, не платитъ, награждаетъ орденами лакеевъ, рубитъ шашкой пальмы, дѣлаетъ изъ нихъ букеты и, перевязавъ снятой съ шеи Владимірской лентой, отправляетъ ихъ пѣвицамъ на сцену, посылаетъ ресторанные счета обратно съ надписью «Китайскому генералу Ма, разсмотрѣть и доложить» . . . и т. п. Харбинъ скалитъ на все это зубы, не понимая, какой печальный ужасъ для будущаго заключается въ самой возможности наличія въ нашей жизни такихъ явленій.

Очень невесело здѣсь; на тѣхъ организаціяхъ, которыя здѣсь создались, можно установить или бѣлобольшевицкую диктатуру разболтаннаго офицерства, или же самую мрачную реакцію, и при томъ только здѣсь, такъ какъ съ такими силами безнадежно идти на спасеніе Россіи; вѣдь прошли тѣ времена, когда группѣ вооруженныхъ людей можно было держать въ страхѣ цѣлые народы.

Психологически явленіе такихъ организацій неизбежно, какъ бурная реакція противъ совершившагося въ Россіи, какъ протестъ противъ надруганія надъ завѣтами и святынями прошлаго, но въ своемъ настоящемъ проявленіи оно не можетъ послужить основаніемъ для возстановленія разрушаемой уже цѣлый годъ государственности; вѣдь по сути своей оно также противогосударственно, ибо зачато и растетъ въ атмосферѣ презрѣнія къ закону, разрушенія всѣхъ неприятныхъ ограниченій и допустимости произвола и насилія по отношенію ко всему, что не ихъ лагеря и обычая; необуздываемое ничѣмъ, это разлагаетъ, развращаетъ, охулиганиваетъ послѣдніе остатки русской молодежи, приучаетъ ихъ къ лѣни, произволу, пренебреженію къ долгу и обязанностямъ, приучаетъ къ жизни не по средствамъ и къ добыванію средствъ для всякихъ наслажденій, не стѣсняясь ничѣмъ въ способахъ добыванія, однимъ словомъ, дѣлаетъ съ нашей бѣлой молодежью то же, что дѣлаетъ съ красной комиссарщина и красная армія.

11 Февраля. Официально сообщается о занятіи нѣмцами Вендена, Двинска и Луцка. Украинская рада заключила самостоятельный миръ съ центральными державами. Комиссары объявили какую-то сумбурную мобилизацію, сдобривъ ее терроромъ противъ буржуевъ. Кого хотятъ обмануть комиссары своими мобилизаціонными громами? Развѣ возможна какая-нибудь мобилизація въ то время, когда толпы ушедшихъ съ фронта и покончившихъ со всякой войной и мобилизаціями товарищей стихійно расплзаются по домамъ!

Верхопраць Крыленко испустилъ истерическій приказъ — прокламацію, въ которой требуетъ побѣды или смерти; прокламація написана, какъ то и подобаетъ хулиганскому Главковерху, самымъ хулиганскимъ стилемъ.

Здѣсь появился какой-то самочинный штабъ Дальневосточнаго Корпуса Защиты Родины и Учредительнаго Собранія (удивительное названіе! кого только они хотятъ

имъ надуть?). Штабъ сей объявляетъ, что всѣ офицеры обязаны записаться въ подчиненныя ему войска; редакція приказа по стилю очень недалеко ушла отъ Крыленковской, такъ какъ вышла изъ лавочки того же сорта, но только съ правой стороны улицы; тѣмъ не менѣе среди офицеровъ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ болѣе порядочные боятся объявленія уклоняющимися отъ исполненія долга, а болѣе трусливые боятся реальныхъ воздѣйствій.

Вечеромъ встрѣтилъ знакомаго по Владивостоку полковника Ходановича, бывающаго на засѣданіяхъ этого комитета (составъ его до сихъ поръ не объявленъ), и спросилъ, изъ кого же состоитъ этотъ комитетъ. Получилъ отвѣтъ: «изъ жуликовъ, хулигановъ, авантюристовъ и купцовъ, жаждущихъ спасти свои застрявшіе въ большевизіи капиталы» . . .

Таково общее мнѣніе объ этомъ комитетѣ; если это вѣрно, то не поздоровится ни Родинѣ, ни Учредительному Собранію отъ такихъ защитниковъ.

Вечеромъ узналъ, что китайцы присылали къ Хорвату узнать, что это за корпусъ, указывая, что по договору въ полосѣ отчужденія можетъ стоять только вольнонаемная охрана; Доманевскій ѣздилъ послѣ этого объясняться къ генералу Ма и дѣло кончилось какимъ то скандаломъ.

12 Февраля. Въ городѣ много разговоровъ по поводу активнаго проявленія дѣятельности Дальневосточнаго Комитета и рожденнаго имъ корпуса (пока только изъ одного начальства, но безъ войскъ); думаютъ, что это — попытка создать въ Харбинѣ повтореніе Семеновскаго отряда со всѣми вкусными для антрепренеровъ послѣдствіями. Приверженцы комитета распространяютъ слухи, что работаютъ по указанію союзниковъ, которые де отпустили уже комитету 40 милліоновъ, и съ отеческаго благословенія Хорвата.

Опубликованы условія мира, продиктованныя нѣмцами и принятыя вчера комиссарами; въ главныхъ чертахъ Россія теряетъ все, что западнѣе Двины и Бреста; возстанавливается старый торговый договоръ, преимущества котораго, какъ говорили, были такъ велики, что окупали нѣмцамъ все содержаніе ихъ арміи; затѣмъ Россія обязуется демобилизоваться и разоружиться.

Въ Петроградѣ царство террора; изданъ декретъ, разрѣшающій разстрѣливать контръ-революціонеровъ на мѣстѣ; выходитъ — стрѣляй, кого хочешь.

Условія мира приняты Цикомъ большинствомъ 116 противъ 85; нашлись еще и въ царствѣ комиссаровъ люди, не убоявшіеся голосовать противъ.

13 Февраля. Всѣ три харбинскія газеты обрушились на Дальневосточный Комитетъ, требуя опубликованія его состава и объясненія правъ, на основаніи которыхъ онъ распоряжается; при этомъ комитетъ обвиняется въ желаніи установить режимъ палки.

Получено извѣстіе, что изъ Иркутска идутъ эшелоны красныхъ войскъ, двинутые комиссарами для ликвидаціи Семенова; послѣдній разобралъ путь между станціями Борзя и Оловянная и такимъ образомъ желѣзнодорожное сообщеніе съ западомъ прекратилось. Харбинскіе спасители настроены очень воинственно, но я не вижу основаній, чтобы оптимистически смотрѣть на исходъ возможныхъ столкновеній Семенова съ красными; если бы даже у Семенова и было достаточно силъ, то, не имѣя ни артиллеріи, ни обозовъ, ни обезпеченнаго интендантскаго и артиллерійскаго подвоза, базируюсь на точку — ст. Маньчжурія и будучи привязанъ къ желѣзнодорожной линіи, проходящей очень невыгодно (въ облическомъ къ границѣ направленіи), онъ не въ состояніи ни держаться въ Даурскомъ районѣ, ни двигаться впередъ. Общіе законы войны непреложны, а малая война, да еще въ условіяхъ гражданской войны, вещь очень деликатная.

14 Февраля. Былъ у Самойлова; слушалъ рассказы участниковъ про вчерашнее собраніе офицеровъ Харбинскаго гарнизона для выясненія отношеній къ родившемуся изъ пѣны харбинской Дальневосточному Корпусу; судя по рассказамъ, вышелъ самый безтолковый кавардакъ самаго митинговаго характера съ руганью, попреками и прочими аксессуарами такихъ собраній; подполковника генеральнаго штаба Акинтіевскаго, сказавшаго собравшимся горькую правду, чуть не избили. Впрочемъ, трудно было ожидать уравнищенности, спокойствія и дѣловитости отъ случайнаго собранія самыхъ разношерстныхъ элементовъ, большею частью издерганныхъ, распутившихся, многое

потерявшихъ, много испытавшихъ, жаждущихъ мести, отвыкшихъ отъ истоваго исполненія тяжелыхъ обязанностей и, въ большинствѣ, очень и очень далекихъ отъ подвига; устроиться хочется почти всѣмъ, но работать и рисковать не особенно много охотниковъ.

Недѣля Харбинской жизни, личныя наблюденія и рассказы безпристрастныхъ людей дали самую безотрадную картину того, чѣмъ живетъ большинство собравшейся здѣсь молодежи, захваченной революціей и ея послѣдствіями въ самый опасный для нея періодъ полной неустойчивости и нахождения на остріѣ ножа, съ возможностью свалиться и на одну и на другую сторону. Судя по рассказамъ обывателей, по вечерамъ во всѣхъ мѣстныхъ кабакахъ-шантанахъ всѣ столы заняты спасителями родины разныхъ ранговъ, вино льется рѣкой, кутежъ и развратъ идутъ во всю; кто успѣлъ нагнать и нацапать, тотъ жаритъ на наличныя, а кто не успѣлъ, должааетъ, лущитъ въ кредитъ и жадными глазами и всей силой звѣринаго желанія ищетъ гдѣ бы схватить, гдѣ бы поживиться и получить такія же, какъ у нѣкоторыхъ счастливицевъ, средства для пьяной, беззаботной жизни и удовлетворенія животныхъ наслажденій. Сейчасъ Харбинъ это помойница, въ которой гноятся и безвозвратно погибаютъ послѣдніе остатки русской молодежи, той самой, изъ которой, попади она въ другую обстановку и въ другія руки, могли бы выйти цѣлыя рати героевъ подвижниковъ, истинныхъ спасителей гибнущей Родины. Конечно, и сейчасъ здѣсь есть и идейные борцы за Россію, и добросовѣстные, скромные работники, но ихъ капля сравнительно со всѣмъ остальнымъ.

Во главѣ всей мѣстной чепуховидной оперетки на государственно-военныя темы взгромоздился ничтожненькій господинчикъ изъ бывшихъ консульскихъ чиновниковъ, нынѣ исполняющій обязанности русскаго здѣсь консула — Поповъ, изображающій сейчасъ что-то въ родѣ мѣстнаго Главковерха, жалкая пародія на жалкаго Керенскаго.

Все видѣнное заставило меня считать себя обязаннымъ проѣхать въ Японію, рассказать про видѣнное и пытаться убѣдить во первыхъ въ необходимости назначить какое-нибудь компетентное и съ авторитетнымъ именемъ лицо для сбора, организаціи и муштровки русскаго офицерства, какъ необходимѣйшихъ кадровъ грядущей антибольшевистской борьбы, а во вторыхъ изложить мои взгляды на срочную необходимость союзнаго вмѣшательства и союзной окупаціи Дальняго Востока для спасенія его отъ разложенія, неизбежнаго спутника большевизма, и для предотвращенія учиненія надъ населеніемъ обидъ и беззаконій, откуда бы они ни шли. Окупацію я представляю себѣ въ видѣ занятія главныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ союзными войсками, назначеніе которыхъ возстановитъ дѣйствіе старыхъ законовъ, судебныхъ, земскія и финансовыя учрежденія, потребовать отъ всѣхъ соблюденія строжайшаго порядка и усѣкать каждого, кто сего не исполнитъ; борьбу съ большевизмомъ предоставить русскимъ, давъ имъ только военнотехническія средства и обезпечивъ снабженіе; при порядкѣ въ тылу и на желѣзныхъ дорогахъ большихъ силъ, чтобы справиться съ красной сволочью, не требуется, но надо, чтобы свои силы были бы настоящими русскими войсками, а не бандами бѣлыхъ большевиковъ.

15 Февраля. Съ тяжелымъ чувствомъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

На западѣ нѣмцы крѣпятъ свои условія мира неизмѣннымъ движеніемъ въ наши предѣлы. Комиссары вопятъ, что всѣ войска двинуты для защиты Петрограда. Продали всю Россію, а теперь только и думаютъ о спасеніи своего большевичьяго гнѣзда.

На станціи Чань-Чунь пересѣли въ японскій экспрессъ, представляющій разительный контрастъ съ тѣми свинушниками, въ которыхъ ѣхали по нашей южной вѣткѣ отъ Харбина; душа ноетъ и плакать хочется, когда видишь, что у чужихъ такъ хорошо, а у насъ все разваливается.

Бду подъ тяжелымъ гнетомъ Харбинскихъ впечатлѣній; на наше великое горе здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ взять на себя великое дѣло возстановленія арміи, администраціи и государственнаго устройства; какое счастье было бы, окажись здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, сейчасъ Лечицкій или Нищенковъ.

Многоликій Хорватъ, способный только на ловкіе компромиссы и на искусную лавировку среди самыхъ разнообразныхъ теченій, несомнѣнно умный, умѣющій обхо-

даться съ людьми и къ себѣ ихъ привлекать, но абсолютно неспособный къ рѣшительнымъ активнымъ дѣйствіямъ, не знающій арміи, совершенно не подходящій къ тому, чтобы идейнымъ, величественнымъ утесомъ подняться среди общаго развала и безлюдья и громовымъ, безотказнымъ кличемъ собрать все уцѣлѣвшее и властно, желѣзной рукой, повести его на великій жертвенный подвигъ спасенія гибнущей родины . . . Опереточный консулъ Поповъ, случайный прыщъ въ родѣ Семенова, алкоголикъ, скандалистъ Доманевскій, полусумасшедшій авантюристъ Потаповъ — вотъ дѣйствующие персонажи маньчжурскаго Кобленца.

16 Февраля. Несемся дальше на югъ; чистенькій и аккуратненькій японскій экспрессикъ проносится черезъ мосты и туннели; дорога очень походитъ на нашу Амурскую и на восточную вѣтвь Китайской.

Проѣхали Антунгъ, бывшую корейскую деревушку, а теперь солидный городъ съ каменными домами, фабриками и заводами. Грустно думается о томъ, что и этому начало положено нами; мы первые разбудили пустынную Маньчжурію, внесли въ нее культуру, уложили многіе милліоны русскихъ денегъ, потеряли сотни тысячъ русскихъ людей и въ концѣ концовъ сдѣлали ее источникомъ великихъ благъ и доходовъ, но только не для себя; нажилась Японія, приобрѣлъ многое и готовится приобрести еще больше Китай, мы же по исторической привычкѣ добыли себѣ только горе, убытки и позицію у разбитаго корыта.

Переѣхали р. Ялу; вспомнился 1904 годъ и тяжелые апрѣльскіе дни здѣшнихъ боевъ и ужасъ перваго пораженія; на сѣверныхъ берегахъ еще видны остатки нашихъ траншей, въ которыхъ, по отсутствію у старшихъ начальниковъ способности говорить правду, погибли безцѣльно лучшіе люди третьяго сибирскаго корпуса; только генералъ Трусовъ доложилъ правду, за что и былъ съ ошельмованіемъ удаленъ отъ командованія шестой сибирской дивизіей.

Отъ ѣдущаго въ экспрессѣ директора Владивостокскаго отдѣленія Сибирскаго банка узналъ, что въ Владивостокѣ все трещитъ и внѣшній порядокъ охраняется только нажимомъ со стороны иностранныхъ консуловъ, грозящихъ, въ случаѣ безпорядковъ, запретить ввозъ продуктовъ изъ-за границы.

17 Февраля—2 Марта. Рѣшилъ перейти на новый стиль — за границей двойственность сугубо путаешь. Рано утромъ мы въ Фузанѣ; поѣздъ подходитъ прямо къ пароходу. Вездѣ очень усердно допрашиваютъ японцы, прилично говорящіе по русски. Въ Симоносеки пересѣли въ чисто японскіе вагоны.

Изъ Кобе'скихъ газетъ узналъ, что союзники упрашиваютъ Японію выступить на Дальнемъ Востокѣ, но Японія отказывается на томъ основаніи, что ея интересы не затронуты; между строчекъ читается, что японцамъ не охота ради другихъ таскать горячіе каштаны изъ большевистской печки. Тяжкодумы японцы не понимаютъ, что пожаръ у сосѣда надо тушить, пока не поздно.

Тѣ же газеты сообщаютъ очень горестное извѣстіе о занятіи нѣмцами Ревеля и Пскова.

3 Марта. Весь день любовался японскими пейзажами, всюду образцовый порядокъ и чисто до подлости; вотъ куда надо пригнать нашихъ російскихъ лежебоковъ и показать, какимъ каторжнымъ трудомъ зарабатывается здѣсь каждая пригоршня риса. На станціяхъ полный порядокъ; нигдѣ нѣтъ праздно толпы, а ожидающіе поѣзда спокойно ждутъ за тонкими перилами, пока имъ разрѣшатъ садиться въ вагоны.

Поражаетъ также малое количество видимыхъ на станціяхъ служащихъ и удивительная точность движенія.

Мѣстныя газеты обсуждаютъ вопросъ о выступленіи Японіи для водворенія порядка на Дальнемъ Востокѣ; общее настроеніе отрицательное, ибо Японіи, де, непосредственно ничего не угрожаетъ и торопиться ей не зачѣмъ. Не хочется думать, что за этимъ уклончивымъ отвѣтомъ, кроется скрытое желаніе дать Россіи побольше развалиться и этимъ скинуть съ будущихъ счетовъ на Азіатскомъ материкѣ наиболѣе опаснаго конкурента.

Все это очень огорчительно, ибо изъ этого ясно, что здѣсь, какъ и у союзниковъ, никто не понимаетъ того, что совершается сейчасъ въ Россіи и какими результатами это грозитъ всему міру.

Нѣкоторыя газеты заявляютъ, что Японія ожидаетъ, какъ выскажется по этому вопросу Америка, зорко и ревниво слѣдящая за каждымъ шагомъ Японіи, особенно на азіатскомъ материкѣ.

4 Марта. Приѣхали въ Токио; въ отель ѣхаль на рикшѣ и думаль о томъ рѣзкомъ контрастѣ, который пришлось пережить: за шесть недѣль тому назадъ на насъ ѣздили, а сегодня самому приходится ѣхать на упряжномъ человѣкѣ.

Въ полдень приѣхаль Яхонтовъ; конечно, у него ни на одну минуту не могло быть мысли, что я приняль назначеніе отъ большевиковъ; онъ сразу поняль, что это было для меня единственнымъ способомъ удрать изъ Петрограда; но посланникъ, по его словамъ, дуется и сомнѣвается, не приѣхаль ли я отъ большевиковъ. Просиль Яхонтова доложить послу, что уже 8 февраля я послаль заявленіе о своей отставкѣ изъ російской военной службы настоящаго порядка, и что я приѣхаль исключительно для того, чтобы: первое — разсказать, что сдѣлали съ нашей арміей; что дѣлается вообще въ Россіи и рекомендовать битъ большую тревогу, ибо дѣлается нѣчто очень ядовитое, ползучее и грозное по своимъ послѣдствіямъ; второе — кричать о необходимости скорѣйшаго вмѣшательства (если уже не поздно) союзниковъ для того, чтобы спасти ошалѣвшій русскій народъ отъ власти одурманившихъ его насильниковъ и обезпечить работу, безопасность и спокойствіе тѣхъ, кто будетъ создавать разрушенный государственный строй; и третье — умолять подумать о гибнущемъ въ красныхъ тискахъ русскомъ офицерствѣ, столько положившемъ на союзное дѣло, устроить для нихъ пути и убѣжища для спасенія и помочь имъ сорганизоваться въ кадры для будущей русской арміи. Главное же, по моему мнѣнію, это то, чтобы союзники поняли, что борьба съ большевизмомъ это не узко русское дѣло, а дѣло міровое, одинаково для всѣхъ необходимое.

По словамъ Яхонтова вмѣшательство Японіи въ наши Сибирскія дѣла, повидимому, неизбѣжно, но едва ли она пойдетъ дальше Забайкалья; наибольшее затрудненіе пока представляетъ рѣзкій протестъ Америки, несогласной на такое японское выступленіе. Китай же самъ напрашивается, чтобы союзники поручили ему эту миссію (дожили до того, что люди собираются водворять у насъ порядокъ, котораго у нихъ у самихъ нѣтъ). Одно время намѣчалась идея общесоюзнаго вмѣшательства, но была погашена заявленіемъ Японіи, что она обязалась поддерживать сохраненіе порядка на Дальнемъ Востокѣ и одна желаетъ выполнить такое свое обязательство.

Союзники дебатируютъ, а мы все разваливаемся, да разваливаемся; вѣдь и то, что творится сейчасъ въ Харбинѣ тоже развалъ, и очень грозный по своимъ послѣдствіямъ.

Здѣсь ходятъ слухи о попыткѣ образовать въ Пекинѣ новое Сибирское правительство (вмѣсто разогнаннаго большевиками въ Томскѣ); въ справедливости слуховъ заставляетъ сомнѣваться сумбурность сообщаемого состава этого правительства: предсѣдатель Князь Львовъ, военный министръ Брусиловъ, министръ финансовъ Путиловъ и т. п.

5 Марта. Отдыхаю безъ работы и обязанностей; непривычно чувствовать себя нигде не торопящимся и ничѣмъ не связаннымъ. Временами стыдно, что живешь такъ покойно и ѣшь такъ обильно въ то время, когда другіе, тамъ ущемленные, страдаютъ, голодаютъ и ведутъ существованіе аналогичное каторжнымъ гребцамъ, прикованнымъ на галерахъ къ весламъ.

Сегодняшнія газеты наполнены слухами о выступленіи Японіи и Америки, о поѣздкахъ разныхъ пословъ къ премьеру и о длительныхъ совѣщаніяхъ.

Сообщаютъ, что Китай уже назначиль 40.000 войскъ для Сибирской экспедиціи.

Утромъ ѣздилъ къ послу, — это одинъ изъ многочисленныхъ Крупенскихъ; разсказаль ему, что дѣлается въ Россіи, въ какомъ ужасномъ положеніи находится русская интеллигенція и русскіе офицеры, и всячески старался охарактеризовать серьезность положенія, усиленно подчеркивая, что сейчасъ не повтореніе 1906 года и что болѣзнь незаконечно опаснѣе и такъ уже прогрессировала, что можетъ являться опасеніе, не опоздаютъ ли доктора.

Такіе господа, какъ мѣстный посоль и многіе наши представители за границей, знаютъ что такое революція только по газетамъ, да по розовымъ телеграммамъ Терещенко и Ко.; они ничего не испытали, обезпечены на долгое время прекрасными окладами въ

золотыхъ рубляхъ и очень горды тѣмъ, что могутъ, сидя въ полной безопасности, рядить-ся въ ризы ярыхъ и непримиримыхъ ненавистниковъ большевизма и грозно размахивать руками. Всѣ тѣ, кто ущемлены, мучаются и погибають въ Россіи, ненавидятъ большевизмъ сильнѣе и острѣе, но что они могутъ сдѣлать, разрозненные, безпомощные . . . Вѣдь для многихъ — только тотъ исходъ, который нашелъ въ Брестѣ генераль Скалонъ. Посмотрѣлъ бы я на всѣхъ этихъ заграничныхъ синьоровъ, если бы они попали въ комиссарскія лапы.

Высказалъ также послу свой взглядъ на интервенцію и на острую потребность возможно скорѣе положить предѣлъ прогрессирующему разложенію послѣднихъ остатковъ осмысленнаго человѣческаго существованія.

Вечеръ провелъ въ отчаянномъ настроеніи, всѣ тѣ мечты, съ которыми я стремился сюда, оказались очень далекими отъ возможности осуществленія; вдобавокъ, читался газетъ, перенесся мыслями въ Россію и мучился неспособностью хоть чѣмъ нибудь помочь тѣмъ, кто тамъ остался.

6 Марта. Газеты продолжаютъ обсуждать вопросъ о вмѣшательствѣ Японіи въ русскія дѣла; появились кое-какіе намеки на возможность общаго союзнаго выступленія съ участіемъ Америки.

Прочиталъ сообщеніе, что за время послѣдняго продвиженія вглубь Россіи нѣмцы захватили 3000 орудій, нѣсколько десятковъ тысячъ пулеметовъ и необозримое количество всевозможныхъ боевыхъ и техническихъ запасовъ, и плакалъ отъ боли и стыда; минутами вторгалась въ голову мысль: «а, быть можетъ, даже лучше, что все это брошено, чѣмъ если бы было продано, все равно кѣмъ, товарищами или комиссарами; результаты одни, но позора меньше».

Вспомнилось, какъ страдали мы, не имѣя ни орудій, ни пулеметовъ и снарядовъ; какой радостью было для насъ полученіе этихъ средствъ борьбы и постепенное ихъ накопленіе и улучшеніе; какія надежды мы связывали съ тѣмъ временемъ, когда, наконецъ, у насъ будутъ средства бороться съ врагомъ равнымъ оружіемъ . . . И когда все это пришло, когда состояніе матеріи поднялось, развалился духъ, и черезъ 8—9 мѣсяцевъ на мѣстѣ русской арміи остались какія-то кучи нравственнаго навоза — дезорганизованныя банды товарищей, продающихъ нѣмцамъ пушки и пулеметы и позорно бѣгущихъ передъ наступающими церемоніальнымъ маршемъ нѣмцами. Какъ счастливы тѣ, кому судьба была благосклонна и не дала имъ увидѣть всего этого позора!

7 Марта. Яхонтовъ хотѣлъ мнѣ помочь прикомандированіемъ меня, какъ знатока Дальняго Востока, къ военной миссіи, но наткнулся на сопротивление Крупенскаго, заявившаго, что такъ какъ я принялъ командировку отъ измѣнническаго Управленія Генеральнаго Штаба, то онъ не только не разрѣшаетъ моего прикомандированія, но требуетъ, чтобы я уѣхалъ изъ Японіи.

Всѣ доводы Яхонтова были безрезультатны.

Интересно знать, кто больше измѣнники: тѣ, кто, попавъ въ красный плѣнъ, своимъ тѣломъ, кровью и переживаемымъ ужасомъ тормозить, сколько можетъ, поступательное движеніе большевизма и, находясь подъ постояннымъ страхомъ мученій, издѣвательствъ и смерти, напрягаетъ невѣроятныя усилія, чтобы выиграть время, пока придетъ помощь (ибо тамъ въ Россіи все еще надѣются, что союзники не бросятъ насъ на комиссарское сѣденіе), — или тѣ, кто, сидя по безопаснымъ заграничнымъ и далекимъ отъ Россіи и революціи мѣстамъ и кушая многотысячные оклады, брезгливо отворачивается отъ всего русскаго и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы спасти гибнущихъ на Руси.

Трудно было ожидать чего либо болѣе порядочнаго и человѣческаго отъ такого типичнаго представителя нашей дипломатіи, какимъ является Базиль Крупенскій. Недаромъ говорили про наше «иностраниое» вѣдомство, что русскій дипломатъ и сны видитъ, и бредитъ во снѣ только на французскомъ языкѣ.

Имѣлъ съ Яхонтовымъ длинную бесѣду о состояніи нашей арміи и положеніи офицерства; рассказалъ ему подробно, что дѣлается въ Харбинѣ и подчеркнул, что въ этой помойной ямѣ молодежь воспитывается только на мести, на идеѣ реванша и свединія личныхъ счетовъ, то-есть на такихъ лозунгахъ, на которыхъ Россіи не возстановить.

Просиль Яхонтова взять на себя хлопоты по организаціи съ помощью союзниковъ русскихъ добровольческихъ легіоновъ, которые и будутъ продолжать борьбу и за общее союзное, и за русское дѣло на началахъ великаго воинскаго и гражданскаго подвига, о себѣ лично не думая, ничего не требуя, и никому не мстя.

По мнѣнію Яхонтова мои надежды на возможность искренней и безкорыстной помощи со стороны Японіи весьма утопичны: японцы очень хитры и еще болѣе жадны; сейчасъ они полны вождѣленіями какъ бы выгоднѣе использовать наши несчастія и извлечь изъ этого наибольшую для своей страны пользу; польза же эта рисуется въ легкомъ захватѣ всего русскаго Дальняго Востока и наложеніи своей лапы на крайне нужныя для нихъ естественныя богатства этого края (горныя и рыбныя). Пока что Японія сдерживается и косится въ сторону Америки своей непримиримой соперницы во всемъ, что касается эксплуататорскихъ экспериментовъ на азіатскомъ континентѣ.

8 Марта. Газеты сообщаютъ, что три дня тому назадъ Америка дала свое согласіе на выступленіе Японіи на русскомъ Дальнемъ Востока; говорятъ, что изъ Цуруги вышли уже транспорты съ войсками, но военные японцы это отрицаютъ.

9—14 Марта. Отдыхаю. Вопросъ о сибирскомъ вмѣшателствѣ Японіи продолжаетъ оставаться въ положеніи дебатироваемаго вопроса, интересъ къ которому съ каждымъ днемъ становится все слабѣе.

15 Марта. Яхонтовъ уѣзжаетъ въ отпускъ; сговорился съ нимъ по поводу организаціи помощи русскимъ офицерамъ; проектирую, чтобы онъ попробовалъ обратиться къ Рузевельту — это человѣкъ кипучій, военный и съ огромнымъ общественнымъ и нравственнымъ вѣсомъ. Надо только торопиться, пока помойныя ямы Харбинскаго типа не сгноили совершенно нашу молодежь.

По словамъ Яхонтова японцы охотно готовы вмѣшаться въ наши дѣла, но только на средства союзниковъ и съ тѣмъ, чтобы не идти дальше Владивостока, Харбина и Камчатки. Условія черезчуръ прозрачныя, и союзники совсѣмъ не охочи на то, чтобы давать деньги на осуществленіе за ихъ счетъ чисто японскихъ задачъ, и требуютъ гарантій, что при исполненіи не будутъ преслѣдуемы узко эгоистическія цѣли.

Харбинскіе писакки продолжаютъ муссировать Семеновщину, представляя Семенова, какъ единственную величину, способную спасти Россію отъ власти большевиковъ. За деньги и въ чаяніи разныхъ благъ отъ реванша наши продажныя перья способны на все.

Развѣ на ненависти и мести можно возстановить разрушаемую Россію, особенно если ненависть направлена огуломъ по адресу всего народа? Слѣдовало бы вспомнить и прочесть о томъ, что было во времена Вандеи и Кобленца; фонъ вѣдь тотъ же самый, только краски и углубленія куда рѣзче, чѣмъ сто двадцать лѣтъ тому назадъ.

16—17 Марта. Лунножитель Вильсонъ, разразился посланіемъ къ русскому народу; совсѣмъ никчemuшная исторія, такъ какъ $\frac{3}{4}$ русскаго народа никакихъ посланій не читаетъ и очень мало, если не совсѣмъ, освѣдомлены о томъ, что такое Соединенные Штаты и гдѣ они находятся; милый профессоръ исторіи продолжаетъ пребывать въ невѣдѣніи того, что съ выпущенными на чисто звѣриную свободу дикими и темными массами нельзя бесѣдовать ни воззваніями, ни идущими даже отъ искренняго сердца убѣжденіями.

Въ нашей острозаразной болѣзни нужны или операція, или прижиганіе; вѣрнѣе сказать — были нужны, такъ какъ теперь время, повидимому, уже упущено.

18 Марта. Съѣздъ совѣтовъ въ Москвѣ утвердилъ мирный договоръ съ Центральными державами; ничего иного и не могло сдѣлать спеціально собранное для этого случая голосовальное стадо. Подтверждена только сдѣланная именемъ Россіи подлость, ибо вѣдь все равно самая Россія усердными стараніями комиссаровъ уже нѣсколько мѣсяцевъ фактически выведена изъ строя воюющихъ державъ, потеряла всю свою армію, лишилась всѣхъ боевыхъ запасовъ и приведена къ экономическому коллапсу.

Союзная пресса продолжаетъ жевать вопросъ объ оказаніи помощи Россіи и о Сибирской экспедиціи; каждая строка каждой статьи доказываетъ глубочайшее непониманіе того, что совершилось и продолжается сейчасъ на нашей несчастной, ополоумѣвшей Родинѣ.

28 Марта. Нѣмецкое наступленіе медленно продвигается впередъ; мѣстные нѣмцефильсы и союзникофобы ликують; я ихъ охлаждаю напоминаніемъ про судьбу клина, который не раскололъ бревна сразу, а застрялъ и продолжаетъ вбиваться уже ослабленными мелкими ударами въ то время, когда стѣнки раскола сохранили могучую силу сопротивленія и готовы энергично сжаться и выбросить клинъ вонъ. Большинство здѣсь считаетъ дѣло союзниковъ проиграннымъ и искренно радуется; скрытое нѣмцефильство бурно выбивается наружу. Горькое имъ предстоитъ разочарованіе, когда выяснится, что цѣной огромныхъ потерь и частичныхъ тактическихъ успѣховъ нѣмцы близки уже къ стратегическому поражению, и теперь весь вопросъ въ томъ, какъ имъ удастся вылѣзти изъ начатой ими операціи, успѣютъ ли они унести свои хвосты и отстояться за основными линіями, цѣльность сопротивленія которыхъ не могла быть нарушена съ началомъ наступленія. Конецъ нѣмецкой наступательной волны долженъ быть началомъ контръ волны союзнаго перехода въ рѣшительное наступленіе — такова, повидимому, идея верховнаго союзнаго командованія.

29 Марта. Отчаянное нѣмецкое сопротивленіе продолжается; несомнѣнно, что главная цѣль нѣмцевъ заключается въ томъ, чтобы отрѣзать англичанъ и припереть ихъ къ морю; возвѣщаемое же наступленіе на Парижъ это только для отвода глазъ и, какъ говорятъ юнкера, для «наведенія дранжа» на очень чувствительныхъ во всемъ, что касается Парижа, французовъ.

Нѣмцефильсы японцы (ихъ оказывается очень много) и очень многіе русскіе вождельно смакують грядущую побѣду тевтоно-австрійскихъ армій, отъ которыхъ ждуть затѣмъ энергичныхъ дѣйствій по восстановленію порядка на Руси и возвращенію всѣхъ потерянныхъ правъ, преимуществъ и капиталовъ; во всемъ этомъ такъ и сквозитъ то, что именуется русскимъ патріотизмомъ.

30 Марта—4 Апрѣля. Томлюсь въ ожиданіи возможности двинуться въ обратный путь въ Харбинъ безъ заѣзда, какъ раньше думалъ, въ Пекинъ. Нѣмцы все еще ломаются впередъ подъ ликованіе мѣстныхъ милостивыхъ государей съ бердичевского и кобленцкаго фронтовъ; у многихъ слюнки текутъ отъ предвкушенія будущихъ жареныхъ рябчиковъ и прочаго благоуханія былыхъ временъ. Утромъ продолжительная бесѣда съ японскимъ жандармомъ; выяснилось, что наше посольство все время волнуется, скоро ли я уѣду, и представляетъ меня японцамъ, какъ большевика; отъ столь подлаго учрежденія трудно было ожидать чего либо другого; подлость усугубляется тѣмъ, что посольство знаетъ, что это невѣрно; знаетъ причины моего отъѣзда изъ Петербурга и причины, побудившія меня пріѣхать въ Японію. Я рассказалъ жандарму причины моего прибытія, показалъ ему документы; тотъ разсыпался въ любезности и уговаривалъ не уѣзжать изъ Японіи, такъ какъ скоро цвѣтеніе вишенъ и много удовольствій и развлеченій. Поблагодарилъ его, сказавъ, что русскимъ сейчасъ не до развлеченій и что мнѣ надо ѣхать въ Харбинъ искать работы.
